

ЖОРЖ СИМЕНОН

ЛЮДИ НАПРОТИВ

ИЛИ

реквием батумских дождей

Социально-психологический роман о

Батуми 30-х годов

Батуми 2013

*Перевод с французского и вступительная статья
кандидата филологических наук, ассоц.профессора
университета им. Шота Руставели
Виктории Диасамидзе
В авторской редакции*

Консультанты: **Отар Гоголишвили**, доктор
исторических наук профессор Батумского государственного
Университета им. Шота Руставели

Реваз Диасамидзе, доктор
исторических наук, профессор Батумского государственного
Университета им. Шота Руставели

Роман Ж. Сименона написан после его пребывания в Батуми в 30-е годы XX столетия. Действие романа «Люди напротив» (“Les gens d’en face”) происходит во времена террора аннексированной Советами Грузии. Главная антитеза романа,- это оппозиция некрофильного и биофильного (по Фромму) режимов и менталитетов, иными словами, социального ориентирования. С помощью символических образов и особой «чернорамочной» конструкции писатель создаёт не только минорную тональность романа, но и впечатление иллюзорности происходящего. Своим поведением писатель показал всю драму абсурда насильного «осчастливливания», а также то, что это состояние пройдёт, как кошмар спящего народа, чья воля парализована преступным режимом, однако он, как и любой народ, заслуживает счастья без террора.

Предисловие

В 2002 году наш город посетил бельгийский журналист Фредди Бонмарьяж (Freddy Vonmariage), друг сына знаменитого на весь мир романиста Жоржа Сименона. Фредди прибыл с целью посетить места, связанные с пребыванием писателя в Батуми, а также места, где разворачивалось действие романа Сименона «Les gens d'en face» о Батуми 30-х годов. Наши поиски были активными, а Freddy Vonmariage по приезду из Батуми завершил съемку документального фильма о батумском и одесском периодах творчества великого писателя – мастера психологических и остро-социальных романов. Планировался и приезд сына Сименона в Батуми, но по разным причинам он ограничился посещением Одессы.

По приезду в родной Льеж, родину Сименона, Freddy Vonmariage в память о нашем кратком сотрудничестве, в котором также приняли живое участие журналист Заур Маргиев и тогда студентка французского отделения Нана Беридзе, имел любезность выслать мне оригинал романа. Так появился его перевод, населивший для меня город героями романа Сименона, ставшими для меня живыми и родными, - таков талант писателя.

Работа над переводом привела меня в архивы газеты «Батумский рабочий», погрузившей меня в атмосферу тех душевных и страшных лет (чего стоили одни клеймящие заголовки и славословия Л.Берии!).

Сталинские репрессии не пустые слова для многих батумцев, как и для моей семьи; жители города помнят о заключенных в подвале шикарного особняка бывшего царского генерала по проспекту Руставели, где многократно был заключен среди других жертв режима, Ильяс Мустафович

Диасамидзе, реабилитированный впоследствии. Светлая память невинно замученным и убиенным, помнить о них наш долг, чтобы не повторился национал / социал-фашизм.

Для того, чтобы лучше понять события, происходившие в стране и на страницах романа, мы считаем необходимым включить в это издание статьи известного специалиста – доктора исторических наук, профессора Батумского Государственного университета имени Шота Руставели, Отара Гоголишвили на грузинском и русском языках, в которых дана картина общей социально-политической обстановки тех лет в стране и регионе.

Выражаю особую признательность меценату, кандидату физико-математических наук, ассоциированному профессору университета им. Шота Руставели, Шоте Исрафиловичу Махарадзе, благодаря материальной поддержке которого книга увидела свет.

В.Г.Диасамидзе

**Светлой памяти моих родных - деда Павла Фореник
и дяди по материнской линии - Терентия Перегуды,
погибших от репрессий 30-х годов
посвящаю...**

ПЕСНЬ БАТУМСКИХ ДОЖДЕЙ СИМЕНОНА

*«Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней
порой...
Льетесь безвестные, льетесь
незримые,
Неистоцимые, неисчислимые, -
Льетесь, как льются струи
дождевые
В осень глухую, порою ночной».*

Ф.И.Тютчев, 1849.

Мало кто не читал или хотя бы не слышал о Жорже Сименоне, создателе серии романов о комиссаре Мегрэ, а также интереснейших социально-психологических романов. Потомок русского солдата Семенова, волею судеб занесенного в благодатную Фландрию войсками, преследующими армию Наполеона, он прославился на весь мир своими 500 романами. Обожая водную стихию, он избороздил все реки Франции, совершал круизы по Черному морю.

Не миновал он и наш город Батуми, посетив его дважды – в

1933 и 1983 годах. «Я полюбил этот край и открыл для себя все прелести Батуми. Разве можно забыть его набережную, порт, южное буйство красок, ласковый прибой. Но главное – это люди. Именно в Батуми я стал задумываться о психологии горцев, их таланте и самобытности», - вспоминал писатель в одном из интервью. И добавил: «Будете в Батуми, поклонитесь милому моему сердцу городу» (Кузнецов 1986).

Его знаменитый комиссар Мегре появился на страницах романов писателя вскоре после круиза по Черному морю и пребывания в Батуми в 1933 году. Занимая нейтральную позицию в отношении любого политического режима, писатель прежде всего хотел знать, как живут, чем питаются, где проводят свободное время простые люди. Он успел полюбить Батуми, его жителей, их неторопливый уклад жизни.

Встреча писателя с турецким консулом из Армении на отбывающем из Батуми пароходе подсказала ему сюжет остросоциального психологического романа «Les gens d'en face» (Simenon, 1960), действие которого целиком происходит в Батуми, его прибрежной части. На узких улочках, прилегающих к порту, под аккомпанемент бесконечных батумских дождей, разыгрывается драма, главные участники которой – консул Турции и его переводчица Соня.

Действие романа, который дословно переводится как «Люди напротив», разворачивается во времена красного террора. «Приготовление к могиле: глубина холода, глубина тьмы, глубина тишины», - так описала всевластие большевиков Зинаида Гиппиус задолго до создания этого романа. (Гиппиус, 1991, 212). «Правосудие» вершит ГПУ, а на весь город приходится всего три консульства и три автомобиля на тридцать тысяч жителей.

Главная антитеза романа – жизнь и смерть – режим, сеющий смерть духовную и физическую, режим расправы над человеком и продолжающаяся, несмотря ни на что, жизнь, розовощекие матросы на параде - другой Батуми с прекрасным пляжем, обнесенным колючей проволокой, смеющимися девушками в беретках и белых платьях. Вся противоречивая атмосфера Батуми 30-х годов предстала на полотне художника слова.

Для своего социально-психологического романа Сименон выхватил один из драматических моментов бытия аннексированной Советами Грузии. На одном полюсе отношений – атмосфера недоверия, деланный энтузиазм голодающих людей, на другом - расстрелы, террор, тоталитарный надзор сталинских опричников. Выстрелы на улицах, аресты без суда и следствия, множество бесприютных людей, в одночасье ставших гражданами другого государства. Все это предстало глазам Адил-бея нового консула турецкой республики в Батуми, - главного героя романа.

Хотя это и вымышленная история, но Сименон выхватил ее из реальной жизни своим прозрением, она была возможна и могла бы произойти, случись для этого подходящие обстоятельства. Ведь неизвестно, что важнее: то, что случается и происходит, или то, что готово произойти, к чему сложилась **внутренняя готовность**. Эту сторону и увидел мастер пера, и не только увидел, но и пережил ее вместе со своими героями. Ничто не укрылось от его зоркого и наблюдательного взора и тому свидетельства сделанные им документальные фотографии тех лет, на которых изображен старый «Батум» и прототипы героев его произведения.

Первое знакомство Сименона с нашим краем было

заочным. Огромную роль в этом сыграли наши соотечественники, проживавшие в пансионе его матери в бельгийском городе Льеж, а также красочные проспекты, восхваляющие новую жизнь под властью Советов. Что скрывается в действительности за этим рекламным щитом, – интересовало пытливого Сименона. Он хотел воочию увидеть, как живут здесь люди, что едят, во что одеты, как работают и празднуют, каков цвет домов и свет улиц.

Главный герой романа, турецкий консул Адил-бей чувствовал себя чужаком в незнакомом городе, который его не принимал и не понимал. Он смотрел во все эти окна, как в стекло аквариума, за которым протекала неведомая ему жизнь, полная странной экзотики. Очень часто это были зияющие провалами пустых глазниц, либо забитые картоном окна. За ними двигались люди-полутени, живущие без воды и света, спящие подчас на полу. Женщины не шили, так как всегда ходили в одном и том же, готовить они также не могли за неимением продуктов. Нормальная жизнь выглядела исключением и именно этим вызывала тревогу представителей режима. Буржуазным пережитком считалась жизнь домохозяйки, позволявшей себе роскошь ухода за собой и чтения по утрам, подобно тому, как это позволяла себе жена Колина, начальника морского ГПУ. Власти вынудили и ее устроиться на работу, погасив еще один еле теплившийся очаг семейного уюта.

Современный французский писатель Милан Кундэра, бывший пражский диссидент, в своем эссе, посвященном искусству романа, рассуждает в том числе о признаках тоталитарного режима. По его наблюдениям, первейшим из них является грубое вмешательство в частную жизнь граждан, следствием и проявлением которого являются ночные аресты и

внезапные вторжения среди ночи. Грубый стук в дверь, звонки с молчанием на том конце провода, выламывание дверей говорят о том, что государство взяло на себя функции «родителей», имеющих полное право в любой момент войти в спальню своих детей а если надо, то и наказать их «по всей строгости». Интересно, что такое проявление «коммунистического» усердия в «перевоспитании», напрямую ассоциируется с сущностью фашистского, античеловечного менталитета. Исследователи неоднократно подчеркивали, что по сути он сводится к тому, что ко взрослому человеку и сложившейся личности относятся как к несмышленному и неполноценному существу. Тому немало примеров, когда маститых ученых в лагерях изводили примитивными действиями и заданиями, доводя их до сумасшествия; здесь же в зоне оказалась целая страна и множество народов.

Главная антитеза романа, это оппозиция, противостояние менталитетов и режимов, защищающих культ жизни и радости и, напротив, насаждающих культ смерти и духовного разрушения, вплоть до физического истребления и разрухи во внешнем антураже. У Эриха Фромма это квалифицируется как биофильное и некрофильное социальное ориентирование (Фромм 1991: 35).

Наш герой оказывается под тройным прессингом – сил небесных в виде беспрестанных субтропических ливней и сил политических, - окруживших его кольцом подозрения и «презумпцией виновности» и, наконец, личной ненависти к нему как классовому врагу, исходящей от его переводчицы, хрупкой на вид девушки Сони. Разрушив остатки ее иллюзий в непогрешимости существующего строя, он был ею уже приговорен в душе. А поскольку за примером далеко ходить не

надо было, и люди без суда и следствия исчезали на улицах города, Соня уверовала в свою безнаказанность.

Автор не случайно выбрал это имя для своей героини, напомиравшее ему об одном из любимейших авторов – Достоевском, которого он почитал с юности. С одной из героинь «Преступления и наказания» – Сонечкой Мармеладовой, ее роднит этическое растление героини, согласно знаменитой формуле Достоевского: «Раз Бога нет, значит все дозволено». Зеленые фуражки черных всадников смерти всюду сеяли страх, парализуя волю случайных свидетелей. Соня с юности усвоила эту мораль, как и теорию «стакана воды» Коллонтай, исподтишка отравляя влюбленного в нее консула Адил-бея.

Смерть и любовь, человечность и неосознанная жестокость, - такова основная тематика романа. Это не только взаимоотношения его главных героев, развивающиеся на фоне глобальной катастрофы, какой явилась для людей бесчеловечная и лицемерная система, где правит насилие над людьми и «товарищ Маузер». В яму, старательно вырытую ближнему, попадали многие политические деятели в эпоху репрессий, их судьбу повторила литературная героиня Сименона Соня. Попытка вырваться из поглотившей ее идеологической системы привела к трагическому финалу. Ее, как и многих жертв сталинской системы, ожидал “гроб на колесах”, - крытый фургон, наводивший ужас на горожан. В нем свозили расстрелянных жертв террора во двор тюрьмы, находившийся у Дома Стандарта, за чертой старого города.

Не случайно своеобразным обрамлением роману служит сцена с ярко и неряшливо раскрашенным красным гробом, торжественно проносимым по улицам города: это был символ сотен и тысяч безвестных «маленьких смертей», которым

суждено кануть в небытие. Лейтмотивом над этим театром трагического абсурда звучит многоголосый хор труб, - как сверкающих начищенной медью на солнце, так и обветшалых водосточных, захлебывающихся потоками небесной влаги, словно слезами людей. С полным основанием можно назвать дожди – непрерывные, в виде ливней, туманов, грохочущие по крышам, навесам, водостокам, стеклам окон и вообще водную стихию полноправным действующим лицом социально-психологического романа: это слезы и море невыплаканных слез невинно пострадавших от репрессий.

Дух смерти, неприятия жизни витает и незримо присутствует на протяжении всего романа. Это и расстрелы в маленьком дворике рядом с Домом Стандарта, выстрелы в ночи на грязных и скользких портовых улочках, это и объявленная с первых страниц таинственная смерть предшественника Адилбея, да и сама попытка его отравления. Это и упоминаемый в романе страшный факт из жизни Малороссии 30-х годов – повальный голод, доводивший людей до безумия каннибализма и многие другие штрихи, обличавшие навязанный народам режим.

Описание похоронной процессии и равнодушно следующих за ней людей, - ни веселых, ни грустных (читай, - ни живых, ни мертвых) предваряет действия и события романа. Его герой как бы оказывается зажат в узких рамках жизни Совдепии и жизнь в ней сделалась таковой, словно это и не жизнь вовсе, когда всякий находится в положении мертвеца, лежащего в ярко-красном гробу под фанфары труб большевистской агитации.

Все в этой жизни - трагедии абсурда выглядят, как в негативе: море похоже на все, кроме моря, а для жителей его побережья рыба – редкий и дорогой деликатес. Ложная идеоло-

гия пропитала в те годы город насквозь. Как за ложными транспарантами скрывались голод и нищета людей, так и за конкретными лицами оказывались люди-перевертыши. Так, жена персидского консула была вовсе не его женой, а созданием, которое он подобрал в годы службы в Москве.

Джон, американский представитель, годами не выезжая на родину, был агентом Москвы, чиновники, не знавшие иностранных языков, вдруг свободно заговорили и по-немецки, и по-французски, а «американец» Джон – по-русски. Брат Сони, Колин, не выказал никаких человеческих чувств перед виновным в гибели своей сестры, продолжая выполнять свою рутинную работу. В целом создается впечатление нереальности и неискренности, половинчатости существования.

Описание этого жуткого карнавала перевернутых ценностей можно продолжить вплоть до финала романа, парадокс которого заключается еще и в том, что согласно логике сложившейся системы, фортуна оказывается на стороне самого циничного и наглого персонажа - Неджлы, которая «и в огне не горит, и в воде не тонет». Она единственная счастливо избегает железной руки ГПУ, промышляя контрабандной спекуляцией и без особого труда спасается бегством на корабле. Искренность дает ощущение полноты жизни, и как только Адил-бей, главный герой романа пытается жить так, как он понимает это слово, он натывается на стену тяжелого молчания и непонимания, так как общество уже давно живет по законам красного фашизма: «За все хорошее – смерть».

Есть и другой собирательный образ – окна, как глаза города и окна – как глаза вездесущего ГПУ, бдящие в ночи и при свете дня. Люди, живущие за окнами, это собирательный образ другого мира, другого взгляда на жизнь. В начале романа окна

распахнуты и в них видна скучная обстановка жилья, нехитрая еда, но знаковым центром всего оказывается висящая на стене зеленая фуражка работника ГПУ. Затем сцены сменяют одна другую – вот женщина в ярко-желтом халате читает книгу, прибирает по дому, изредка бросая взгляд на дом напротив, вот его обитатели обедают, переговариваясь – типичная бытовая картинка. Вдруг окно резко захлопывается, иногда у него сидят по ночам двое – Колин и его жена, по вечерам начальник морского ГПУ тревожно оглядывает улицу в ожидании сестры. А в конце романа окна – глаза как бы прикрыты – вначале на их черном фоне виднеется тонкой филигранью рисунок занавески и лишь в конце романа окна наглухо закрыты и за ними не чувствуется никакой жизни. Когда роман завершается и мы узнаем о гибели Сони, его главный герой Адил-бей задает себе вопрос, – станет ли теперь Колин так же по-прежнему смотреть в пустые глазницы дома напротив?!

Таким образом, роман «Люди напротив» можно было бы не без основания назвать «Окна напротив», ибо почти в ежестраничном упоминании окон жилых домов, контор, кооперативов, домов профсоюзов, как в зеркале души общества, прочитываются его недуги и страдания, физический голод и духовная нищета, атмосфера тоталитарного надзора и взаимного недоверия.

Метафорическое название «Люди напротив» имеет тройной подтекст. Это не только люди иной идеологии, как обитатели окон второго этажа дома напротив турецкого консульства – Колин и его сестра, но и невольные жертвы насильного «осчастливливания» – люди из вереницы постоянных очередей в кооператив, простаивающие часами за предметами первой необходимости, иначе говоря, верхи и низы этого проти-

воестественного, антигуманного строя. Окна имеют символическое значение жизни **в оглядку**, когда человек дышит, живет, говорит с постоянной мыслью о том, что за ним могут следить и **обращать** свое «ненавязчивое» внимание все эти «люди напротив».

Перед читателем возникает и второй важнейший ассоциативный ряд: ритуал погребения и похоронная процессия, сцены из жизни города, напоминающие лагерь – отдельные зоны купания за проволокой, шаркающие шаги встречных шеренг людей у памятника Ленину в качестве вечерней прогулки, расстрел на месте без суда и следствия, где убитого тут же поспешно убирают, - список можно продолжить. Безрадостное существование подчеркивается описанием рабочей столовой, где люди молча и сосредоточенно поглощают пищу, где каждый погружен в свои собственные мысли, упрятанные в черепной коробке, наблюдая за жизнью себе подобных из своего угла, притаившись в засаде, словно звери.

Он, она, смерть и любовь – вечная тема. Но есть, как говорится, нюансы: в какое время, в какой стране, каковы мотивы? – не столь важно, ведь всегда были и будут те, чья «гортань... – открытый гроб; языком своим обманывают; ... ноги их быстры на пролитие крови; разрушение и пагуба на путях их» (Библия, 3: 13-16, 359). Случайна ли эта интертекстуальная аллюзия, не вопрос, ведь в книге часто говорится о Клубе Пропаганды, одном из знаковых мест романа – агитационном клубе по совместительству (ныне - бывшая больница моряков по набережной Гогебашвили).

Красный, грубо сколоченный гроб в первой же сцене длинной череды невеселых событий – образный эквивалент демонстрации в честь энной годовщины Октября. На ней люди

как бы хоронили свои надежды под красноразнаменной символикой. Своим гениальным прозрением художник интуитивно предвидел все, в том числе и грядущий 37-й год. Дальнейшие события работают на этот символ - смертельно опасное состояние главного героя, гибель его предшественника, расстрелы на улицах, смерть Сони – одной из героинь романа, и, наконец, финальная сцена – подробное описание места, где «пролитие крови» поставлено на конвейер во дворе ГПУ. Выживают лишь неживые душой Неджда и Джон, потребляющий деликатесы с видом на «расстрельный двор».

Таким образом, конструкция романа такова, что он от доски до доски как бы облачен в траурную рамку. Ее составляющие – вступление романа с траурным шествием и его концовка, когда герой узнает о гибели возлюбленной и решается спастись бегством от «превосходящих сил противника», дабы избежать уготованной ему а priori участи. О том, что эта участь уготована всем, шагающим позади символически кумачового гроба, - мы догадываемся по покорно-равнодушному виду разношерстной и разновозрастной как бы зомбированной толпы, шагающей за гробом. Не желая общей участи, герой спасается бегством по воде, началу и концу всего, – естественный исход во многих сюжетах народных сказаний. Водная гладь, способная к очищению и самоочищению – символ не только спасения, но и искупления грешной земли, символ всепобеждающей жизни.

Подобно героине фильма Т.Абуладзе «Покаяние», вопрошающей: «Куда ведет эта дорога?», «А если не в храм, то зачем она?» – в романе периодически и в самом финале символично возникает фигура старика, бесцельно бредущего по узкой грязной улице. Старик продавал нехитрые поделки своего примитивного ремесла – швабры, по-видимому и Сименон

символично предсказал: «Он шел так, словно никогда не достигнет конечной цели своего пути». Старик был символом давней бессмысленности всего происходящего.

Таким образом, в канве романа обнаруживаются главные незримые нити художественного полотна, влияющие на подсознание читателя и формирующие минорную тональность восприятия романа: это образы-символы (окна-глаза), ложность агитации и пропаганды в стране Советов (уста – отверстый гроб цвета красного знамени) и само метафорическое название эллипсиса, - «Люди (на)против (жизни)».

С помощью этих и других приемов Сименон создает впечатление иллюзорности происходящего, как явления **временного, проходящего** в судьбе страны: это состояние пройдет, как кошмар спящего народа, чья воля парализована, словно дурной сон. В пользу этого говорит и последнее интервью писателя: «Мне посчастливилось увидеть незабываемое Черное море, городá на побережье, ... я полюбил этот край и открыл для себя все прелести Батуми, Кавказа. Разве можно забыть набережную, порт, южное буйство красок, ласковый прибой, но главное – люди». Они вполне и давно, как и все люди, заслуживают счастья без террора, - такова была главная идея писателя-гуманиста в произведении.

Литература:

1. Гиппиус З. Живые лица. Книга 1. Тбилиси, Мерани, 1991.
2. Диасамидзе В. Песнь батумских дождей. «Аджария», 2005, № 17.
3. Диасамидзе В. По следам Сименона. «Аджария»,

2002, № 94.

4. Кузнецов В. «Поклонись милому Батуми». «Слово». Тбилиси, 1986, № 16.
5. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л-д, ЛГУ, 1946.
6. Тютчев Ф.И. Избранное. В кн.: Русские поэты XVIII – XIX веков. Антология. М., 1985, с. 361.
7. Фромм Э. Душа человека. М., Республика, 1992.
8. Шрайбер Э. Как Жорж Сименон стал Жоржем Сименоном. Вступительная статья к книге: Georges Simenon. Le destin des Malou. М., Высш. шк., 1976.
9. Simenon G. Les gens d'en face. P., Fayard, 1960.

ოთარ გოგოლიშვილი

1937 წლის რეპრესიები

qveynis sazogadoebriv-politikuri cxovrebis yvela rgolSi mimdinare gardaqmnis demokratizaciis, sajaroobis procesebma axali pilitikuri azrovnebis safuZvelze dRis wesrigSi daayena sruliad kritikulad, axleburad gaviazroT Cveni istoriuli wasuli. axla amTemaze sakmaod didi diskusiaa. gansakuTrebiT es exeba 30-40-iani wlebsa da 50-iani wlebis damdegis periodSi masobrivi represiebis mizezebs dam is Sedegebs. am periodis ukanonobam damRupveli gavlena moaxdina qveynis socialur-ekonomikur ganviTarebaze, milionoboT udanaSaulo adamiani gaxda socialisturi kanonierebis uxeSi darRvevebis msxverpli.

sityva rehabilitacia laTinuria da niSnavs usafuZvlod Selaxuli Rirsebis, patiosani saxelis, CamorTmeuli uflebis aRdgenas, pirovnebis aRiarebasudanaSaulod, romelic sisxlis samarTlis pasuxisgebaSi usafuZvlod iyo micemuli, amasTan unda aunazRaurdes sagamoZieblo da sasamarTlo organoebis ukanono moqmedebebiT miyenebuli zarali. yovelive es xdeba sasamarTlo organoebis mier adre miRebul dadgenilebaTa gauqmebiT.

Cveni istoriis yvelaze tragikuli periodia 30-40-iani wlebis dasawyisi, roca ewyoboda e.w., „kontrevoluciuri organizaciebis, mravalgvari „antipartiuli elementebis“ monawileTa politikuri da sasamarTlo procesebi, marto maTi CamoTvla cxadyofs ramdeni „xalxis mteri“ gvyolia: - „trockist-zinovievelTa antisabWouri, gaerTianebuli centri“, „marqsis-tlelinelTa kavSiri“, „antisabWouru trockistuli samxedro

organizacia”, („SeTqmuleba wiTel armiaSi”), „paraleluri antisabWouru trockistuli centri”, „musaTa opozicia”, „safarovis , zaluckisa da sxvaTa leningradTa kontrevoluciuri zinoviuri jgufi”, „leningradis saqme” „ebraelTa antifaSisturi komitetis saqme”, „eqimTa saqme” , saqarTveloSi- „nacional uklonistTa saqme”, „siRnaRis saqme”, „aWaris saqme”, „megrelTa saqme”, - maT monawileebis bralad edebodaT socialisturi saxelmwifos damxoba, kapitalizmis restavracia, partiisa da saxelmwifos moRvaweTa mkvleloba, yvelanairisaSualebiT sazogadoebriobas Seagonebdnen axal-axal mavnebelTa, diverssantTa, mkvlelTa, gamcemelTa, jgufebis aRmoCenasa da saqmianobaze.

qveyanaSi Seiqmna sayovelTao eWvianobis, urTierTdasmenis, ciliswamebis, mabezeRarobis, itrigis atmosfero. bevri patiosani adamiani didxans iyo sapyrobileebSi, gadasaxlebaSi. maT arwmunebdnen fizikuri da fsiqologiuri zegavleniT, gamoZiebisaTvis Seuferebeli xerxebiT da meTodebiT, rom isini sazRvargareTis romelime qveynis – an germaniis an inglisis an Turqetis jaSuSebi iyvnen. bevri maTgani „gamotyda” kidec. „aRiara” Tavisi kavSiri sazRvargareTis agenturasTan.

skkp XXII yrilobis (1961) stevnogramidan: „ im SemTxvevaSi ki roca asset adamianebs ucxadebdnen, rom maT jaSuSobis braldeba moexsnaT, ukve TviTon daJinebiT imeorebdnen TavianT winandel Cvenebas, radgan miaCndaT rom ujobesi iyo tavianTi yalbi CvenebisaTvis ar gadaexviaT, raTa male damTavrebuliyo tanjva – wameba, raTa male RirsebodaT sikvdili.”. aseTia mware simarTle.

sabWoTa sazogadoebis marTvis yvela rgolSi

xelmZRvanelobis administarciul-mbrZanebluri meTodebis danergvam.socialisturi demokratiis SezRudvebma, zalauflebis borotad gamoyenebam, tviTnebobam , ganukiTxaobam da kanonierebis uxeSma darRvevebma gamoiwvia masobrivi represiebi da milionobiT sabWoTa adamiani,mat Soris komunisti, gamoCenili partiuli, saxelmwifo, samxedro, mecnierebisa da kulturis moRvawe ukanonod daapatimres, daxvrites winaswar ganzraxuli falsificirebuli masalebis safuZvelze arakonstituciuri e.w. „sameulTa” da „gansakuTrebuli TaTbirebis” gadawyvetilebebiT, represirebulTa erTiani siebis SedfgeniTa da damtkicebiT. ai zogierTi faqtebi:

didi rusi genialuri mecnier-genetikosis akademikos n. i. vavilovis saqmis ganxilva mimdinareobda ramdenime wuTs, miusajes daxvreta, romelic SemdgomSi Seucvales 20 wlis patimrobiT, cixeSi gardaicvala 1942 wels.

leninis TanamebrZolis, 30-ian wlebSi iusticiis saxalxo komisris v.i. krilenkos „sasamarTlo” procesi mimdinareobda 20 wuTs. sasamarTlos sxdomis oqmi Sedgeba 19 striqonisagan. ganaCeni-daxvreta.

represiebis msxxverpli gaxdnen bolSevikTa leninuri gvardiis warmomadgenlebi, gamoCenili partiuli saxelmwifo da sazogado moRvaweebi: buxarini, rikovi, zinovievi, kamenevi, tomski, Cubari, kosiori, enuqiZe,postiSevi, ruZutaki, kosarevi, eixe, voznesenski,kuznecovi,. cnobili mxedarTmTavrebi: tuxaCevski,iakiri, uboreviCi, korki, eidmani, feldmani, primakovi,putna,bliuxeri da sxva mravali.

sakavSiro kp(b) XVII yrilobis (1934w) 1966 delegatidan 1108 delegati, yrilobis mier arCeuli cenrarruli komitetis 139

wevrisa da kandidatidan 98 represirebul iqna, represirebul iqna 20 aTasi Ceqisti, 44 aTasi samxedro meTauri da politmuSaki.

bevri ubedureba da mwuxareba moutana pirovnebis kultis periodma, gansakuTrebiT berias saZiZRarma bandam, saqarTvelos skkp XX yrilobis stenogramidan: „partiisa da xalxis uaRresad erTguli aTobiT, asobiT patiosani partiuli da sabW ota muSaki, mecnierebis, kulturisa da xelovnebis moRvawe gaxda am saZiZRari bandis veraguli intrigebis msxverpli, bandisa , romelic YTavisi danaSaulebrivi miznebisatvis iyenebda daSinebis, tvalTvalisa da teroris meTodebs. yvelaferi es xels uSlida normalur muSaobas, warmoSobda maameblobisa da mliqvnelobis elementebS, did zians ayenebda partiuli da sabWoTa organoebis muSaobas.”

ganadgurda qarTvel professional-revolucionerTa, bolSevikTa leninuri gvardiis mTeli kohorta, inteligenciis, xelmZRvanel muSakTa mniSvnelovani nawli, rigiTi patiosani8 mSromelebi. saqarTvelos kompartiis X yrilobis (1937 w. maisi) 644 delegatidan 425 represirebul iqna. dapaTimrebuLta da daxvretilta Soris iyvnen” mamia oraxelaSvili, misi meuRle mariam oraxelaSvili,levan qarTveliSvili, malaqia toroSeliZe, mixa kaxiani, germane mgalobliSvili,budu mdivani, nestor lakoba,sandro axmeteli, tician tabiZe, mixeil javaxiSvili,evgeni miqelaZe, vaxtang kotetiSvili da sxva mravali.

masobrivi represiebis mizezebi axsnilia skkp XXVII yrilobis, XIX sakavSiro partiuli konferenciis,skkp centraluri komitetis plenumebis, didi oqtombris socialisturi revoluciis 70 wlistavisadmi miZRvnili sazeimo sxdomis dokumentebSi, bolo periodis masobrivi informaciis saSualebebis publikaciebsa da

gadacemebSi. qveynis sazogadoebriv politikur ganvitarebaze damRupveli gavlena moaxdina eqploatoruli klasebis mtruli winaaRmdegobis dasaZlevad brZolis periodis meTodebis meqanikurad gavrcelbam 30-iani wlebis mSvidobiani socialisturi mSeneblobis periodze. Seiqmna patiosani adamianebisadmi mtrobis, undoblobis vitareba. partiis kontrolis gareSe aRmoCnda Senagan saqmeTa saxalxo komisariatisa da misi adgilobrivi organoebvis saqmianoba. iagodas, eJovis., berias, abakumovis uSualo xelmZRvanelobiT dgeboda falsificirebuli saqmeebi.

stalinis gardacvalebis Semdeg, gansakuTrebiT skkp XX (1956w). da XXII (1961 w) yrilobebis, skkp centraluri komitetis 1953 wlis ivlisis, 1957 wlis ivnisis pleniუმebis gadawyvetilebebSi, skkp centraluri komitetis 1956 wlis 30 ivnisis dadgenilebaSi - „stalinis pirovnebis kultis da misi sedegebis daZlevis Sesaxeb” mocemulia 30-40 –iani wlebis periodSi mimdinare procesebis partiuli Sefaseba, dagmobil iqna ukanonobis, borotmoqmedebis movlenebi, aiwyo ukanonoT represiblebulT rehabilitacia.

SemdgomSi I. i. breJnevis „moRvaweobisas”, romelsac uZraobis peridi ewoda, ukanonod represirebulTa rehabilitaciis procesi Sewyda, 80-iani wlebis meore naxevidan qveyanaSi daiwyo revoluciuri ganaxlebis procesi.

skkp centralurma komitetma Seqmna 30-40-iani da 50-iani wlebis damdegis periodSi momxdari represiebTan dakavSirebuli masalebis damatebiTi Seswavlis komisia, riTac ganaxlda XX yrilobis Semdeg dawyebuli muSaoba udanaSauloT represirebulTa sasamarTlo da partiuli wesiT rehabilitaciisaTvis.

skkp cenrarulma komitetma miiRo agreTve

dadgenileba „30-40-iani wlebisa da 50-iani wlebis damdegis periodSi represiebis msxverplTa mimarT samarTlianobis aRdgenis damatebT RonisZiebaTa Sesaxeb”, Sesabamisi brZanebuleba miiRo sssr kavSiris umaRlesi sabWos prezidiumma 1989 wlis 16 ianvars, romliTac reabilitirebulia yvela moqalaqe, romlebic represirebul iyvnen „sameulTa” „gansakuTrebuli TaTbirebis”, sxva arakonstituciuri dadgenilebebiT.

didi rezonansi aqvs sskp centraruLi komitetis komisiis informaciebs ukanonod represirebul pirTa reabilitaciis Sesaxeb, aRsanisnavia isic, rom 1954-1958 wlebiSi marto samxedro tribunalebis mier reabilitirebulia 500 aTasze meti adamiani, xolo 1988 wels reabilitirebul iqna 1000-ze meti partiuli da saxelmwifo moRvawe.

bolo periodSi sazogadoebrivi azris gaTvaliswinebiT, partiis cénraruli komitetis mier gatarebulia agreTve mravali praqtikuli RonisZiebani samarTlianobis aRsadgenad, miRebulia gadawyvetilebani da gauqmebulia skkp(b) ck-is 1946 wlis 14 agvistos dadgenileba Jurnalibus „zvezdasa” da „leningdaris” Sesaxeb. agreTve a/a. Jdanovis xsovnis ukdavyofasTan dakavSirebuli samarTlebrivis aqtebi. mkiTxvelebs daubruna mwerlebis m. zoSCenkosa da a, axmatovas nawaromoebebi Rdgenilia TvalsaCino mwerlebis Rirseuli saxelebi, dadgenilia , rom, a. a. Jdanovi iyo udanaSaulo sabWoTa moqalaqeebis mimarT masobrivi represiaT da Jurnalibus „zvezdasa “ da „leningradis” Sesaxeb araobieqturi dadgenilebebis miRebis erT-erTi organizatori.

1938 wlis 21ianvars v.i. leninis xsovnisadmi miZRvnil moxsenebaSi a. a. Jdanovi aRniSnavda: „1937 weli istoriaSi

Seva rogorc weli, roca Cvenma partiam gamanadgurebeli laxvari Casca yvela rjulis mtrebs, roca Cveni partia xalxis mtrebTan brZolaSi gaxda mtkice da Zlieri, miaRwia ra amas imiT, rom ganamtkica Cveni sabWoTa dazverva n. i. eJovis meTaurobiT. eseni arian panikiorebi, mxдали, sulmdabali kacunebi, moRalateebi, gamcemlebi, maT gamanadgurebeli laxvari caveciT da SemdgomSi Zirfesvianad aRmovfxvriT maT”.

gadawvyetilebani Jdanoviss xsovnis ukdavsayofad adre miRebuli samarTlebrivi aqtebis gauqmebis Sesaxeb didi kmayofilebit miiRo sazogadoebriobam.

samwuxaroT dReisaTvis farTo sazogadoebisaTvis cnobili ar aris 50-iani wlebis bolos ukanonod represirebuli sabWoTa moqalaqeebis rehabilitaciis Sesaxeb, razedac minda mokled mogiTxroT zogierTi saqmeebis magaliTze.

„aWaris saqme”

farTo rezonansi qonda e.w. „aWaris saqmis” gamo sasamarTlo process , romelic mimdinareobda 1937 wlis 24-28 seqtembers, romelmac sasjelis umaRlesi zoma- daxvreta miusaja: zeqeria lorTqifaniZe – aWaris assr centraluri aRmasrulebeli komitetis Tavjdomares, jermal qiqavas- aWarvaWrobismmarTvels, giorgi ramiSvils – aWaris cakis Tavjdomaris yofil moadgiles, saqarTvelos ssr msubuqi mrewvelobis saxalxo komisars, ilia megrelizEs – aWaris assr miwaTmoqmedebis saxalxo komisars, giorgi laRiZes – aWaris advokatTa kolegiis wevrs, qazim basilaZes – aWaris sasoflo sameurneo bankis marTvels, Suleiman beJaniZes – xulos raiaRmaskomis Tavjdomares, xasan ZnelaZes – qobuleTis raikomis mdivnis moadgiles, xolo danarCen sam kacs: xasan CaloRlis – aWaris iusticiis saxalxo komisars 1925 wlamde,

SemdegTofaloRlebis kolmeurneobis Tavjdomares, osman romanaZes – wyavrokis eJovis saxelobis kolmeurneobis Tavjdomares, osman vanaZes – vanaZeebis kolmeurneobis tavjdomares - 10-10 wliT Tavisuflebis aRkveTa. maT bralad edebodaT Semdegi: aWaris cakis yofili Tavjdomare zeqeria lorTqifaniZe jer kidev 1928 wels jaSuSuri mizniT TiTqos daukavSirda ucxoeTis erT-erT kapitalisturi saxelmwifos dazvervis warmomadgenels da missive davalebiT 1933 welsi amave saqmeze braldebul jermal qiqavasTan erTad camoayaliba da xelmZRvanelobda kontrevoluciur-mavneblur-diversiul jaSuSu-terroristul saajanyebo organizacias aWaraSi,romelSic wevrebada Sevidnen zemoT CamoTvliili pirebi. isini daukavSirdnen sazRvargareT gaZevebul begebs, molebsa da kulakebs. miZnad isaxavdnen sabWoTa wyobileis damxobas aWaraSi dam is koloniad gadaqcevas. am miznis gansaxorcieleblad es komiteti daukavSirda kontrevoluciuru organizaciis sakavSiro centris wevrs serebriakovs. am centris waromadgenels saqarTvelosi qurdaZes, xolo Semdeg kavSiri daamyares saqarTveloSi memarjveneTa kontrevoluciuri organizaciis xelmZRvanelobasTan – germane mgalobliSvilTan, salva maTiSeaSvilTan, Tengiz JRentTan.

isini TiTqos sistematiurad xvdebodnen ucxo qveyenis dazvervis warmomadgenels, Rebulobdnen misgan kontrevoluciur davalebebs, awvdidnen maT saidumlo cnobebs sabWoTa kavSiris politikur-ekonomikuri da samxedro Zlierebis Sesaxeb. missive davalebiT awyobdnen saajanyebo jgufeb, risTvisac sxvadasxva dros Rebulobdnen msxvil Tanxebs oqroaTi, valutiT da sabWoTa fulis niSnebiT. TiTqos isini agreTve mavneblur muSaobas eweodnen soflis meurneobis wamyvani

kulturebsi – citrusebis, Cais Tambaqos, mebaReoba-mevenaxeobis, mesaqonleobis dargSi, mavnebloba Caisa dacitrusovani kulturebis dargSi tardeboda Cais plantacbeze citrusovani xeebis mwidro da xSiri dargviT, SefuTvisas Zirebis daWriT, sasuqis SeutanlobiT, zerele xvniT. salibaurSi axalSenSi, CaqvSi, mavneblobis miznit heqtarze 65 aTasi Ziris nacvlad 400 da meti Ziri darges. urexSi gayines 60 aTasi ziri citrusi, Cais kluturis dargSimavneblobas atarebdnen plantaciebis xelovnurad daavadebiT. maTi araswori SekreWiT, zerele dabarviT. 20-25 sm-is magivrad gadabares 10sm-is siRmeze. 10 heqtarze daagvianes Cais mokrefa. braldebul ZnelaZis davalebiT, braldebuli romanaZe Cais buCqebis aWrida im foTlebs, romlebis moWrac zians ayenebda axal vegetacias.

meTambaqebaSi daTeses ucxo jiSis Tesli, romelic xelovnurad daavadebuli iyo. mecxoveleobaSi pirutyvis suladobis Semcirebis mizniT mavnebloba ganaxorcieles pirutyvis cudi movliT, veterinaluri momsaxurebis CaSliT. kolmeurneobaSi musa saqonlis ganiavebiT. xelovnurad iwvevden sakvebi bazis Semcirebas, sazafxulo saZovrebis gadatvirTviT, dasilosebis gadatvirTviT, gafuWebiT haeris SeSvebiT da dautkepnlobiT mavneblurad dalpes 230 tona dasilosebuli sakvebi. 15 00 Ziri xexilis nergi jer gaaxmes, Semdeg darges. gaafuWes 800 fuTi saTesle kartofili. mrewvelobisa da sabinao mSeneblobis gegmebis CaSliT, isini mexileobaSi qmnidnen ukmayofilebas.

teroristuli jgufi Tavdasxmas amzadebda berias winaaRmdeg. jamrTelobis dargSi mavneblobas eweoda osman koncelize. es mavnebloba gamoixata epidemiis sawinaaRmdego zomebis miuReblobaSi, sabavSvo bagebisa da

saavadmyofoebis mSeneblobis CaSlaSi, wamlebis araswor gacemaSi da araswor gace,maSi da raswor mkurnalobaSi, rasac mohyva adamianTa msxverpli.

es procesi mimdinareobda Ria sxdomebze, misi damTavrebis Semdeg mTels respublikaSi gaimarTa mitingebi, maSindeli `monoliTuri erTianobis” viTarebaSi iwonebdnen gamotanil ganaCens, rogorc SemdgomSi gamoirkva, yvelaferi es ciliswameba iyo falsificirebuli masalebiT.

daapatimres agreTve zeqeria lorTqifaniZis meuRlesma lorTqifaniZe, dabadebuli 1902 wels, romelsac saqarTvelos Sinagan saqmeTa saxalxo komisariatis `sameulis” 1937 wlis 17 oqtombris dadgenilebiT miesaja xangrZlivi patimroba.

zeqeria dursunis Ze lorTqifaniZe daibada 1892 wels, xulos raionis sof. ucambaSi, glexis ojaxSi, SromiTis saqmianoba daiwyo 1907 wlis maisSi Sav muSad sof. CaqvSi, Cais kerZo plantaciebSi, 1910-1913 wlebSi muSaobda baTumis saqalaqo bazarSi mcvelad, Semdeg sof. kvirikeSi kerZo vaWris maRaziaSi muSad, 1913-1921 wlebSi eweoda miwaTmoqmedebas Tavis mSobliur sofel uCambaSi.

1921 wlis agvistodan 1923 wlis martamde muSaobda aWaris revkomis Tavmjdomaris moadgled. Semdeg aWaris assr miliciis sammarTvelos ufrosad, 1923 wlis martidan 1926 wlis aprilamde jer aWaris assr komunaluri murneobis saxalxo komisariatis kolegiis wevrad. 1926 wlis aprilidan 1929 wlis maisamde muSaobda aWaris assr cakis mdivnad, awaris assr miwaTmoqmedebis saxalxo komisarad. Tavis patiosani SromiTa da organizatoruli unariT sayovelTao yuradReba da avtoriteti moipova, 1927 wels Sedis partiis rigebSi, Semdeg partia mas

andobs mniSvnelovan saxelmwifoebriv Tanamdebobebis, 1929 wlis maisSi niSnaven aWaris assr saxalxo komisarTa sabWos Tavjdomared, xolo 1930 wlis aprilSi-aWaris assr saxalxo komisarTa sabWosa da aWaris assr centraluri aRmasrulebeli komitetis SeerTebis Semdeg_mas irCeven aWaris assr centraluri aRmasrulebeli komitetis Tavjdomared, am Tanamdebobaze muSaobda 1937 wlis seqtembramde, dapatimrebamde.

zeqeria lorTqifaniZe sistematurad gamodioda moxsenebiT, sityvebiT aWaris partiuli organizaciis konferenciebze, plenumebze, aWaris assr sabWoebis yrilobebze, aWaris assr cakis sesiebze. partiasa da mTavrobas uyuradRebod ar darCenia z.d. lorTqifaniZis nayofieri saxelmwifo da sazogadoebrivi saqmianoba. ssr kavSiris centraluri aRmasrulebeli komitetis 1935 wlis 29 dekembris dadgenilebidan: `TvalsaCino warmatebisaTvis soflis meurneobisa da mrewvelobis dargSi da soflis meurneobaSi saxelmwifo gegmebis gadaWarbebiT Sesrulebis gamo dajildovdnen leninis ordeniT_partiis awaris saolqo komitetis pirveli mdivani geurqovi da aWaris assr cakis Tavmjdomare z. lorTqifaniZe”.

awaris assr ministrTa sabWos saqmeTa mmarTvelis 1957 wlis 27 dekembris gankargulebit esma lorTqifaniZes mieca misi qmrir zeqeria lorTqifaniZis 2 Tvis xelfasi 8000 maneTi.

Отар Гоголишвили

Основные причины начала «Большого террора»

С 23 февраля по 5 марта 1937 года состоялся печально известный Пленум ЦК ВКП (б), на котором 3 марта с основным докладом « О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» выступил И.В. Сталин, повторивший свой известный вывод об обострении классовой борьбы. Он заявил: «...чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться останки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить Советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы как последние средства обреченных». Главными врагами советского государства были объявлены троцкисты, превратившихся, по мнению Сталина, « ...беспринципную и безыдейную банду вредителей, диверсантов, шпионов, убийств, работающих по найму у некоторых разведывательных органов». Он призвал «в борьбе с современным троцкизмом» применять...» не старые методы, не методы дискуссий, а новые методы, методы выкорчевывания и разгрома»

Фактически это была четко сформулированная перед

НКВД СССР задача на уничтожение «врагов народа». В заключительном слове на Пленуме 5 марта 1937 года Сталин, опираясь на результаты партийной дискуссии 1927 года, даже назвал конкретное количество «врагов» - 30 тысяч троцкистов, зиновьевцев и всякой другой «шушеры: правые и прочее...»

К моменту пленума уже было арестовано 18 тысяч человек «врагов народа». Оставалось арестовать по Сталину еще «всего» 12 тысяч человек. Они, впрочем, представляли угрозу для партии, для страны, т.к. могли «напакостить и нагадить»

3 марта 1937 года по докладу Н.И.Ежова «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японско-немецко-троцкистских агентов» пленум принял резолюцию, где были одобрены «мероприятия ЦК ВКП(б) по разгрому антисоветской, диверсионно-вредительской, шпионской и террористической банды троцкистов и иных двурушников». *.

В ходе пленума и после его окончания сразу начались аресты по всей территории страны. С 14 по 29 мая 1937 года были арестованы и расстреляны представители высшего командного состава Красной Армии: М. Н. Тухачевский, И.Э Якир, И.П. Уборевич и другие. 15 марта 1937 года был расстрелян бывший член Политбюро, член Коминтерна, редактор газеты «Известия Н.И. Бухарин.

Печальная участь постигла участников февральско-мартовского Пленума 1937 года. На Пленуме выступило 72

человека. Из них были арестованы и расстреляны 52 человека, 2-е покончили жизнь самоубийством. (Ведь они в своих выступлениях и в голосовании поддержали мнение Сталина находить и уничтожать «врагов народа»).

После Пленума Политбюро ЦК ВКП(б) принимает ряд постановлений на ужесточение репрессий: 23 мая 1937 г. «Вопрос НКВД», 8 июня 1937 г. «О выселении семей троцкистов и правых». Этими постановлениями органы НКВД получили неограниченные полномочия в деле разоблачения и разгрома троцкистских и иных агентов фашизма, подавлять малейшие проявления их антисоветской деятельности. Главным героем становится не партработник, а наркомвнуделец. В стране нарастает массовый политический психоз. Разоблачаются сотни тысяч неожиданно появившиеся «враги народа», органы НКВД «раскрывают» сотни контрреволюционные организации: «антисоветские», «фашистские», «террористические», «кулацкие», «белогвардейские», «националистические», «диверсионные», «офицерские» и т.д.

2 июля 1937 года вышло Постановление Политбюро «Об антисоветских элементах». Этим постановлением ЦК ВКП(б) предложил « всем секретарям областных и краевых партийных организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и расстреляны в порядке административного проведения их дел через «тройки», а

остальные менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД».

(«Тройки», как внесудебный орган были созданы 29 октября 1929 года циркуляром ОГПУ для предварительного рассмотрения следственных дел и доклада на судебных заседаниях. С 5 июля 1937 года «тройки» имели право выносить смертные приговоры. В состав «троек» входили руководитель областного или краевого УНКВД, областные или краевые прокуроры, секретари крайкомов, обкомов). Персональный состав «троек» утверждал Политбюро ЦК. На заседании Политбюро были утверждены контрольные цифры на арест и расстрел врагов народа.

Народный комиссар внутренних дел СССР Н.И. Ежов 30 июля 1937 года издал известный оперативный приказ № 00447, как исполнять на местах постановления Политбюро ЦК КП(б). Был определен порядок, сроки, масштабы репрессий «антисоветских элементов»

Все репрессируемые по мере наказания разбивались на две категории. Отнесенных 1-й категории «тройки» выносили постановления - расстрел, ко 2-й категории заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет. Был определен длинный перечень «контингентов», подлежащих репрессиям : «бывшие кулаки», «социально-опасные элементы, состоящие в повстанческих, фашистских, террористических и бандитских формированиях», «члены антисоветских партий», «бывшие белые, жандармы,

чиновники, каратели, бандиты, бандопособники, переправщики, реэмигранты», «наиболее враждебные и активные участники казачье-белогвардейских повстанческих организаций, фашистских, террористических и шпионско-диверсионных контрреволюционных формирований», «сектантские активисты, церковники», «уголовники». Карающий меч НКВД должен был поразить многочисленных врагов независимо от их местонахождения: содержащихся «под стражей, в тюрьмах, лагерях, трудовых поселках и колониях», продолжавшие «вести там активную антисоветскую подрывную работу», проживавшие в деревне, городе и трудившиеся «в колхозах, совхозах, сельскохозяйственных предприятиях.... на промышленных и торговых предприятиях, транспорте, в советских учреждениях и на строительстве».

Репрессивная операция должна начаться с 5 августа, в Узбекской, Туркменской, Таджикской и Киргизской ССР – с 10 августа, в Дальневосточном и Красноярском краях и Восточно-Сибирской области с 15 августа 1937 года и закончиться в четырехмесячный срок. В приказе было утверждено конкретное количество подлежащих репрессиям по первой и второй категории по каждой республике, краю или области. Всего по стране «в плановом порядке» предстояло репрессировать по первой и второй категории 268 950 человек, в т.ч. лагерях НКВД по первой категории – 10 000 человек. Данные цифры являлись «ориентировочными». Но наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных Управлений НКВД не имели право

«самостоятельно их превышать». Разрешалось «уменьшать цифры» и переводить «лиц, намеченных к репрессированию по первой категории – во вторую и, наоборот...» Так в шифротелеграмме начальника УНКВД по Омской области Г.Ф.Горбача к Н.И. Ежову от 14 августа 1937 года сообщалось о том, что на 13 августа по 1-й категории арестовано 5444 человека. Г.Ф. Горбач просил увеличить «ориентировочную» цифру по первой категории с 1 000 до 8 000 человек. Этот документ был показан Сталину, который своей рукой наложил резолюцию « Т. Ежову, За увеличение лимита до 8 тысяч. И.Сталин». Было увеличение «плановое задание» УНКВД Красноярского края, которому первоначально установили совсем « ничтожную» цифру ликвидацию «врагов народа» по первой категории – 750 человек. 20 августа И.В. Сталин и В.М. Молотов «исправили» ошибку, расширив «лимит» на 6 600 человек. Таким образом, в 1937 году лимиты на репрессированных были увеличены – в два раза больше. 8 сентября Н.И. Ежов сообщил в спецсообщении Сталину, что за август месяц было арестовано 146 225 человек т.е. пятимесячный план выполнен на 54,37 %. «Тройками» осуждено к расстрелу 31 530 и к заключению в лагеря и тюрьмы – 13 669 человек. «Тройки» рассматривали следственные дела заочно, в ускоренном порядке. Нр.: «тройка» Краснодарского края за один день 20 ноября 1937 г. рассмотрело 1252 уголовных дела. Если предположить, что «тройка» работала без перерыва все 24 часа, то на одно дело было затрачено 1 мин. 15 секунд. Эта же «тройка» за день 1 ноября 1938 г. вынесла 619 смертных приговоров - на одно дело затрачено 2,5 минуты.

С 5 августа 1937 года и до середины ноября 1938 года «тройками» НКВД-УНКВД было осуждено не менее 800 тысяч человек, половина из которых – к расстрелу. 800 тысяч человек – это почти 60 % от общего числа репрессированных в эти годы по политическим мотивам. Остальная часть осужденных за контрреволюционные преступления в годы «Большого террора» приходится на иные внесудебные органы. Особое совещание при НКВД, военные трибуналы и суды. Только Военной коллегией Верховного Суда СССР и ее выездными сессиями в 60 городах СССР с 1 октября 1936 по 30 сентября 1938 года было осуждено 36 157 человек, из них к расстрелу – 30 414 человек или 84, 39 %. Военная коллегия судила наиболее известных и в прошлом авторитетных «врагов народа», оставлять в живых которых в тех условиях было никак нельзя.

Сведения об осужденных Военной коллегией сейчас публикуется как «Сталинские расстрельные списки», предоставленные архивом Президента РФ. К Сталину попадали списки, уже разбитые на определенные категории и содержащие лишь фамилию, имя и отчество репрессируемого. Списки не утверждались на Политбюро и не оформлялись в виде решений. Списки подписывались члены политбюро, которые были наиболее приближены к Сталину. Наиболее по частоте подписи с резолюцией «за»: Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Жданова. Списки утверждались членами Политбюро либо на даче Сталина, либо Ежов объезжал членов Политбюро для сбора подписей.

Политбюро ЦК ВКП(б) в постановлении от 5.07.1937 г. « Вопрос об НКВД». В этом постановлении говорилось:

« 1. Принять предложение Наркомвнудела о заключении в лагеря на 5-8 лет всех жен осужденных изменников родины членов право-троцкистской шпионско-диверсионных организаций, согласно представленному списку.

3. Установить впредь порядок, по которому все жены изблеченных изменников родины право-троцкистских шпионов подлежат заключению в лагеря не менее, как на 5-8 лет.

4. Всех оставшихся после осуждения детей-сирот до 15 летнего возраста взять на государственное обеспечение...

5. Предложить Наркомвнуделу разместить детей в существующей сети детских домов и закрытых интернатах наркомпросов республик...».

Во исполнение этого постановления НКВД 15 августа 1937 года издает приказ № 00486 «Об операции по репрессированию жен и детей изменников родины». В стране были открыты женские лагеря изменников родины и детские дома НКВД. По неполным данным только за полгода, после приказа НКВД было репрессировано не менее 43 тысяч жен и детей.

Террор был остановлен постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об аресте, прокурорском надзоре и ведении

следствия» от 17 ноября 1938 года, в котором формально многое в деятельности НКВД подверглись критике.

Каковы масштабы репрессий 1937-1938 годов?

По имеющейся статистике осуждено в 1937-1938 гг. 1 344 923 человека, из них приговорено к высшей мере наказания 681 692 человека или 50,69%. Каждый второй из осужденных по политическим мотивам в 1937-1938 гг. был расстрелян. По другим сведениям в 1937-1938 гг. было арестовано более 1, 7 млн. человек, казнено более 700 тысяч. В годы «Большого террора» резко увеличилось «население» лагерей, колоний и тюрем. В 1937 году количество заключенных увеличилось на 685 201 человек. 1 января 1939 года только по ИТЛ, ИТК и тюрьмах насчитывалось 2 022 976 заключенных

Постановления Политбюро ЦК ВКП (б) и приказы НКВД в 1937-1938 годах, породили в обществе атмосферу страха, безысходности, двойной морали, доносительства, шпиономании. Всюду шел поиск «врагов народа», «шпионов». «Плановые задания» цифры на арест «изменников родины», утверждавшиеся в центре, служили для местных органов НКВД руководством к действию. В органах НКВД шло своеобразное «соцсоревнование» за наибольшее разоблачение «врагов народа». «Контрольные» цифры на аресты были перевыполнены многократно.

2 июля 1937 года директива ЦК ВКП (б), подписанная И. В.Сталиным и В.М. Молотовым, о

развертывании массовых репрессий против врагов народа была направлена на места.

В Красноярском крае с августа 1937-го по ноябрь 1938 года по политическим статьям было приговорено к расстрелу 12 603 человека, к отбытию срока заключения в лагерях --- 5529 . За этот период тройки в Красноярском крае рассмотрели дела 19 652 обвиняемых, из которых 1550 человек обвинялись по общеуголовным статьям, а 18 132 по политическим статьям. Возможно, цифра 12 603 расстрелянных не впечатлительна. Не миллионы и даже не сотни тысяч. Однако это – только за четырнадцать месяцев. Однако это – только в одном регионе, в котором жило тогда куда меньше нынешних трех миллионов человек. 12 603 человека за 14 месяцев - это 900 человек в месяц. Это тридцать человек ежедневно. Тридцать чьих- то пап, мам, братьев и сестер. Людей, ни в чем невиновных

Массовые политические репрессии 1937-1938 годах завершили формирование жесткого тоталитарного режима в СССР. В обществе был нагнетен террор, страх, исключил всякое сопротивление властям. Репрессии обезглавили промышленность, армию, сферу обслуживания, науки, культуры. Пострадали партийные, комсомольские, советские, правоохранительные органы. В Красной Армии накануне Великой Отечественной войны было незаконно репрессировано около 40 тысяч офицеров. За годы ВОВ Красная Армия потеряла 180 человек высшего состава (112 командиров дивизий, 46 командиров корпусов, 15 командующих армиями, 4 начальника штаба фронта, 3 командующих фронтами), а за несколько предвоенных лет

(в основном 1937-1938 гг.) по сфабрикованными политическими обвинениями арестовано и опозорено более 500 командиров в звании от комбрига до маршала Советского Союза, из них 29 умерли под стражей, а 412 были расстреляны (Трагедии РККА. 1937-1938. –М, 1998. с. 317).

В годы «Большого террора» была «опробована» политика массового насильственного переселения. Первыми ее жертвами стали корейцы с Дальнего Востока, а последующие годы – десятки депортированных народов.

В годы политического террора все крупные промышленные объекты первых пятилеток сооружались с использованием дешевого, принудительного труда заключенных, в том числе политических

В 1920-1950-е годы через лагеря, колонии и тюрьмы прошли десятки миллионов человек. Субкультура уголовного мира, его ценности, приоритеты, язык были навязаны обществу. Оно вынуждено было десятилетиями жить не по закону, а по «понятиям», не христианскими заповедями, надуманными идеологическими установками. До сих пор атмосфера общества 1937-1938 годов, как государственное беззаконие и произвол, страх, двойная мораль, единомыслие – не в полной мере преодолены сегодня.

В Красной Армии накануне Великой Отечественной войны было незаконно репрессировано около 40 тысяч офицеров. За годы ВОВ Красная Армия потеряла 180

человек высшего состава (112 командиров дивизий, 46 командиров корпусов, 15 командующих армиями, 4 начальника штаба фронта, 3 командующих фронтами), а за несколько предвоенных лет (в основном 1937-1938 гг.) по сфабрикованными политическими обвинениями арестовано и опозорено более 500 командиров в звании от комбрига до маршала Советского Союза, из них 29 умерли под стражей, а 412 были расстреляны (Трагедии РККА. 1937-1938. –М, 1998. с. 317).

В годы «Большого террора» была «опробована» политика массового насильственного переселения. Первыми ее жертвами стали корейцы с Дальнего Востока, а последующие годы – десятки депортированных народов.

В годы политического террора все крупные промышленные объекты первых пятилеток сооружались с использованием дешевого, принудительного труда заключенных, в том числе политических

1937-1938 годы- это гигантский масштаб репрессий, - это их плановый характер арестов и расстрелов, - это фальсификация фантастических обвинений арестованным, - это пытки и истязания во время допросов,- это закрытый характер судопроизводства, - это официальная ложь о судьбах расстрелянных, -это десятки тысяч заключенных в специальные лагеря вдов, чьи мужья были казнены, - это сотни тысяч «сирот Тридцать Седьмого» - людей с украденным детством и изломанной юностью.

Тридцать Седьмой год – это эпоха полного смещения

в народном сознании всех правовых понятий, - это внедрение в сознании народа, что СССР самая демократическая страна, с самой демократической Конституцией в мире.

I

- Как! У вас есть белый хлеб!

В зал вошли двое персов - консул и его жена; она-то и пришла в восторг от красиво сервированного сэндвичами стола.

Впрочем, буквально минуту назад, Адил-бею сказали:

- Есть только три консульства в Батуми: ваше, персидское и наше. Но к персам наносить визиты практически невозможно.

Так говорила сеньора Панделли, жена итальянского консула, пока тот, утопая в кресле, покуривал тонкую сигаретку с розовым ободком. Обе женщины, улыбаясь, сошлись в центре салона в момент, когда звуки труб, ранее едва различимые в залитом солнцем городе, внезапно разразились фанфарами на углу улицы.

Тогда все вышли на веранду, чтобы посмотреть на процессию.

Из новых людей среди них был только один Адил-бей, прибывший в Батум тем же утром. В консульстве Турции он встретил служащего из Тифлиса, временно исполнявшего его обязанности.

Этот служащий, уезжавший вечером, привёл Адил-бея к итальянцам, чтобы представить его своим двум коллегам.

Звуки музыки всё нарастали. В лучах солнца видны были приближавшиеся медные трубы. И хотя мелодию трудно было назвать весёлой, всё же она была бодрой, заставляя вибрировать всё вокруг себя: воздух, дома и сам город.

Адил-бей заметил, что консул Персии стоял у камина рядом со

служащим из Тифлиса, оба переговаривались вполголоса.

Затем его внимание переключилось на процессию, и он различил позади духового оркестра гроб ярко-красного цвета, который несли на плечах шестеро мужчин.

- Это похороны? - спросил он наивно, обернувшись к сеньоре

Панделли. Та поджала губы, чтобы не рассмеяться его оторопелому виду.

Это, действительно, были похороны, - первые похороны, которые Адил-бей видел в СССР. Люди из духового оркестра были одеты в белое, подобно членам какого-то гимнастического общества, с широкой красной эмблемой на груди, в парусиновой обуви. Гроб был грубо отёсан, плохо окрашен в ослепительно алый цвет. Что касается людей, следовавших за ним, то они шли, как обычно, за музыкантами. Среди них были мужчины без пиджаков, в одних рубашках, свитерах, женщины, одетые в белые хлопчатобумажные платья, с голыми, без чулок, ногами, двое мужчин в кожаных тужурках и при галстуках, - из начальства, вне сомнения. Было видно много обритых голов, а в самом последнем ряду ехал молодой человек на великолепном новеньком велосипеде. Чтобы не потерять равновесие, он, делая зигзаги, время от времени опирался о плечо девушки. Проходя мимо консульства, каждый из них задирает голову, чтобы разглядеть иностранцев на веранде.

- О чём все они думают? - пробормотал чуть слышно Адил-бей.

Персиянка цинично парировала в ответ:

- Что мы сейчас будем есть белый хлеб! Она откровенно смеялась. Люди, проходившие по улице, слышали её смех, но выражение их лиц оставалось прежним. Они шествовали вслед за музыкой и алым гробом. Никто не мог бы сказать, были они грустны или веселы, и Адил-бей, почувствовав неловкость, вошёл обратно в салон.

- Вы уже осмотрели город? - Это была персиянка, следовавшая за ним в салон.

- Я ничего ещё не успел увидеть.

- Это настоящая дыра!

Она упиралась ему в глаза своими чёрными зрачками, самыми дерзкими из всего, что видел турок на свете. Ещё никогда его не рассматривали столь бесцеремонно, словно предмет, который не решаются приобрести. И худшим было то, что все эти мысли легко читались по выражению её лица. Чётко ощущалось, что она думала:

- Он ни плох и ни хорош, немного глуповат, пожалуй.

Наконец, она громко сказала:

- Вы знаете, мы обречены сосуществовать месяцы и годы. Нас всего шестеро, включая Джона из Дома стандартов, но он вечно пьян. Кстати, милая, Джон не придёт?

Все возвращались в салон по мере того, как хвост процессии исчезал в глубине улицы. Воздух ещё дрожал. Было душно и жарко.

- Вы уходите? - удивилась сеньора Панделли, поскольку служащий из Тифлиса прощался.

- Мой поезд будет через час.

- И вы тоже? - удивлённо произнесла итальянка, обращаясь к консулу Персии.

- Прошу простить моё временное отсутствие. Я скоро вернусь, ещё должен с ним кое-что обсудить.

Адил-бею и в самом деле всё было слишком внове, чтобы принимать хотя бы малейшее участие в происходящем. Он снова оказался в кресле между итальянкой и персиянкой с чашкой чая, тогда как Панделли тихо посапывал напротив, будучи слишком грузным, он плохо переносил жару.

Салон был просторен, в коврах и картинах по стенам, с типичной для салонов мебелью. На разносе стояли сэндвичи, пирожные и штоф с водкой. С террасы, залитой солнцем, открывалась гавань. От неё исходили обжигающие порывы ветра, доносившие запах пустынных улиц.

Чашка сеньоры Панделли звякнула о блюде, и Панделли, вздохнув, пробормотал: «Вы говорите по-русски?». Казалось, он не обращался ни к кому, так как смотрел на сэндвичи, но Адил-бей ответил:

- Ни слова.

- Тем лучше.

- Отчего же лучше?

- Они предпочитают консулов, которые ни слова не понимают по-русски. Им это выгодней. Панделли говорил со снисходительностью человека, явно довольного прилагаемыми усилиями.

Персиянка продолжала изучать взглядом Адил-бея. По лицу

сеньоры Панделли блуждала неопределённая улыбка хозяйки дома.

- Мука, естественно, доставляется вам пароходами?

Адил-бею показалось, что музыка снова приблизилась, но на этот раз она раздавалась позади дома. Персиянка продолжала тоном, которым она обычно говорила колкости:

- Ведь не каждый может быть итальянским консулом и встречать прибывающий раз в неделю сухогруз! Не говоря уже о таких развлечениях, как обед на борту и приём офицеров.

- Это уже начинает надоедать, - заметила сеньора Панделли, доливая чай Адил-бею.

Однако тот имел несчастье спросить: «А турецкие суда иногда заходят в порт?».

Панделли заёрзал в своём кресле. Он задвигался бесцельно, едва заметно, но стало ясно, что он скажет нечто особенное.

- А что, разве существуют турецкие суда?

Он не смеялся. Рот его был приоткрыт, веки опущены.

Адил-бей ещё не осознавал, что произойдёт дальше, но глаза его уже блестели, щёки вспыхнули огнём.

- Что вы хотите этим сказать?

Сеньора Панделли положила в чашку два кусочка сахара. Панделли хранил свой обычный добродушный вид.

- Не сердитесь на меня. Но сама идея корабля, управляемого турком...

- Ведь мы дикари, не так ли?

Это произошло мгновенно. Адил-бей вскочил, он уже чётко не различал предметы и лица.

- Нет же! Садитесь. Уже с десятков лет вы больше не рубите головы...

Сеньора Панделли снисходительно улыбалась.

- Ваш чай, Адил-бей.

- Благодарю, вас, сеньора.

- Мой муж шутит, уверяю вас.

- Возможно, зато я не шучу. Наша республика молода, я это знаю. Конечно, мы сохранили некоторые пережитки, но...

- Но вы хотите, чтобы с вами обращались, словно с вели-

чайшей нацией в мире!

Уже никто не мог сказать, с чего всё началось. Бесшумно вернулся консул Персии.

- Идите к нам, Амар! Наш новый друг не понимает шуток и становится весьма забавен, когда сердится. Действительно, Адил-бей, вы играете в бридж?

- Нет.

Он добавил со злостью в голове:

- Для турка это чересчур утончённая игра!

Сеньора Панделли захотела его успокоить.

- Клянусь вам, что мой муж...

- Ваш муж считает, что в мире есть одна только Италия! Он по-прежнему представляет себе Турцию страной гаремов, евнухов, кривых сабель и красных фесок.

- Сколько вам лет? - улыбаясь, спросила персиянка.

Всё так же зло он продолжил:

- Тридцать два, и я уже сражался за свою страну в Дарданеллах, потом за республику в Малой Азии. Я никому не позволю, чтобы со мной...

- Где вы родились? - перебила его сеньора Панделли, закуривая новую сигаретку.

- В Салониках.

- Это уже не Турция. Похоже, что греки сделали из него красивый город...

Адил-бей задыхался от ярости. Поэтому он забыл, с какой стороны дверь, идя прямо на стенной шкаф. Мадам Амар не смогла сдержать смех, и когда он с бешенством глянул на неё, ей пришлось утереть глаза платочком.

До самой улицы Адил-бей был вне себя. Он едва обратил внимание на сеньору Панделли, которая спешила следом за ним по коридору и, положив руку ему на плечо, сказала с гримаской недовольства:

- Не стоит принимать слишком всерьёз всё, что говорит мой муж. Он всегда подтрунивает над людьми.

Схватив свою шляпу, он вынырнул на солнце. Улицы были рас-

калены, словно печь. Добрую четверть часа он ходил наугад, ничего не замечая вокруг и кипя от злости. Потом он попытался последовательно восстановить ход их спора.

Это казалось почти невозможным. Перед ним вновь и вновь представляли картины и образы, в особенности самого Панделли, грузного, ожиревшего, развалившегося в кресле со смешней дамской сигареткой. Разве он не упивался своим превосходством? У него был прекрасный дом с террасой, салон и даже фортепиано, на котором, должно быть, играла его жена. Он угощал изысканными, как в Европе, сэндвичами. У него был белый хлеб.

- И он ещё считает, что невозможно наносить визиты к персам, - пробормотал Адил-бей. В сущности, он и сам так думал.

В глубине души персы ему не понравились. Мадам Амар раздражала его своей бесцеремонной манерой разглядывать с ног до головы. Что касается консула, - трудно было судить. Он был худ, ничем не примечателен со своими тёмными усиками, костюмом плохого кроя и лакированными ботинками. «Они умышленно меня так приняли!» - резюмировал он.

Был выходной, за которым в России следуют шесть рабочих дней. По мере того, как он приближался к порту, Адил-бею встречались люди, шедшие вдоль улиц и, мало-помалу, он осматривался, несмотря на весь свой гнев.

Но смотрели в основном на него самого; когда он проходил мимо, каждый оборачивался и провожал его долгим взглядом. Что в нём казалось необычного?

Небо постепенно багровело, тени становились тёмно-синими. Вероятно, было около восьми вечера. Людская толпа направлялась в одну сторону и Адил-бей, следуя за ней, вышел к порту. Весь город высыпал на набережную, и впечатление бурлящей жизни уступило ощущению пустоты, охватившей улицы. Где-то ещё раздавалась музыка. Только что прибыл корабль из Одессы. Сотни людей сходили по трапу и сотни других за ними наблюдали.

Небо и море были алыми. На их фоне чернели мачты. Суда бесшумно покачивались на воде.

И мужчины, и женщины без конца задевали Адил-бея,

беспардонно его разглядывая. Некоторые мальчишки бежали за ним следом, чтобы лучше его разглядеть.

На мгновение он забыл об итальянском консуле, пытаясь определиться в пространстве.

Слева и справа от бухты горизонт был закрыт горами, а в глубине её располагалась длинная набережная. В самой бухте находилось кораблей семь-восемь, а может, и больше. Все они казались прилипшими к спокойной глади моря.

Что касается самого города, то позади порта это была бесконечная череда маленьких улочек, плохо мощёных или вовсе немощённых, с ветхими полуразвалившимися домами.

Адил-бею хотелось пить. Он увидел нечто вроде ресторанчика у кромки воды и присел за столик. Гарсон обносил посетителей пивом и лимонадом, все расплачивались бумажными рублями. Вспомнив, что у него ещё не было русских денег, Адил-бей вышел.

Зажглись газовые фонари, засветились красные и зелёные огни кораблей, стоящих на якоре. Итальянские моряки прогуливались в компании женщин в старых стоптанных туфлях. Какой-то мужчина тихо ехал на велосипеде, посадив девушку на раму. Ему приходилось то и дело маневрировать в толпе.

Воздух был свеж. Редкий туман спускался к подножию гор.

Звуки музыки усилились, как это было в момент шествия процессии по улице, но это были не похороны. То был большой новый дом с множеством окон. Двери и окна его были распахнуты. Молодые люди и девушки сидели на подоконниках, а в глубине его виднелись бумажные гирлянды, портреты Ленина и Сталина, агитационные плакаты.

Дом сотрясался от музыки, было видно, как в одной из комнат первого этажа со стенами в графиках и диаграммах, мужчины без пиджаков слушали своего товарища, тот говорил, стуча кулаком по столу.

Это напоминало похороны не только из-за музыки. Было нечто общее в поведении людей, как тех, что следовали за гробом, так и других, сидевших на окнах или слушавших оратора - нечто такое, что, как казалось Адил-бею, навсегда останется для него

непостижимым.

Но что именно? Это было связано не только с их внешним видом, напоминавшим некое сообщество. Большинство мужчин были одеты в белые сорочки с расстёгнутыми воротниками, многие были обриты наголо. Женщины были на босу ногу в носочках, подвернутых у лодыжек, в светлых хлопчатобумажных платьях.

Но отчего все они казались ему столь чуждыми, как и те люди на улице. Они описывали полукруг у бронзовой статуи, невысокого, съёжившегося, в растянутых брюках Ленина, попирающего ногами шар, - символ всего мира.

Насколько велик был контраст между этим чёрным человечком в бронзе и высокими парнями и девушками в светлом, которые прогуливались, со смешком разглядывая Адил-бея.

- С чего началась ссора? - в который раз спрашивал он себя.

Теперь ему было грустно и одиноко. Фирке, временно заменявший его, вернулся в Тифлис. Впрочем, он был ему тоже не особо симпатичен.

В своё время он принял консула без особого энтузиазма.

- Вы всё найдете в том же состоянии, что и я месяц тому назад, после смерти вашего предшественника, - сказал он.

- Отчего же он умер?

У служащего не было никакого желания продолжать беседу.

- Ваша... секретарша придёт завтра утром. Она уже в курсе всех дел. Разумеется, она русская

- Ей можно доверять?

Собеседник лишь слегка повёл плечами. Но разве не входило в его обязанности дать хотя бы некоторые разъяснения, как это обычно принято среди соотечественников, а также помочь Адил-бею наладить быт на первое время?

Внезапно он подумал, что даже не представляет себе, где можно было бы поесть! Он заметил какую-то женщину на кухне, а также человека, обязанностей которого не знал. Были ли это его слуги?

К кому ему теперь можно обратиться? Ведь он рассорился с итальянцами и, вероятно, одновременно и с персами.

Он продолжал следовать за толпой от статуи Ленина до нефтеперерабатывающего завода. У пристани, где ловят рыбу, стояло несколько новых домов, окруженных пустырями и там,

прямо на земле, сидели или лежали мужчины, женщины и дети. Они не были похожи на людей с похорон, или из большого дома, даже на людей из движущейся толпы - все они были грязными и угрюмыми. Адил-бей услышал турецкую речь и понял, что она исходила от самых жалких людей, одетых в лохмотья, простертых в пыли, словно цыгане или бродяги.

Он обошёл их, но, вернувшись с полдороги, остановился перед ними и спросил:

- Вы турки?

Поднялось несколько лиц с безразличным выражением. Его оглядели снизу доверху, затем, с такой же медлительностью, отвернулись. А ведь все эти люди говорили на его родном языке!

Должно быть, он выглядел довольно нелепо среди них, так, что он почувствовал одновременно гнев и стыд.

По крайней мере, раз шесть или семь он отшагал назад и вперёд по всей длине набережной. Толпа редела. Было немногим более десяти часов.

На углу улицы стояло несколько женщин. Одна из них сделала несколько шагов ему наперерез, затем отступила.

Сеньора Панделли кажется гораздо умнее своего мужа, - подумал он.

Но что из того, - ведь и она не могла ему ни в чём помочь! Он снова увидел окна, заполненные парнями и девушками. Несколько минут он прошагал словно в облаке музыки.

Он постоянно спрашивал себя, отчего умер его предшественник. Каким он был? Сколько лет ему было?

Дважды он заблудился в поисках консульства. Улицы походили одна на другую, мостовые были размыты дождями и сточными водами. Кругом лежали груды заброшенных камней, зияли проёмы темных подъездов без дверей.

Наконец, он узнал дом, второй этаж которого он снимал. Лестница не была не освещена. Он наткнулся на обнявшуюся парочку и пробормотал извинения.

У него был свой ключ; с первых же шагов он понял, что квартира была пуста, и на него это как-то странно подействовало. Там, в консульстве Италии, расслабленно велись беседы у разносов

с сэндвичами и рюмками водки. Парфюма мадам Амар хватало, чтобы вся атмосфера салона была пропитана ароматом женской изнеженности.

- Есть тут кто-нибудь? - закричал он, ища в темноте выключатель.

От единственной лампочки без абажура веяло унынием, он увидел прихожую с двумя скамьями и стенами, увешанными инструкциями, почувствовал характерный запах нищеты.

Следующая комната было его приёмной. Слева от неё находилось нечто вроде столовой. Круглый столик на одной ножке невольно привлёк его внимание. Затем память помогла ему. Утром на том же месте стоял проигрыватель, однако он исчез, как и турецкий ковёр, покрывавший ранее диван.

- Никого нет? - повторил он неуверенно.

Нет, никого не было ни в комнате, ни на кухне, где виднелся кран над грязной раковиной.

Всё здесь было грязным: стены, потолок, мебель, - мрачно-грязным, как это бывает в казармах и в общественных заведениях. На полках буфета не было ничего съестного, тарелки после обеда оставались невымытыми.

- Почему он так упорствовал в своём презрении к Турции? - пробормотал он, ища место, где присесть.

Перед его глазами его снова возникала красивая рука сеньоры Панделли с щипчиками для сахара над чашкой. Она была очень хороша собой, эта сеньора Панделли. Платье из синего шёлка подчеркивало её полноту. Её пухлые губы открывали ряд белых зубов. Но особенно отличало её умение прохаживаться по салону с непринуждённостью светской дамы.

Это не то, что наглая чернушка персиянка, с жёстким, как оливки телом, вешающаяся на шею всем мужчинам подряд!

Адил-бей даже не знал, где находится его постель и ещё не успел разложить свои вещи. Он выпил из-под крана воды, имевшей аптечный привкус.

Этажом выше кто-то ходил. Он посмотрел в окно и увидел в

окне напротив людей, облокотившихся о подоконник и дышавших в тишине ночи свежим воздухом.

Так как в консульстве не было штор, им было видно всё, что делалось Адил-беём. Ему не удавалось припомнить были ли шторы утром. Он старался как-то обустроиться, пока все лампы не только в квартире, но и на улице вдруг разом не погасли.

Пара напротив по-прежнему молча сидела у окна, так как не было заметно никакого движения. Впрочем, Адил-бею удалось не сразу различить белизну рубашки мужчины, а затем размыто-молочные пятна лиц.

Лампы не зажигались. Это была авария, электричество всегда отключали в полночь. На ближайшей улице слышались шаги. Издавало звуки какое-то животное: то ли кошка, то ли собака.

Интересно, в консульстве Италии тоже не было света? По крайней мере, на такой случай у них были припасены лампы. А у Адил-бея, который не курил, не было с собой даже спичек!

Он огорченно осмотрелся, пока неясное сияние не рассеяло темноту, нисходя с неба, по которому бесприютно скитались белые облака.

Ему оставалось только лечь спать. Он лёг одетым на диван и вздрогнул от упавшего на него лунного света. Удалось ли ему вздремнуть хоть на какое-то время, - он не мог понять. Подбежав к окну, он отыскал взглядом окно напротив и заметил вначале горящую точку сигареты, затем рукав рубашки, согнутую в локте руку, лицо мужчины и рядом - женщину с волосами, ниспадавшими на плечи.

Свет луны проникал даже позади пары сквозь темноту. Адил-бею удалось разглядеть также белый прямоугольник постели.

- Они меня видят, - подумал он. - Они не могут меня не видеть!

Он вызывающе приник лицом к окну, не думая о том, какой вид придаёт ему расплющенный о стекло нос, - угрожающий или комичный.

II

Адил-бей проснулся, залитый ярким солнцем, с влажной кожей, горячими веками и, не сходя с дивана, принялся рассматривать утопающий в тени дом напротив.

Вскоре он поднялся в раздражении и первым делом поправил всклокоченные волосы. С той стороны улицы окно было открыто. Женщина убиралась в комнате, и по её взгляду Адил-бей понял, что она не впервые наблюдает за ним.

В кухне, по крайней мере, она не сможет его увидеть, и он пошёл туда. За неимением полотенца он намочил носовой платок, вытер им лицо, отпил глоток воды и поправил галстук. Затем он подошёл к окну с мрачным и недоверчивым видом, ощущением пустоты в груди и горечи во рту, словно после ночи оргий.

Женщина наклонилась над большой кроватью, расправляя простыни. На них лежало две подушки, а в правом углу комнаты Адил-бей заметил другую кровать, более узкую.

Соседка ещё раз к нему обернулась, но встретив его взгляд, отвела глаза. Она была молода, крепко сбита, ярко выраженного грузинского типа. Не имея, вне сомнения, пеньюара или нижнего белья, она носила надетое на голое тело трикотажное платье из искусственного шёлка. Это платье кричаще-жёлтого цвета, липнущее к телу при каждом движении, показалось Адил-бею знакомым до боли.

Комната представляла собой всё жилище людей, живших напротив, так как заметны были стеллажи с книгами, стол, нагруженный чашками и тарелками, спиртовка, на которой что-то готовилось. Одежда была развешана вдоль стены, но Адил-бей теперь не видел ничего, кроме зелёного кружка фуражки, тут же ставшей как бы центром всего обиталища: это была фуражка работника ГПУ.

Он не обратил сразу внимание на невнятный ропот, доносившийся с улицы. Опустив голову, он обнаружил очередь по меньшей мере из двухсот человек, на узком тротуаре. Одни сидели прямо на земле, другие стояли, а начало вереницы упиралось прямо в дверь напротив. Должно быть, это был кооперативный магазин. Адил-бей не мог прочесть того, что было написано мелом на его стёклах.

Он посмотрел этажом выше. Женщина в жёлтом закрывала окно, украшенное занавеской, другой рукой распуская волосы.

Почему он чувствовал себя таким усталым? Безотчётно толкнув дверь своего бюро, в какой-то момент он остановился в ошеломлении. Там сидело человек двадцать на стульях, на диване, на подоконнике открытого окна, а в прихожей виднелось столько же посетителей. Все эти люди спокойно смотрели на него, не здороваясь, и только один крестьянин, одетый, как все горцы и пришедший, должно быть, первым, положил открытый паспорт на письменный стол.

Лишь девушка, блондинка в чёрном, сидевшая за небольшим столом, кивнув, поднялась и замерла в ожидании.

Адил-бей не мог долго оставаться в дверях. Двадцать пар глаз уставились на него, и он подошёл к своему продавленному креслу, уселся в него с возможно более величественным видом, в то время как горец, пользуясь моментом, придвинул паспорт поближе к его руке.

Было странным и впечатляющим то, что все сидели молча. Но вовсе не из уважения, поскольку многие из них курили, а грязный паркет был усеян плевками! Сколько времени они прождали? Чего они хотели?..

- Мадемуазель?.. - обратился Адил-бей по-французски.
- Соня, - ответила девушка в чёрном и села по другую сторону стола.
- Полагаю, вы и есть моя секретарша?
- Да, я секретарь консульства.
- Вы говорите по-турецки?

- Немного.

Она была совсем юная, но нисколько не робела. В руке она держала наготове ручку и смотрела на паспорт с видом человека, готового приступить к работе.

Адил-бей также посмотрел на паспорт, но ничего в нём не понял, так как паспорт был советским. Он не спешил и делал вид, что читает. Тем временем он украдкой осматривался. Так, он заметил появление на столе телефонного аппарата. Он констатировал также, что просители состояли из бедного люда в неподходящей случаю одежде. Какая-то женщина прямо перед ним кормила грудью младенца, а старик в каракулевой папахе, сидящий рядом с ней, был бос.

- Соня...

Она едва подняла голову.

- Подойдите сюда на минуту, пожалуйста.

Он прошёл в комнату. Окно напротив было по-прежнему закрыто. Войдя, девушка заметила, что постель не разобрана.

- Соня, у меня сегодня нет времени заниматься этими людьми. Они давно уже ожидают?

- Некоторые тут уже с шести утра. А уже десять.

- И тем не менее, скажите им, пожалуйста...

- Что консульство будет открыто завтра?

- Завтра, да, завтра! - ответил он с нетерпением.

Этой Соне едва было восемнадцать лет. Она была совсем тоненькой, с небольшим бледным лицом, светлоглазая, белокурая, однако в ней чувствовалась какая-то спокойная сила и решительность, которые приводили консула в замешательство. Дверь оставалась приоткрытой, и он сделал два шага вперед, чтобы видеть, как она отпускала толпу.

Она держалась очень прямо, стоя посреди бюро с ручкой в руке и говорила по-русски, не повышая голоса, сопровождая жестами каждое своё слово. Так как кормившая женщина всё ещё сидела в своём углу, она подошла к ней, решительно отняла ребёнка от груди и сама застегнула ей лиф.

Все эти шаги напоминали ему шум идущей толпы. Посетители задерживались, оглядываясь в надежде, что в последнюю минуту он передумает. Когда дверь была, наконец, закрыта, в бюро долго ещё стоял тяжёлый дух грязи и нищеты.

Вернувшись, Соня застала Адил-бея на его рабочем месте. Он сидел с видом отчаявшегося человека, положив локти на стол.

- Вы пили чай? - спросила она.

- Какой чай?

И, не сумев сдержаться, выпалил:

- Где вы видели чай в этом доме? Где слуги? Где проигрыватель? Где...

Было смешно говорить о патефоне, но его исчезновение он рассматривал, как ещё один злой выпад против него самого.

- Действительно, слуги уехали, - сказала она.

- Почему?

- Потому что господин Фирке их уволил.

- Он отпустил слуг? По какому праву? Из-за чего?

Соня не улыбалась. Она оставалась невозмутимой, как всегда, с решительным видом.

- У него, должно быть, были на то свои причины. Быть может, вы найдёте себе другую горничную?

- Как это, «быть может»? Вы что, хотите сказать, что я рискую остаться без прислуги?

- Нет, надеюсь, что я найду сама.

- А тем временем?

- Это будет непросто. Вы могли бы пойти пообедать в какой-нибудь кооперативный ресторан, но...

Он слушал её так, словно только от этой девушки зависело всё его будущее.

- У вас есть валюта? - спросила она.

- Что?

- Валюта - это значит, иностранные деньги. Если они у вас есть, я смогу купить в Торгсине всё, что вам угодно. Это магазин только для иностранцев, где надо расплачиваться

валютой. Там есть всё, как в магазинах Европы. В каждом городе есть по одному такому магазину.

Он уже открыл свой бумажник и извлёк из него турецкие лиры, но девушка посмотрела на них, нахмутив брови.

- Я не уверена, что их примут, но попытаюсь.

- Как, разве их могут...

Но он замолчал, подумав, что не стоит повторять историю, происшедшую в итальянском консульстве. И все же уши у него горели при мысли, что турецкие лиры могут не принять в магазине, где принимают иностранную валюту!

- Что вам хотелось бы поесть?

- Всё равно что, я не голоден.

Действительно, он не испытывал голода. Ему вообще ничего не хотелось. Скорее всего: он хотел бы получить объяснения от какого-нибудь ответственного лица. Он желал бы знать, почему Фирке увёз проигрыватель и отпустил слуг, почему консул Персии проводил его на вокзал. А также отчего итальянцы были столь агрессивны по отношению к нему, и отчего люди напротив оставались у окна до двух часов ночи и почему...

Наконец, он нуждался во всем, вплоть до турецких книг, в которых, возможно, ему откажут!

-Через час я вернусь, - сказала Соня, поправляя чёрный берет и положив деньги в сумочку.

Он ей даже не ответил. Мгновение спустя он подошёл к окну и наклонился как раз в тот момент, когда женщина в белом фартуке, выходя из кооператива, вывешивала какую-то табличку на двери. Он не мог её прочесть. Ожидавшие люди прочли её, пребывая какой-то момент в нерешительности, как бы спрашивая себя, так ли это, подобно посетителям, отправленным Адил-беєм утром, а затем медленно двинулись прочь вдоль тротуара.

Нуждались ли они в хлебе или картофеле? Несмотря на табличку, Соня вошла в магазин, когда открылось окно на втором этаже. Молодая женщина в жёлтом была уже одета. Она всегда была в жёлтом, но на этот раз чувствовалось, что на ней было надето бельё, она была тщательно причёсана, подкрасила себе

губы и ресницы. Сидя на солнце, она полировала ногти, как вдруг, повернувшись к двери, проводила кого-то взглядом, - кого, Адил-бею не сразу удалось разобрать. Она с кем-то разговаривала, он видел, как шевелились её губы. В следующую секунду Адил-бей заметил Соню, пересекающую открытое пространство в глубине комнаты.

Вот и все, что он увидел. Минуту спустя Соня в своём чёрном платье, обтягивающем её прямые плечи и узкие бёдра, быстрыми шагами уже шла по улице.

Что оставалось делать Адил-бею? Он неловко распаковывал багаж и искал место, где мог бы разложить бельё и всё то, что взял с собой. В принципе, более всего он ненавидел консула Италии, которого представлял себе не иначе, как развалившимся в кресле. Он олицетворял собой само благополучие и спокойствие, изредка шевелился, скорее подрагивал, прежде чем процедить сквозь зубы слова, исполненные яда.

Но разве госпожа Амар была чем-то лучше? Едва он успел о ней подумать, как вдруг послышались чьи-то шаги в бюро. С кипой рубашек в руке он открыл дверь.

Перед ним стояла улыбающаяся персиянка с видом женщины, сделавший приятный сюрприз. Протянув ему руку широким, почти ребяческим жестом, она произнесла:

- День добрый вам!

Он положил сорочки на стул и несколько тяжеломерно приблизился.

- Знаете, вы потрясающий тип, Адил-бей?! Впервые вы поставили на место этих людей, но это было сделано настолько технично!

- Не хотите ли присесть?

Он не знал, что говорить. Она не садилась, пребывая под впечатлением, постоянно ходила по комнате взад вперёд, перекладывая предметы.

- Особенно невыносимы её манеры гранд-дамы! Но вы ещё не видели их дочь. В свои десять лет это уже копия мамы!

Казалось, она замечала только пустоту комнат.

- Вы закрыли консульство? За всё то, что там творится, его стоило бы всегда держать закрытым. Я это непрестанно повторяю Амару. К примеру, вы прилагаете невероятные усилия, чтобы добиться визы выходцам из Турции. Вы думаете, что дело сделано, как вдруг в самый последний момент не хватает чьей-то подписи из Москвы или чего-то ещё в этом роде, и всё надо начинать сначала.

Взгляд её упал на окно напротив, и она воскликнула:

- Смотрите-ка, Надя прихорашивается!

- Вы ее знаете?

- Это ведь жена шефа морского ГПУ, почти землячка, сама она из приграничной зоны, а её мать - из Персии. Познакомившись с ней, я пригласила её на чай, и она приняла мое приглашение. Но затем она позвонила, чтобы отложить свой визит. Она звонила так дважды, трижды. А теперь, встречая меня на улице, она довольствуется легким кивком. Вы понимаете меня?

- Не совсем.

- Мы иностранцы, и разговоры с нами её компрометируют. Да вы и в самом деле совсем новичок. Сами убедитесь!..

Она не могла устоять на одном месте, сопровождая жестами и гримасками свою речь.

- С сегодняшнего дня вы можете общаться только с нами оттого, что вы отважились хлопнуть дверью в доме итальянцев. Вы сожалеете об этом?

- Вовсе нет.

И всё же он опасался её. Она занимала слишком много пространства, постоянно двигаясь и разговаривая. Особенно неприятна была её манера пристально его разглядывать!

- Знаете ли вы, почему я так рано пришла?

- Нет.

- Вы очаровательны, но наглы. Допустим, я пришла помочь вам обустроиться. Мне хорошо известно, что такое холостяки. И доказательство тому - эти сорочки на спинке стула в бюро...

Она взяла их и с решительным видом направилась в комнату.

- Конечно, это вам не дом Панделли, не так ли? Они соорудили себе две ваннных комнаты. Так, почему бы не три?

Она сняла шляпку, и так как на ней было платье без рукавов, то, снимая пальто, она оголила подмышечные впадины.

- Поверьте, вам следует начать с того, чтобы повесить шторы на окнах. Особенно с этими людьми напротив!

Адил-бей повернулся к окну. Молодая женщина в жёлтом продолжала себе делать маникюр. Так как госпожа Амар отчетливо поздоровалась с ней, она едва заметно кивнула, что могло быть истолковано и как простое движение головой.

Несколько мгновений спустя, когда Адил-бей обернулся снова, окно было закрыто.

- У вас красивые сорочки. Они из Стамбула?

- Я купил их в Вене.

Послышались шаги. Адил-бей открыл дверь и увидел Соню, с множеством пакетов.

- Я взяла вам спиртного, чтобы согреться, - сказала она.

В тот же миг она почувствовала парфюм персиянки, осмотрелась, нахмутив брови, в то время как консул покраснел.

Соне надо было пройти через спальню на кухню, которая находилась в глубине квартиры. Она увидела госпожу Амар, склонившуюся над открытыми чемоданами. Спустя некоторое время слышно было, как Соня переставляла съестное и тарелки.

- Вы уже так близко знакомы?

- Слуги ушли, и она сама мне предложила...

Госпожа Амар схватила его за рукав и бесшумно увлекла в бюро, притворив за собой дверь.

- Знаете, кто она такая? - прошептала она ему на ухо и указывая на дом напротив, добавила:

- Это родная сестра Колина, шефа морского ГПУ. А теперь, знаете ли вы, отчего умер ваш предшественник? И никто этого не знает. Он скончался всего за несколько часов, а ведь он никогда и не болел.

Должно быть, он сильно побледнел, так как она расхохоталась, положив по-дружески руку ему на плечо.

- Вы скоро ко всему привыкнете, вот увидите! Но надо быть очень внимательным по отношению к тому, что говорится и что делается.

Раздался ещё непривычный в комнате Адил-бея звонок, и дверь распахнулась. Соня поспешила снять телефонную трубку.

- Получите сообщение, - сказала госпожа Амар консулу.

Он снял трубку, безуспешно пытаясь что-либо разобрать. Обе женщины стояли перед ним в ожидании.

- Говорят по-русски, - сказал он со вздохом и протянул телефонный рожок.

Госпожа Амар оказалась проворней. Она сказала несколько слов по-русски, пока Соня отступила назад.

- Вам дают связь с консульством Тифлиса. Ну вот! Теперь уже говорят по-турецки...

Адил-бей снова взял трубку, воскликнув по-детски радостно на родном языке.

- Алло!.. Я слушаю вас... Это консул Турции?

Ему было плохо слышно. Голос доносился издали, прерываемый характерным потрескиванием. Наконец он разобрал:

- Алло... Считаю необходимым поставить вас в известность, что Фирке-эфенди был арестован по прибытии в Тифлис...

- Алло!.. Что вы сказали?.. Я хотел бы знать...

Но на том конце провода трубку уже повесили и на линии снова заговорили по-русски.

Адил-бей повернулся в нерешительности к обеим женщинам. Соня смотрела на него с безразличным видом секретарши, ожидающей распоряжений. Настойчивый взгляд персиянки, казалось, говорил ему:

«Вы помните, что я вам сказала _ пусть она выйдет!»

- Можете идти, - вздохнул Адил-бей. – Ничего особенного.

- Приготовить вам яичницу?

- Мне все равно.

Они подождали, пока не закроется дверь на кухне.

- Ничего не понимаю, - сказал он тогда с вздохом. - Из

Тифлиса мне сообщили, что Фирке был арестован. - Он нервно щелкнул пальцами.

- Я хотел узнать подробности, но на том конце провода уже никого не было. Что я могу поделать?

Она оказалась более взволнована известием. Сняв вначале трубку, после нескольких слов она передумала и снова её повесила.

- Может быть, официальное ходатайство перед властями...

- Не нужно никакого ходатайства, - сухо ответила она.

Он её больше не занимал. Она погрузилась в раздумья, черты лица её стали жёстче, выглядела она от этого почти уродливой.

- Вы не знаете, они арестовали его багаж?

- Они мне ничего не сказали. Даже не выслушали меня.

- К чёрту!

- Почему к чёрту?

- Да так. Когда я начинаю думать, что мы доверили ему три великолепных серебряных самовара!

Адил-бей понимал всё меньше и меньше.

- Да не смотрите же на меня так! - вышла она из себя. - Да, три самовара! Ещё можно найти такие же, припрятанные крестьянами всего-то за кусок хлеба, а надо вам сказать, что платят им мукой. Этот глупец Фирке похвалялся, что переправит их в Персию. Мне необходимо предупредить мужа.

Она огляделась в поисках шляпки, вспомнила, что оставила её в спальне, и только там она вспомнила о чемоданах, которые начала распаковывать. Тут же переменившись в лице, она, казалось, позабыла все свои тревоги и протянула руки Адил-бею, задержав его в своих ладонях.

- Вы не сердитесь на меня?

- Отчего же?

- Оттого, что я так скоро покидаю вас. Уверена, что мы станем добрыми, очень добрыми друзьями...

При этом её нервные пальцы всё ещё сжимали мужские ладони, но все более настойчиво.

- Вам хотелось бы этого?

Он ответил согласием, не желая иного, и в то же мгновение губы персиянки прижались к его губам.

- Тсс... Не надо меня провожать...

Опустив голову, он вошёл на кухню и услышал шипение яичницы на сковороде. Соня была уже в головном уборе, с сумочкой в руках.

- Всё необходимое вы найдёте в шкафу. Но в доме больше нет ни скатертей, ни полотенец, ни постельных принадлежностей.

- А раньше они были?

- Конечно же.

- Кому они принадлежали?

- Я не знаю. Вы можете купить их в Торгсине. Я иду обедать.

В котором часу я должна вернуться?

Можно подумать, он это знал!

- Когда вы обычно возвращаетесь?

- В три часа.

Он не смотрел прямо на неё, а поглядывал искоса.

- Вам сколько лет?

- Двадцать.

- Вы из местных?

- Из Москвы.

- И где вы так выучили турецкий?

Она ответила так же просто.

- До революции мой отец был привратником при посольстве Турции. Ваша яичница подгорит. Мне пора идти.

Этот обед ему напомнил о войне в отсутствие военной обстановки. Он сидел в одиночестве за неокрашенным столиком, ел яичницу прямо со сковороды, открыл себе консервную банку тунца и выпил бутылку пива.

Он не был голоден. Он ел, потому что надо было поесть, и так как взгляд его должен был во что-то упираться, он глядел в окно напротив, которое было закрыто. За ним скользила тень, а, может и две, за муслиновыми занавесками.

Улица была пустынна, было жарко. Адил-бею хотелось спать или чем-либо заняться, но без определённой цели; ему не хотелось даже убрать со стола. Он так и остался сидеть, положив локти на столик, охватив голову обеими руками.

III

Адил-бей и Соня, пробираясь через десятки людей, сидевший вдоль лестницы, прошли через комнаты настолько забитые людьми, что они напоминали ему единую аморфную массу. Они вошли в одну из дверей в конце коридора.

Вот уже в третий раз они приходили в департамент по делам иностранцев. Как и оба предыдущие раза, консул нёс чёрный кожаный портфель, который секретарша брала во время работы.

У Адил-бея появились уже свои привычки. Он пожал руку человеку, выбритому наголо, в косоворотке, который сидел за столом, заваленным бумагами. Затем он слегка поклонился женщине, занимавшей соседний письменный стол.

Было очень светло и жарко. На побеленных стенах висели еловые книжные полки. Соня, сидевшая у края стола, открыла стоящий перед ней портфель.

Атмосфера была простой и сердечной.

Адил-бей занял место у окна на плетеном стуле.

- Спросите у него вначале о новостях по делу армянина, которое я поручил ему в свой первый визит.

Начальник службы по работе с иностранцами не владел ни турецким, ни французским. Ему было около сорока, и его бритая голова и рубашка-толстовка придавали ему несколько аскетичный вид. Впечатление усиливалось благодаря тонкой улыбке и спокойному взгляду голубых глаз.

Когда Адил-бей говорил, он смотрел на него, одобрительно улыбаясь, хотя и не понимал ни слова.

Соня повторила фразу по-русски. Человек отпил глоток чая, полный стакан которого всегда был у него под рукой, затем произнёс какие-то четыре-пять слов.

- Они ожидают указаний из Москвы, - перевела Соня.

- Но ведь ещё две недели назад эти указания должны были

прийти телеграфом!

Соня, ни слова не говоря, всем своим видом показала, что ничем не может помочь и что остаётся только ждать.

- А как насчет дела женщины, у которой конфисковали всю мебель?

Пока не говорили по-русски, чиновник смотрел то на Адил-бея, то на дела, которые принесла секретарь. Лицо его выражало безграничное терпение и бесконечно добрую волю.

- Было бы лучше вначале сдать ему новые дела, - посоветовала Соня.

- Ну что же, спросите-ка его о том, за что арестовали того несчастного, что побывал в моём консульстве.

Адил-бей посмотрел при этом внимательней, чем обычно, словно мог понять, насколько точно переводилось все им сказанное.

- И что же он ответил?

- Что он об этом никогда и не слышал.

- Но другие ведь должны были знать об этом, пускай справится.

Адил-бей постепенно становился всё более раздражительным. В течение каждого утра, сидя в своём бюро напротив Сони, он приглядывался к своим посетителям, слушая причитания говоривших.

Все эти люди были из тех, кто копошился в пыли у пристани, где ловят рыбу. Он их видел на корабле в Одессе, сгрудившихся на палубе с узлом лохмотьев под головой, или же проводящих дни и ночи на перроне вокзала в ожидании места в поезде.

«Кулаки», - говорила о них Соня с холодным безразличием в голосе.

Но то были обычные крестьяне! Они приезжали издалека, иногда из самого Туркестана, только оттого, что им обещали хлеб и работу в Батуме. Несколько дней бродили они по улицам, пока какой-нибудь другой «кулак» не говорил, что им могут помочь в консульстве Турции.

- Ты подданный Турции?

- Я не знаю.

Многие из них до войны были турками, а затем без их ведома они стали гражданами России.

- Чего ты хочешь?

- Я не знаю. Нам не дают ни работы, ни хлеба.

- Ты хотел бы вернуться в Турцию?

- А там еда для нас будет?

Некоторые потеряли в дороге одного или двоих детей и просили консула навести о них справки. Или случалось и такое, что на вокзале чиновник забирал у них всё, что было, отправляя в тюрьму на несколько дней.

Они не понимали, за что им все это и даже не спрашивали. Однако с тихим упорством требовали возврата своих лохмотьев.

На тех, кто действительно был турецкой национальности, Адил-бей заводил дело, которое вместе с Соней он представлял в бюро для иностранцев. Его принял с обычной улыбкой знакомый чиновник в вышитой сорочке.

- Что он говорит?

Мужчина говорил степенно, не спеша, разглядывая свои руки с грязными ногтями.

Накануне муж и жена, оба крестьяне, вышли из консульства, но несколько мгновений спустя женщина вернулась одна, совсем обезумевшая. Она пыталась объяснить, что на углу улицы службисты в зелёных фуражках увели её мужа, а её саму избили, помешав ей пойти следом за ним.

- Он говорит, - отвечает заученно Соня, - что сделает всё возможное, чтобы дать вам ответ в ваше следующее посещение.

- Но у этой женщины нет и рубля! У её мужа осталось в кармане всё, что у них было!

- Каким образом они заработали эти деньги?

- Речь не идёт о крупной сумме, эта женщина осталась вообще без средств к существованию.

- Тогда пусть идёт работать!

- Её нигде не принимают, и она ночи проводит на пороге консульства.

Чиновник, сделав неопределённый жест руками, что-то сказал.

- И что он ответил?

Соня с безразличным видом перевела:

- Что это не входит в его обязанности, но он передаст сведения.

- Он может позвонить в ГПУ.

Аппарат стоял всё там же, на письменном столе.

- Телефон не работает.

Мужчина отпил глоток чая.

Адил-бей чуть было не вскочил, чтобы выйти. Солнце пекло ему в спину. Всё в канцелярии казалось застывшим какой-то неподвижностью, навязанной чужой волей, которая, казалось, давила на плечи.

И так продолжалось уже недели три. Он принёс уже, по крайней мере, пятьдесят досье, а результат был такой же, как если бы их сожгли. Их принимали с улыбкой, но несколько дней спустя ему отвечали:

- Мы ждём указаний из Москвы.

Кто-то вошёл в бюро и служащий, откинувшись на спинку стула, завязал долгий диалог. Соня терпения не теряла. Она всегда держалась ровно, здесь или в консульстве, всегда в чёрном платье, со своим неизменным беретиком на белокурых волосах, с обычным разумным видом.

За другим столиком служащая считала на счётах, время от времени прерываясь, чтобы тоже отпить глоток чая.

Посетитель вышел. Соня протягивала одно досье за другим, сопровождая каждое короткой фразой.

- Вы не забыли сказать, что все это срочно? - вздохнул Адил-бей без особой надежды в голосе.

- Я это уже сказала. Товарищ директор утверждает, что все будет сделано быстро.

- Он ещё не нашел мне домработницу? - У Адил-бея не было никого, чтобы помогать ему по дому. - И что он отвечает?

- Что он пока ищет.

- Но, в конце концов, я постоянно встречаю на улице людей, просящих подаяние!

- Всё дело в том, что они не хотят работать.

- А если сказать им, что я готов хорошо заплатить?
- Должно быть, это уже сказали.
- Но переведите всё же...

Она сделала это нехотя, и мужчина беспомощно пожал плечами.

- Трудно поверить, чтобы в городе с тридцатью тысячами жителей невозможно было найти кого-либо помочь мне по хозяйству!

- Ну, конечно же, найдут.

- Спросите также, почему патефон, который я заказал в Стамбуле, пришёл без пластинок.

Директор, должно быть, понял слово «патефон», так как он тут же что-то ответил.

- И что он сказал?

- Он сказал, что надо было отправить пластинки в Москву, потому что они были на испанском.

- Ну и что же с того?

- Никто в службах Батума не говорит на этом языке.

Адил-бей поднялся со стиснутыми зубами и сделал над собой усилие, чтобы протянуть руку своему собеседнику.

- Пойдёмте! - сказал он секретарше.

Надо было перешагивать через людей в коридорах, которые спали в ожидании своего приёма в одном из бюро. Это были груды неопределённых лохмотьев на полу, и не было слышно даже ворчания, когда одну из таких груд задевали ногами.

На улице они шли рядом, но Адил-бей позабыл у неё взять портфель. Был душный час. Невыносимая жара словно застряла между горами, и не чувствовалось никакого ветерка с Чёрного моря.

Перед итальянским консульством остановился автомобиль, принадлежавший консулу; он привлекал к себе тем большее внимание, что на весь город приходилось всего три авто. На втором этаже, в тени террасы сеньора Панделли в утреннем пеньюаре сама давала уроки своей дочери. Видны были белые тетради, чернильница и охлаждённый лимонад на тростниковом столике.

- Вы полагаете, что итальянцам удастся добиться большего,

чем мне? - недоверчиво спросил Адил-бей.

- На то нет особой причины.

И так было всегда: строго логичные ответы, не отвечающие ни на что!

На улицах было мало народу, не было лавок, не было той торговли и движения, которые делают город городом.

А ведь прежде эти улочки должны были кишеть людом, как в Стамбуле, Самсуне или Трапезунде, как и во всех восточных городах. Ещё видны были лавочки ремесленников, но они были пусты, с закрытыми ставнями или разбитыми окнами. Можно было прочесть на полуистёртых табличках надписи не только на русском, но и на армянском, турецком, грузинском, иврите.

Куда подевались все эти вертела с бараниной, переворачиваемые с шипением у входа в рестораны? Где наковальни с кузнецами, лавки денежных менял? И где все эти люди в пёстрых одеждах, останавливающие прохожих, чтобы предложить им свой товар?

Под солнцем скользили одни только тени, медленные и безропотные, или же угадывались некие очертания, распостёртые у дверей.

Батум теперь был всего-навсего портом с несколькими иностранными судами, расположившимися вокруг нефтепровода, который где-то там, у горы, подавал нефть из Баку через Кавказ. А также статуей Ленина, которая, хотя и была выполнена в натуральную величину, представляла его совсем небольшим человечком. Батум — это был еще и большой Клуб профсоюзов.

Соня шла молчаливо, не глядя по сторонам. Она не выказала нетерпения, когда Адил-бей остановился возле пожилой женщины, которая, сидя на тротуаре, рылась в мусорном ведре и ела что-то, найденное в нём. У неё были отёкшие ноги и белые опухшие щёки.

- Её что, никто не кормит?! - спросил консул в раздражении на свою секретаршу.

- Все, кто работают, имеют средства на пропитание.

- В таком случае как вы объясните то, что...

- Впрочем, для всех имеется работа, - продолжила она невозмутимо.

- А если она неспособна трудиться?

- Для таких людей есть специальные приюты.

Она говорила заученные фразы спокойным тоном. И так было всегда. Стоило Адил-бею задать вопрос, как на него уже был готов ответ, но эти ответы были столь пусты и бессодержательны, что у него складывалось странное впечатление беспредметной нереальности.

- Что вам хотелось бы на обед, Адил-бей?

Они почти дошли до консульства. За неимением прислуги Соня ежедневно привычно покупала для консула еду.

- Да всё, что угодно. Скажите также доктору, чтобы он зашёл ко мне.

- Вы больны?

Он решил ответить на её манер:

- Если я вызываю доктора, то это, вероятно, оттого, что я не вполне здоров.

И он ступил под арку подъезда. Возможно, что он и не был болен, но вполне здоровым он себя не чувствовал. Действительно, ему достаточно было только приоткрыть дверь своей квартиры, чтобы сразу испытать отвращение. Прихожая и канцелярия дурно пахли. Дважды рано утром он сам принимался за мытьё паркета, но как только он хотел наполнить ведро водой из-под общего крана на лестничной площадке, как тут же мешали жильцы, что-то говоря ему по-русски.

И потом, у крана всегда стояли люди. Квартиросъёмщики мылись не у себя дома, а в коридоре, и было их невероятное множество. В некоторых комнатах жило до десяти человек.

Адил-бей вошёл в свою комнату и по привычке посмотрел на дом напротив. Окно было открыто. Колин, который только что вернулся, бросил свою зелёную фуражку на постель и ел, сидя напротив своей жены. На столе лежали ломти чёрного хлеба, яблоки, чай и сахар.

- Лишь бы это был тот же самый доктор! - пожелал себе вслух Адил-бей.

Он хотел видеть врача, лечившего его предшественника. У него совсем пропал аппетит. От консервов, которые он поглощал в

одиначку на кухне, пекло в желудке. С другой стороны, когда Соня ему готовила, она никогда не мыла тарелки и чашки, а тем более, не приводила в порядок спальню.

Она уже возвращалась со свёртками в руках. Наверное, она уже видела своего брата и невестку, «обедавших» чаем с чёрным хлебом и тремя яблоками. Она открыла коробку с лангустами, положила на одну тарелку копченых селёдок и сыр - на другую.

Чувствовала ли она при этом что-нибудь? Не завидовала ли она Адил-бею, который сейчас одиноко сидел перед всеми этими съестными припасами? Он даже не был голоден и смотрел только, как она сновала взад и вперед. Он уже спрашивал себя, не открывала ли она буфет в его отсутствие. Впрочем, ему было всё равно. И всё же, скорее всего, она оставляла съестное портиться. Продукты гнили, а затем выбрасывались и некоторые пожилые женщины ели такое из урн.

- Доктор придёт?

- Он будет через несколько минут.

Что думала она о нём? Иногда он перехватывал на себе её взгляд, но это был такой же безразличный взгляд, каким она смотрела на предметы.

- Можете идти обедать.

Он знал, что вскоре увидит, как она входит в комнату по ту сторону улицы, снимает беретку, садится спиной к окну. Это было её постоянное место.

Говорила ли она когда-нибудь о нём? Передавала ли то, что он говорил, делал? Во всяком случае, не видно было, чтобы те двое вели увлекательную беседу. Они ели медленно, глоток за глотком. Колин клал сахар в рот, прежде чем запить его обжигающим чаем. Затем он облокачивался на окно в течение четверти часа, и рукава его рубашки выделялись ярким пятном на солнце, которое к часу достигало квартала.

Знал ли он какие-нибудь развлечения? Иногда вечером он выходил из дому с женой, на которой было неизменное желтое платье, как и у Сони всегда только чёрное. Но с полуночи они молча сидели у окна, дыша свежим воздухом. Чтобы раздеться,

они не зажигали лампу. Может быть, из-за девушки, которая уже легла спать? Сама она ложилась рано и тоже в полной темноте. По утрам, когда окна открывались, она была уже наготове, с беретом на голове; постель её была уже прибрана. Одна только невестка ходила по комнате в неглиже и даже иногда часть утра снова проводила в постели, читая книжку.

- Войдите!

Это был врач. Он положил свой чемоданчик и кепку на стол, повернулся к Адил-бею с вопрошающим видом.

- Вы говорите по-французски?

- Немного.

- Я плохо себя чувствую. У меня тошнота, потеря аппетита, бессонница.

Он говорил это сердито, словно считая врача ответственным за все это.

- Разденьтесь.

Всё происходило нескладно с самого начала. Адил-бей надеялся побеседовать с врачом, успокоиться, навести справки, но они уже говорили, словно противники, безо всякого на то основания.

Желая оставаться невидимым, он отошёл в тёмную глубину комнаты и там снял с себя пиджак.

- Рубашку снимите тоже.

Доктор с безразличием осмотрел его незагорелое тело, уже немного расплывший торс, покатые плечи.

- Вы чем-нибудь когда-нибудь болели?

- Ничем, никогда.

- Дышите... Кашляните... Дышите...

Адил-бей по-прежнему видел Сонину спину, профиль ее брата, густые черные волосы грузинки.

- Садитесь.

Это нужно было, для проверки коленных рефлексов. Потом доктор измерил артериальное давление, и Адил-бей чувствовал, как его рука напряглась под манжеткой.

- Отчего умер мой коллега? - спросил он по возможности более естественным тоном.

- Я уже не помню. Надо справиться в моих больничных карточках.

И доктор смотрел на него, безмолвно вопрошая, что ещё надо осмотреть.

- Ложитесь.

Он осмотрел селезенку, печень, потом уложил инструменты в баульчик.

- Ну и как?

- У вас с нервами не в порядке и общий упадок сил. Принимайте немного препарата брома перед сном.

- Где я смогу его найти?

- Лучше всего выписать его из Москвы. Тяжелую пищу исключить.

- Что со мной не так?

- И ничего особенного, и всего понемногу...

Он уходил, полный безразличия к Адил-бею, который шел следом за ним голый по поясу, с подтяжками, свисающими по бокам.

- Вы полагаете, что это серьезно?

- Невозможно ничего сказать наперед. Что же касается брома, то поскольку вы иностранец, будет лучше заказать его кораблем: у нас плохо обстоят дела с медикаментами.

Адил-бей хотел было спросить, как у него с сердцем, но было поздно. Доктор уже стоял на лестничной площадке. Раздался телефонный звонок, и консулу показалось, что на той стороне улицы спина Сони дрогнула.

- Алло! Да, это я!

Это была госпожа Амар, звонившая почти ежедневно. Но Адил-бей встретил её всего однажды на пляже, когда она направлялась к женской купальне.

До приезда в Россию он слышал, что там купаются голышом и представлял себе толчею загорелых тел под солнцем в ослепительно-серебристом сиянии волн.

Однако на обширном галечном пляже виднелось два участка, обнесённых оградой из колючей проволоки, напоминавших концентрационный лагерь. За вход платили двадцать пять копеек: мужчины - в один лагерь, женщины - в другой.

- Я застала вас за подглядыванием, - сказала она своим вибрирующим голосом.

Он, действительно, обходил незадолго до этого колючие заграждения в её поисках, стараясь при этом придать себе довольно-озабоченный вид.

А теперь она жеманничала по телефону:

- Угадajte, какая у меня для вас хорошая новость?

- Не знаю.

- И все же угадajte!

- Мое правительство отзывает меня в Анкару?

- Какой же вы злюка! Амар этим утром уехал в Тегеран и вернётся не ранее, чем через десять дней.

- Ну и что?

- И это вся реакция на новость?

- Я этого, действительно, не знал.

Он все еще стоял раздетым по пояс.

- Раз так, не приеду к вам на чай, как намеревалась

- Что вы, напротив, буду рад...

- Вы полагаете? А я в этом не вполне уверена. К тому же я рискую встретить там вашего ангела-хранителя!

- Обещаю вам...

- Вы обещаете ее отстранить? В таком случае, возможно!

В трубке послышался неприятный звук, похожий на поцелуй. Колин стоял у окна напротив, и дымок от его сигареты тянулся вверх в неподвижном воздухе.

Когда к одиннадцати вечера шеф морского ГПУ вернулся из клуба, открыл свое окно, то окно консульства тоже было распахнуто, и в нем виднелся светлый силуэт, облокотившийся о подоконник.

Колин погрузился на мгновение в темноту комнаты, чтобы снять обувь, надеть домашние тапочки и взять пачку сигарет из пиджака.

Адил-бей сидел неподвижно напротив. Он находился в тени и сквозь тонкую ткань сорочки ощущал исходящий от камня холод.

На всей улице не было видно прохожих. Даже за несколько кварталов слышались отдаленные шаги. Ветер с северо-запада доносил музыку из бара для иностранных моряков

на набережной. Колин закурил сигарету и Адил-бей смотрел на огонёк ее танцующего пламени. Немного позже рядом с мужем облокотилась грузинка, и несколько мгновений между ними продолжался едва различимый диалог.

- Спала ли уже Соня в своей железной кровати, стоявшей у правой стены? - подумал Адил-бей.

Нежный пряный воздух доносил аромат тропических растений. Женщина прильнула к Колину и он чувствовал ее нежное горячее тело, только что выскользнувшее из постели, где она его ожидала.

Адил-бей обернулся, услышав позади себя какой-то шорох. Это Нежла Амар, со вздохом отодвинув одеяло, переменяла позу.

Воздух комнаты настолько был пропитан ее духами, что Адил-бею иногда казалось, что их аромат достигал жилища людей напротив. Это был довольно резкий парфюм, к которому приходилось прибегать персиянке, так как тело ее отдавало лесной дичью.

- Ложись же! - вздохнула она в полузабытьи.

Было ли им все слышно? Ведь они находились близко, _ улица была неширокой; рука Колина обнимала талию жены.

Адил-бею не хотелось ни спать, ни даже лежать рядом с жарким телом Нежлы. Он даже не думал о ней, спрашивая себя, спала ли Соня за спиной этой пары напротив, оставалось ли во сне её лицо таким же невозмутимо-спокойным? Догадалась ли она об истинной причине, _ зачем пополудни Адил-бей попросил её пойти прогуляться? Немного погодя, она вышла с купальным халатом в руке, но на углу улицы ей встретилась шедшая к нему госпожа Амар.

- Ну иди же, Адил!

- Тсс!..

Ему не хотелось закрывать окно, так как было душно. С тех пор, как ему измерили давление, он чувствовал, как кровь гудела в венах, и его пугало постоянство этого ощущения.

Он давно не ел, чувствуя себя больным. Он сразу же сообщил это Нежле, и минут пять она разыгрывала уход за больным.

Если бы только она согласилась вернуться домой! Разве не способна её служанка рассказать всё мужу по его возвращении?

- Он у тебя ревнив?
- Как тигр! - ответила она, смеясь.

Она всегда смеялась каким-то нервным смехом, словно нехотя, так что было непонятно, была ли это весёлость, нервное возбуждение, или же просто вызов.

Почему она осталась? Даже зачем она вообще пришла? Дважды она повернула выключатель, чтобы включить свет и Адил-бею пришлось, чтобы его погасить, чуть ли не сразиться с ней, да так, что он мог вывернуть ей запястье!

- Ты боишься эту маленькую шпионку! - посмеивалась она.
- И за что только я люблю тебя, грязное животное?!

Адил-бей, питавший отвращение к табаку, ощущал сильную потребность закурить, следя за красным огоньком сигареты напротив. И это, видимо оттого, что она была символом желанного покоя. Похоже, что надвигалась гроза и, скорее всего, грянет до исхода ночи. Её неотвратимость придавала прелесть этим задумчивым мечтаниям у окна.

Адил-бей больше не слышал ровного дыхания Нежлы. Он вообще больше не думал, и это было желанным состоянием: он как бы весь растворился в ночи. Взгляд его блуждал без определённой цели.

Но вот что-то обвило его шею, коснулось его с ног до головы.

Он вздрогнул, зажмурился раза три-четыре, прежде чем обрести самообладание. Это была персиянка, которая прильнула к нему, как те двое напротив и прошептала, не выпуская сигарету из губ:

- Дай огонька.

У него не было спичек. Он даже не знал, хотелось ли ему дать ей закурить. Колины не шелохнулись. Их глаз не было видно, но они, должно быть, смотрели прямо перед собой и, возможно, различали более чем наполовину обнажённую грудь Нежлы! Правда, кожа её была темна, словно лесной орех!

Тело же было настолько плотным, что грудь не меняла своих очертаний, опираясь на оконную раму.

- Дай мне огонька!

Он пошел за спичками, которые лежали на столе. Заплясал

огонёк пламени, как и на той стороне улицы. Они облокотились о подоконник, как и та, другая пара.

Время шло. Музыка в баре затихла, в городе не стало слышно шума шагов.

Они стояли так с час, пока крупные капли дождя не начали падать на землю, пересекая пространство и расплющиваясь о землю. Только тогда Колины отошли, и окно захлопнулось. Дождевая капля шлепнулась на руку Нежлы, сказавшей со вздохом:

- Тебя не забавляет мысль, что все они из ГПУ?

Теперь было видно только темнеющее окно, на котором бледной филигранью вырисовывались занавески.

IV

Когда он впервые заметил Соню, следуя за беспечной толпой, она шла под руку с двумя подругами; одна из них была в белом платье, другая - в светло-голубом. Обе они были без чулок с распущенными волосами и Соня, наверное, предупредила их, сжав пальцы, так как уже метров за десять они глядели на него не смеясь, как это обычно делали другие, а с серьёзным любопытством.

Адил-бей прошёл мимо, не посмеяв обернуться. К закату дождь прекратился и солнце раззолотило лужи с красновато-коричневым переливом. Люди вышли из домов, чтобы пройтись в оба конца вдоль набережной, как и каждый вечер, так что через несколько минут снова встречались те же самые лица. Молодой человек на велосипеде тоже был там, лавируя между группами с девушкой, сидящей на его раме.

Увидев издали Соню и её подруг, Адил-бей размышлял, говорили ли они о нем между собой. Он еще не дошёл до них, как к девушкам подошел какой-то парень и пожал им руки.

Все четверо образовали некий островок в обтекающей их толпе. Адил-бей не мог остановиться и прошёл дальше. Издали он отме-

тил про себя, что островок находился все там же.

Парень чему-то смеялся, но, похоже было, что общался он скорее с Соней, чем с её спутницами.

Ещё накануне Адил-бея это нисколько бы не затронуло, но утром произошло нечто, оставившее в его душе след.

Часам к восьми Нежла Амар открыв глаза, уставилась в окно, по которому струился дождь и выдохнула:

- Свари мне кофе.

Адил-бей готовил его, нетерпеливо следя за стрелками часов, в надежде на её скорый уход.

Однако всё было напрасно! В девять пришла Соня, но персиянка все ещё возлежала, расположенная к долгому сну. Секретарша принесла, как обычно, что-то из еды и хотела его оставить на кухне.

Адил-бею пришлось, отведя взгляд, пойти ей наперерез.

- Давайте-ка, я сам отнесу.

Все утро прошло в ощущении неловкости. Слушая посетителей, он настороженно ловил звуки, доносящиеся из своей комнаты, заходя туда под всевозможным предлогами.

- У тебя есть что-нибудь почитать?

Нежла, ленивая и разгорячённая, всё ещё была в постели. Об её уходе и речи не могло идти. В канцелярии какой-то странный человек, весь грязный и заросший, покрытый шрамами, терпеливо излагал свою историю, которую Соне приходилось внимательно выслушивать.

Это был турок, родившийся в Скутари. Будучи во время войны русским пленным, он был увезен в Сибирь и там вместе с другими крестьянами работал в степи, женился. У него была дочь семнадцати лет и вдруг, спустя долгое время, он тронулся в путь без денег и документов. Стоя напротив Адил-бея, он с упорством повторял:

— Я хочу вернуться к себе домой, увидеть мою первую жену и моих детей.

Он не отступал от своего и сердился, когда ему говорили, что это будет долго, почти невозможно. Соне едва удалось нетерпеливо выпроводить его за дверь.

Ливень продолжался. Это была типичная для Батуми череда тропических ливней, целыми столешницами воды обрушивающихся на город, делающих улицы непроходимыми.

- Вам пора уходить, - сказал всё же Адил-бей Нежле.

Это была какая-то навязчивая идея. Ему становилось тоскливо при одной только мысли, что она все еще в его постели.

- Послушайте! Я отошлю свою секретаршу в город, а в это время...

Был уже полдень, когда он сказал Соне:

- Отнесите на почту это письмо.

Она посмотрела на него и поднялась, не сказав ни слова, надела свою беретку, положив письмо в сумочку. Когда она вернулась четверть часа спустя, Адил-бей выходил из спальни и увидел ее, насквозь промокшую, в платье, прилипшем к телу, словно перья птицы, гладкими волосами.

Она снова беззлобно посмотрела на него. В тот момент, когда он напряженно думал, что бы ей сказать, дверь открылась и показалась растрепанная госпожа Амар:

- Адил, а где у тебя расческа?

Ну разве это не была умышленная провокация? А Соня даже не улыбнулась! Она села на свое место и продолжила работу.

Вот так всё происходило. А теперь, после прогулки у памятника Ленина, стоящего на глобусе постамента, Адил-бей искал взглядом знакомую группку. Но на прежнем месте их уже не было. Зато поодаль он увидел обеих Сониных подруг в сопровождении молодых людей.

Солнце гасло в лужицах и огромной луже моря. Заиграл джаз-оркестр в баре для иностранцев, куда Адил-бей еще не заходил.

- Там интересно? - спросил он у своей секретарши, состроившей в ответ презрительную гримаску.

Проходя вот уже в третий раз по набережной, он её не увидел. Случайно повернув голову в сторону большого здания Клуба Профсоюзов, он увидел её сидящей на окне второго этажа с каким-то молодым человеком.

Они оба возвышались над толпой и бухтой. Это было заметно по ясным глазам Сони, неопределенный взгляд которых мерил пространство. Мужчина говорил с ней, немного наклоняясь вперед и видно было, что она слушала его не глядя, возможно, даже вообще не вникая в его речи, зато её лицо дышало счастьем.

Сухогрузы на рейде покачивали длинными красными полосами ватерлиний. Прошлой ночью прибыл греческий парусник и три его мачты выделялись на фоне зелёных гор.

Толпа двигалась двумя шеренгами, с мерным шумом неторопливых шагов. Адил-бей смотрел на людей искоса, бегло, - так, как будто они внушали ему страх.

Остальная часть города казалась пустынной. Проходя, можно было заметить начала грязных и тёмных улиц, подобных канавам. Воздух со стороны нефтезавода отдавал бензином. Эти молодые люди, девушки, эти бритые головы, косоворотки, всё это относилось к миру нефти. Рабочие, которые дискутировали в зале первого этажа, провожали взглядом указку, которой оратор водил по синей и красной диаграммам: то были диаграммы по переработке нефти!

Чтобы купить такой велосипед, высокий парень, проезжавший с девушкой, наверное, должен был быть одним из лучших специалистов в своём деле.

Адил-бей уже пробовал питаться в их рабочей столовой, куда Соня отправила его как-то с запиской. Там все было выбелено известью, как в канцеляриях. Столы не были окрашены. Ели руками, положив локти на стол, не говоря ни слова, словно выполняя работу. Обычно ели суп, немного рубленого мяса с гарниром из крупы и ломтик чёрного хлеба. Одна девушка пересчитывала налету передаваемые тарелки. Другая насаживала на железный стержень зелёные талоны, которые проходя, вручали ей парни. Были, должно быть, и другие люди на кухне.

Адил-бей понимал в этом не более, чем во всех их прогулках. Ему становилось легче на душе, когда он замечал людей, играющих перед домом в нарды, или старика, курящего свой кальян.

Но стариков не было видно в этой толпе, скорее они напоминали посетителей консульства. Если они и находились в толпе, то не имели с ней никакого контакта, проходя, словно грязные призраки, которых, казалось, и вовсе не замечают. А если они лежали на земле, то их обходили, словно предметы.

Два или три раза он снова прошагал по всей длине набережной. Была глубокая ночь. Большинство окон в Доме Профсоюзов было освещено. Кто-то играл гаммы на саксофоне.

Соня не двинулась с места, она по-прежнему сидела в тени, а молодой человек тихо ей что-то говорил.

* * *

Адил-бей теперь знал, что во всем городе, во всех домах жило по две семьи в одной комнате, не считая «кулаков» и их детей, ночевавших на улице. По утрам у дверей кооперативов стояла очередь до тех пор, пока табличка не извещала, что кончились картофель, мука или крупа.

А тут вдруг перед ним воссияла огнями рекламная вывеска «Бар» высотой в несколько метров. При входе лакей в ливрее устремлялся навстречу принять шляпы, а через приоткрытую драпировку занавесей угадывались танцующие пары.

Адил-бей сел за первый попавшийся столик и огляделся. Во время танго все лампы были погашены и свет исходил только из огромного ящика, начиненного электрическими лампочками. Они образовывали гигантскую рыжеватую луну, мимо которой в танце проплывали пары. Адил-бей слышал это танго в Вене и Стамбуле, в затемнённом зале, с теми же силуэтами музыкантов, выхваченных из тени. В Стамбуле тоже были иностранные моряки, как и женщины в шёлковых платьях плохого кроя, те же смех, шёпот, запах спиртного и духов, те же гарсоны в белых кителях официантов, переходящие от столика к столику.

- Что желаете? - обратился к нему по-французски официант.

Ему протянули карту вин, открытую на страничке «шампан-

ское». Вдруг с соседнего столика ему стали подавать знаки. То был самый шумный столик. Полдюжины людей собрались вокруг бутылок с шампанским и виски. Какой-то мужчина в белом костюме с расстегнутым воротом рубахи бурно жестикулировал, не вставая со стула, который, казалось, вот-вот под ним перевернётся.

- Идите к нам, дружище!

Адил-бей в нерешительности поднялся. Навстречу ему протянулась огромная лапа, сжавшая его руку.

- Джон, из Стандарта. А вы наш новый консул? Мне говорили о вас у Панделли. Гарсон, еще бокал!

И, указывая на офицеров, сидящих с ним за одним столиком:

- Мои товарищи! Здесь все товарищи. Виски? Шампанское?

Он был пьян. Он им был всегда, неизменно в белом, с расстегнутым воротом на мощной шее. С тем же постоянством он водил свой автомобиль на полной скорости по улицам, резко тормозя на поворотах, внезапно останавливаясь перед ребёнком или пожилой женщиной, чуть не угодившими под колеса.

- Ну и как вам эта каналья Нежла? - спросил он, опрокинув стакан.

Его взгляд сквозь хмель изучал Адил-бея. Грубые черты его лица казались мягкими, безвольными, были заметны мешки под глазами. Большую часть времени его влажные блестящие зрачки ни на чём не останавливались, но как только они фиксировали какой-то объект, рот его решительно сжимался и в нём начинало сквозить высокомерие.

- Ну что, усёк? - спросил он.

Он пожал плечами, увидев замешательство собеседника в поисках ответа.

- Глупец!

- Что?

Ан нет! Джон даже не оставил ему времени оскорбиться. И

«глупец» он сказал не так, как это говорят обычно.

- И вы полагаете, что все мы через это не прошли?! Бармен, ещё одну бутылку в лёд.

Танцующие пары все ещё плыли в сиянии электролампочек.

- По крайней мере, вы ничего не сказали ей компрометирующего вас?

- Я вас не понимаю.

Ушедший фламандец уже вернулся с женщиной, усадив её рядом. Не имея возможности с ней говорить, он довольствовался тем, что весь остаток вечера, улыбаясь, смотрел на неё, лаская ей предплечье.

- Вы здесь давно? - спросил Адил-бей американца.

- Уже четыре года.

- И вам здесь нравится?

Джон рассмеялся, скорее, выдохнул излишек воздуха из легких одновременно с частичкой табака, бывшего у него на губах. Ему было не до манер, да он и не старался казаться вежливым или любезным.

- Ваше здоровье! Пока мы от него не лопнули по швам!

Он пил виски пивными кружками, не отдавая отчёта в степени своего опьянения. За его столиком шла бессвязная беседа. Офицеры время от времени разговаривали между собой. Кто-то поднимался, чтобы потанцевать. Взгляд Джона зависал на консуле, то неопределенный, то пронзительный.

- Что, уже хандра?

- Нет. Скорее, немного сбит с толку.

- Если однажды у вас будут неприятности, приходите ко мне. Знаете, где это? На краю города, у нефтепровода.

- Можно задать вам несколько вопросов? Вы только что говорили о госпоже Амар. Вы полагаете, она из ГПУ?

На этот раз Джон выглядел устало.

- Хотите, дам добрый совет? Никогда не говорите о таких вещах с кем бы то ни было. Представьте себе, гарсон, что нас обслуживает - из них. Все женщины, какие здесь, - тоже. И портье! И все слуги!

Он не понижал голоса. Музыканты, находившиеся позади него, невозмутимо за всем наблюдали.

- Не задавайте вообще никаких вопросов, понимаете? Если ваши послышки приходят с половиной содержимого, молчите! Если ночью на вас нападают на улице, чтобы отобрать у вас бумажник, спокойно возвращайтесь к себе домой! Если кто-то умер в вашей конторе, ждите, когда его заберут. И уясните себе, что когда не работает ваш телефон, то это потому, что он работать не должен.

- Служащего, заменявшего меня до моего приезда, арестовали по прибытии в Тифлис.

- Какое это имеет для вас значение?

- Что касается предыдущего консула, то мне сказали...

Джон прервал его, вложив ему в руку стакан.

- Пейте! Дайте пройти часам, затем дням, неделям, месяцам.

Возможно, ваше правительство однажды вспомнит о вас и пришлёт вам замену.

Всё это говорилось с видом озлобленного шута.

- Не следует сюда часто ходить и как можно меньше говорите с иностранными офицерами.

- Но вы-то сами?

- Я-то, старик, из дома Стандартов.

По сути, произнося эти слова, он выказывал ту же гордость, что и Панделли, говоря об Италии.

- Гарсон, ещё бутылку! Затем Джон обратился по-английски к капитану корабля, дремавшему рядом с ним.

Адил-бей выпил три больших стакана спиртного. Предметы приобрели расплывчатые очертания. Он с досадой смотрел на американца, который потерял к нему интерес, а ведь ему так хотелось откровенно выговориться ему.

Ещё не зная в точности, что он ему скажет, он завёл речь о своей секретарше, которую Джон, возможно, знал. Он был вне себя от ярости, спрашивая себя, сидит ли она по-прежнему на подоконнике Дома Профсоюзов. Теперь ему стала понятна её гримаска при разговоре о баре. Там неловко танцевали

накрашенные женщины с грубоватыми чертами лица рабочих или крестьянок. Смех их звучал деланно, движения выглядели неестественными.

Парочки постепенно исчезали.

Одна из них затеяла шумную возню за занавеской, скрывавшей укромный уголок от посторонних глаз.

- Вы часто сюда прибываете? - спросил Адил-бей бельгийского капитана, оказавшегося по соседству.

- Один рейс сюда, один рейс в Техас.

- За нефтью?

- За ней.

- В Америке, наверное, повеселее?

- Одинаково, скорее, менее весело. Нефтепровод от города да леко и загрузка заканчивается к шести вечера. Еле успеваешь пойти в кино.

- Вы заходите в порты?

- Никогда.

Сидящий напротив главный механик пытался рассказать своей женщине какую-то историю с помощью немецкого пополам с английским, но в основном обходился жестами. Та доверчиво смеялась, он хохотал всё громче.

Какой-то совсем юный офицер танцевал с довольно красивой женщиной в зелёном, на голову выше него. Офицер вздрогнул, когда Джон остановил его в танце, ухватив за полу кителя.

- Только не эту! - сказал он ему уже по-итальянски.

- Почему?

- Я сказал тебе - эту не снимать!

И Джон глянул в сторону, в то время как Адил-бей неуверенно пробормотал:

- Позвольте я всех угощу?

- Иди-ка лучше проспись! И помни, что я тебе сказал: я живу

около нефтепровода. Вечер добрый!

Адил-бей чувствовал себя таким далёким от Дома Профсоюзов, набережной, людей, описывающих круги у статуи Ленина.

Ему не хотелось выходить из этого круга мягкого света, музыки, особенно этого шумка, состоящего из разговоров на трёх-четырёх языках под привычный аккомпанемент столовых приборов.

И всё же даже в этой атмосфере, скопированной со всех кабаков мира, его преследовало постоянное недомогание. Он приглядывался к людям, иностранным офицерам или официантам, к самому Джону и музыкантам. Ибо у него появилась манера смотреть украдкой на себе подобных, которая смущала его самого.

Была ли в этом только его вина?

На улице стояло несколько женщин. На мгновение он в нерешительности задержался на пороге. Тепло кабачка, его музыка всё ещё жили в его памяти. Он рассеянно глядел на черную набережную, отблески на гладкой воде, лодки, словно прилипшие к водной глади.

Вдруг красноватая вспышка пересекла пространство. Какой-то момент он даже не понял, что произошло. Кто-то бежал. Послышался короткий хлопок, и женщины сделали несколько шагов вперед.

Далее они не сдвинулись. Он осознал смысл происшедшего, участником которого он только что был, но все произошло в одно мгновение, так что не имело ни прошлого, ни настоящего.

Бежал какой-то человек. Другой в зелёной фуражке стрелял в его направлении. Первый, согнувшись, пробежал еще несколько шагов, упав на землю с глухим шумом.

Шаги стрелявшего всё ещё раздавались в тишине. Одна из женщин жестом остановила Адил-бея.

Все это происходило буквально в метрах пятидесяти от него. Агент ГПУ наклонился над распростертой фигурой. Откуда-то подошли два темных силуэта и безмолвно, без лишних движений, подняли раненого или убитого с безвольно болтающимися ногами и потащили его под руки.

- Что произошло?

Женщины его не поняли: он неосознанно заговорил по-турецки. Потом они снова заулыбались.

Только двинувшись по привычному маршруту, он понял по дрожи в коленках, насколько был пьян. Находившийся несколько поодаль Дом Профсоюзов был закрыт. Вне светлого круга бара улицы были пустынными и темными. Он шлёпал по грязным лужам, дважды вздрогнув, когда у стен ему померещились силуэты.

Он почти пробежал последние десять метров, отделявшие его от дома; рука его дрожала, ища ключом замочную скважину.

Свет давно уже отключили. Только кабачок, должно быть, оставался подключенным к сети или же сам обеспечивал себе электроэнергию. Он как бы не имел ничего общего с жизнью города. В него входили и выходили разные люди, но все они были моряками, прибывшими утром или накануне. Они уходили на другой день в море и их тяжелые шаги терялись в направлении судов.

- Все эти женщины из ГПУ, - по словам Джона, - как те, что внутри, так и те, что на улице! Находившиеся в помещении были одеты получше. Куда уходили все парочки? Не их ли дважды зацепил Адил-бей, проходя слишком близко к стенам?

Становилось жарче из-за испарений, поднимавшихся от земли после дождя. Адил-бей открыл окна своей комнаты, снял пиджак и ощутил мучительное чувство пустоты.

Была пуста не только его комната, но и весь город, в котором жил только бар, - крохотная точка тепла и света.

Неужели все спали? Разве не было среди стольких людей, только что бродивших по набережной, пар, шептавшихся в ночи, мужчин, читающих перед сном или женщин, ухаживающих за больным ребенком при свете лампы, да всё равно кого. Где был замечен хотя бы какой-нибудь признак жизни, биение пульса города?

Запах Нежлы, остававшийся в комнате, напомнил ему слова Джона, в первый же вечер у итальянцев. Почему-то ему особенно запомнились маленькие усики и лакированные туфли Амара, облокотившегося о камин, в таинственном разговоре с Фирке до его проводов на вокзал.

Впервые ночью оба окна напротив были распахнуты. Сияла

луна и глаза привыкли к её матовому сиянию, рельефно выделявшему светлые пятна.

Адил-бею видна была подушка и на ней чёрная волна рассыпавшихся волос жены Колина. На коврике лежало светлое бельё.

Достаточно было немного повернуть голову и чуть податься вперёд, чтобы увидеть железную кровать Сони. Это был совсем белый прямоугольник, без единого темного пятна от вмятины: её постель не была разобрана, а это значит, что Соня вечером не возвращалась. Жена Колина ворочалась в своей постели так близко, что Адил-бею был слышен даже жалобный стон кроватных пружин.

Значит, ещё кто-то не спал в необъятном сумраке города, в некой точке горизонта, в одной из многочисленных кирпичных клеток всех этих домов. И этот кто-то был Соней с её лицом, серьезным и бледным!

V

Непонятно, почему, в конце концов, у него отключена вода, ведь у него теперь был свой персональный кран на кухне. Этот кран проработав несколько дней, постепенно иссяк.

- Возможно, временно понизился напор из-за починки водопровода, - сказала вначале Соня, добавив, - придётся немного потерпеть.

Затем она сменила объяснение:

- Должно быть, трубы в неисправности, я вызову водопроводчика.

Разумеется, водопроводчик не пришел. По её словам, он вот-вот должен был прийти, но похоже, что он уже никогда не появится!

- Он не понял адреса, - предположила затем Соня. Был еще вариант: сегодня выходной, он будет завтра.

Тем временем, проснувшись, Адил-бей натягивал брюки и брался за кувшин. На лестничной площадке у крана редко бывало менее шести человек. Ожидание было особенно долгим, если женщины мыли голову. Он стоял неподвижно за всеми остальными в очереди. Ему ничего не говорили, на него даже не смотрели. Впрочем, он знал, что именно эти люди, входящие в комитет домоуправления, ему и отключили воду!

Когда он возвращался с полным кувшином, перед дверью консульства было уже многолюдно: волосы его были в беспорядке, на ногах - старые стоптанные башмаки. Но какое теперь это имело значение?

По утрам он уже не заваривал себе чай: это было бы слишком долго. Он проделывал шилом два отверстия в банке с концентрированным молоком и выпивал его, какое есть.

На нём была последняя чистая сорочка, которую он стирал ещё в Турции. Остальные были грязными и он не знал, согласится ли кто-нибудь ему их выстирать. Окна напротив были захлопнуты. Солнце казалось тусклым из-за лёгкого тумана, предвещавшего душный день, возможно и грозу, какие бывают тут через два дня на третий.

Адил-бей вылил себе на голову одеколон, причесался и натянул пиджак, прежде чем войти в канцелярию, откуда уже доносился шум.

И так начинался каждый новый день, следующий за другими и предшествующий точно таким же, вне всякого сомнения! Соня сидела на своем обычном месте, спокойная, с гладко причесанными волосами, живым выражением лица, произнесла свое привычное:

- Здравствуйте, Адил-бей!

Солнце достигло уже угла канцелярии и скоро оно заиграет на бумагах, пока не перейдёт к левому окну.

- Скажите, что можно войти!

У него уже заранее болела голова. Комната была заполнена таким вшивым, ограниченным и диким человеком, что он спрашивал себя, откуда их столько ежедневно набирается. По сию пору Адил-бей ошибался, пытаясь определить, какого они роду-племени, а некоторые из них говорили на таком наречии, которого никто не разумел, так что после тщетных попыток объясниться, они уходили в полном унынии и растерянности.

Все они спускались с гор, со стороны Армении и Персии или же, Бог весть зачем, трогались в путь от пределов Туркестана и даже из Сибири.

Все они рассказывали свои бесконечные, обезоруживающе запутанные истории!

- Чего же ты хочешь, наконец? - не выдержал как-то Адил-бей.

- Хочу, чтобы мне купили нового осла.

При этом осел был единственным, о чем он не упоминал в своем долгом повествовании.

Сегодня Адил-бей даже не слушал, его от всего тошнило. К чему вся эта комедия, ибо даже в самых серьёзных случаях ему ничего не удавалось добиться от властей! К его удивлению, окно напротив оставалось закрытым. Посреди горьких сетований одного из горцев он вдруг спросил Соню:

- Ваша невестка что, заболела?

Она тоже бросила взгляд на улицу и, поняв ход мыслей консула, ответила, вертя карандашик в руке:

- Вовсе нет. Она поступила на работу.

Это не помешало посетителю начать говорить тоном повыше.

- В первый раз?

- Да, и сегодня она приступила к работе на государственном нефтезаводе в качестве бухгалтера.

Это была самая обычная беседа, звучавшая контрапунктом сетованиям крестьянина, не сводившего своих угольно-чёрных глаз с Адил-бея, и всё же нервы у него были на пределе.

- Ночью было очень жарко.

Она кивнула головой, ничуть не смутившись.

- И ваши окна были открыты.

- Да, меня там не было.

- Знаю.

Голос крестьянина тем временем достиг мощи дьяконовой глотки, отчаяние читалось на его лице цвета обожженной глины.

- Я слушаю тебя, - вздохнул Адил-бей, чтобы его подбодрить.

В полной тишине у него не хватило бы духу задавать Соне подобные вопросы.

- Вы что, ночевали под открытым небом?

- Нет, у одного друга.

- Молодого человека, которого я видел?

- Да, это так.

Ответ прозвучал столь прямо и категорично, что он спросил себя, а было ли что-нибудь между ней и юношей.

- Вы любите его? Это ваш жених?

- Нет. Он просто мой друг.

Адил-бей повернулся к горцу и попросил его прийти на другой день. Подошла пожилая женщина, пожелавшая развестись, но не сумевшая объяснить отчего. А оставалось ещё пятнадцать или двадцать посетителей!

Адил-бей давал им выговориться и глядел то на пишущую Сонину руку, то на её светлые волосы, то на чёрное платье и худые девичьи плечи.

Было жарко. От лохмотьев исходил прогорклый запах, становившийся ещё более отвратительным, смешиваясь с парфюмом Адил-бея.

Однако это было лучшее или наименее плохое время суток. Можно было вычислить, что когда дойдёт черед до последнего посетителя, будет около часа дня. Ну а потом?

Что он мог делать потом?! Он лежал на постели и не мог заснуть, так как ему и так приходилось подолгу спать ночами.

Полудни улицы напоминали парильню: одни темные, другие кипящие от солнца, между стен которых он не мог бродить до бесконечности в одиночку.

Оставалось только час за часом ждать момента, когда можно будет пройтись по набережной, смешавшись с толпой, не обращавшей на него ровно никакого внимания, затем вернуться и лечь спать, а на другое утро дважды проткнуть шилом консервную банку

молока и идти занимать на лестнице свою очередь за водой.

- Ваша золовка довольна работой?
- А почему бы ей ни быть довольной?
- Это она сама так думает?

Соня сделала вид, что не расслышала и стала писать ещё быстрее. Тогда безо всякой на то причины Адил-бей поднялся, раздраженно оглядевшись.

- Консульство закрыто! - объявил он. - Кто хочет, приходите завтра.

Соня подняла голову, поколебавшись, и как бы желая протестовать. Не дожидаясь её ответа, он вошёл в свою комнату, посмотрел в зеркало умывальника.

Под глазами у него появились мешки, цвет лица был нездоровым, а вся его персона имела вид грустный и нерешительный.

Он прислушался к звукам по соседству.

Чьи-то шаги ещё шаркали в направлении коридора, отдалении раздавались голоса.

Он снова открыл дверь в канцелярию и прошёл в помещение наобум, не сознавая куда, не глядя на Соню, севшую на своё прежнее место.

- Вы себя нехорошо чувствуете? - спросила она спокойно.
- Я чувствую себя очень плохо!
- Хотите вызвать доктора?
- У меня нет желания быть отравленным.

Ему показалось, что она улыбнулась, и он внезапно повернулся к ней, однако выглядела она как всегда.

- Сколько времени здесь прожил мой предшественник?
- Года два, я полагаю. Я с ним познакомилась только на второй год.

Он сел, потом снова встал, отодвинув бумаги.

- Кто же теперь будет заниматься хозяйством у вашего брата?
- Каждый будет убирать за собой.

- Признайтесь, что они потребовали, чтобы его жена работала!

Она была слишком похожа на мещанку, сидя дома, не так ли?

- А разве этого не следовало ожидать?

- А если бы она имела ребёнка?

- Тогда она имела бы право на три месяца оплачиваемого отпуска, а затем трижды по полчаса в день на кормление его грудью.

- А у вас, а если бы у вас был ребёнок?

Он ждал, что она вздрогнет, но обманулся.

- Было бы точно так же.

- Даже если вы не были бы замужем?

- Почему бы нет?

О чём он вёл речь? Что за необходимость была говорить обо всех этих вещах? Тем не менее, он продолжал, это было сильнее него. Стоя перед окном, он подозвал Сонию.

- Посмотрите-ка сюда.

Он указал ей на людей, стоявших в ожидании на солнцепеке перед кооперативом, вдоль всего тротуара напротив. Только что разгрузили сухари и едва заметные крошки сыпались сквозь щели ящиков. И вот пять или шесть женщин, чтобы подобрать их, на коленях ползали прямо по мостовой.

- Ну и что? - спросила Соня.

- А то, что смеете ли вы теперь утверждать, что все эти люди не умирают с голоду?

- Они не умирают, ведь они живые. А у вас разве не бывает бедных? И разве не существуют миллионы безработных в Америке, Германии и других странах?

Перед его взором вновь предстала Соня, сидевшая накануне с парнем в окне Клуба и сцена с рабочими, слушающими доклад. Ему припомнились также гаммы на саксофоне, которые он слышал, одиноко бродя по улицам.

- Что вы можете купить на заработанные вами четыреста рублей?

- Что вы хотите этим сказать? Я могу купить себе всё, что мне потребуется.

- Это вы мне уже говорили. Но теперь-то я знаю цены. Пара туфель, как ваши, стоит триста пятьдесят рублей. Ваше платье стоит, как минимум, триста. Кусок мяса...

- Я не ем мяса.

- Ну, а ваш брат, он тоже?
- Только если он обедает в кооперативном ресторане.
- Какая у него зарплата?
- Тоже четыреста рублей. Члены партии не должны получать больше остальных.

Его взволновало, когда она добавила с дрожью в голосе:

- И при этом мы вовсе не чувствуем себя несчастными.
- А если бы вам пришлось стоять в очереди, как и всем?
- Я стояла бы, как и все.

Ему требовалось нечто другое, и он не без легкого головокружения резко перешел к своей главной мысли.

- Признайтесь, что вы сотрудник ГПУ!
- Я принадлежу партии.

У него не было какой-либо ясной цели, когда он отпускал посетителей, в любом случае он не мог предвидеть поворота нелепого разговора. Но ему необходимо было увидеть лицо Сони, лишенное её вечной самоуверенности.

- Вам сколько лет?
- Двадцать лет, вы это знаете.
- Зачем вы вчера пошли с этим мужчиной?
- А почему бы мне не пойти с ним?
- Вы любите его?
- А разве вы любите госпожу..?

Она не произнесла её имени, но взглядом указала на комнату.

- Это совсем не одно и то же.

Он чувствовал себя смешным, отвратительным и оттого страдал так, что каждая пора его лба сочилась капелькой пота.

Взгляд его блуждал, брови хмурились. Стоя позади Сони, он чуть было не обнял ее насильно, прижав к себе, говоря подряд всё, что приходило в голову.

Но он не решился, ему это показалось невозможным, и он с ненавистью смотрел на два закрытых окна напротив, улицу, горячую, как кипяток, кусочек сине-зеленого неба и свой письменный стол, неестественно опустевший.

Тогда, переменив тон, он обронил:

- Так вы отказываетесь найти мне какую-нибудь домработницу?

- Я все ещё в поисках.
- Вы хорошо знаете, что не найдете.
- Это очень трудно.
- Не потому ли, что я иностранец? А здесь ведь косо смотрят на того, кто работает у иностранцев. Такой даже рискует попасть под подозрение и «опеку» ГПУ!

Она улыбнулась.

- Посмейте теперь сказать, что это не так!

Все получилось с точностью до наоборот чем хотелось бы. Досадно было до слез.

- Послушайте, Соня...

- Я слушаю вас.

Разве она не должна была ему помочь? Ей не нужны были ни слова, ни жесты. Ей достаточно быть просто чуточку менее спокойной, менее самоуверенной, чем обычно. Не для того ли, чтобы защититься от опасности, она заняла снова своё обычное место у письменного стола?

- Вы ненавидите меня!

- Что вы, - сказала она. - С чего бы я стала вас ненавидеть?

- А обо мне что вы думаете?

- Думаю, для вас будет лучше вернуться на родину.

Он чуть не задохнулся от возмущения:

- Вы хотите сказать, что я не способен здесь жить, что на меня плохо действуют все ваши организации и секретность, которой меня окружают? Я знаю, ведь вы так думаете! Но поверьте, жил я и в других местах! Вы слышали о Дарданеллах? В течение трех лет я оставался в едва прорытых траншеях, где приходилось шагать по двум слоям трупов! И там не было ни домработниц, ни даже концентрированного молока...

Она смотрела на него, как всегда, серьёзно. Она могла бы усмехнуться его внезапному приступу гордости. Но нет! Она с любопытством наблюдала за своим собеседником.

- Во мне до сих пор сидит пуля у основания черепа, которую невозможно извлечь. А знаете ли вы, как я присоединился к армии Мустафы Кемали во время революции в Малой Азии? Мы сели втроем в лодку «каяк» длиной в шесть метров и в течение недель дрейфовали по Чёрному морю; и было это в разгар зимы.

Он испытывал потребность рассказывать ей все эти вещи, так как он знал, что кожа его посерела, плечи безвольно опустились. Он остановился в своём порыве и не знал, что сказать дальше. А сама она почему молчала?

Он вызывающе стал у окна, чтобы перевести дыхание и дать себе время успокоиться. Когда он обернулся, его секретарь уже разбирала утренние бумаги.

- Соня!

- Да.

- Мне так грустно было этой ночью.

- Отчего же?

- Потому что ваша постель была пуста, и мне непонятно...

- Чего вы не поняли?

- Того, как вы могли пойти с этим человеком. И со многими вы уходили так же?

- Не помню.

- С каких пор?

- Примерно года два.

Он смотрел на её профиль и думал одновременно о массе вещей: о четырехстах рублях, зарабатываемых ею, обеде, состоящем из чая и черного хлеба, об узкой железной кровати в комнате её брата и невестки, о воде, за которой она ходила по утрам, как и он, в коридор, о ...

Но все же платье её было хорошего кроя, а лицо - таким спокойным и решительным!

И опять всё будет точно так же, как и на прошлой неделе: целые часы пройдут в ожидании грозы. Небо стало бесцветным. Горячие испарения окутали город и лёгкие вдыхали насыщенный ими воздух.

- Что с вами, Адил-бей?

Он сорвал с себя пристежной воротничок с галстуком и остановился посреди канцелярии в самом нелепом виде.

- Адил, вам лучше присесть.

Как раз садиться ему совсем не хотелось, так как он внутренне не отказался от попытки обнять её. Время от времени он то подходил к ней, полный решимости, то вдруг отступал.

Раздался телефонный звонок. Послушав, Соня молча протянула Адил-бею трубку.

- Нет,... нет, - пробормотал он в аппарат. - Это невозможно: я не вполне здоров... Нет, я не могу никого видеть!.. Говорю же вам нет: я хотел бы оставаться в своём углу, как больной пёс... До свидания...

Это была Нежла.

- Вы действительно неважно чувствуете себя? - спросила Соня безо всяких эмоций.

- Трудно сказать.

Повсюду он чувствовал себя скверно, у него был жар, рези в желудке, потеря аппетита.

- Знаете, что вам надо сделать? Пойти на пляж и искупаться. Потом не спеша отправиться в Ботанический сад, где вы ещё не были и который, по отзывам иностранцев, один из красивейших в мире. Кратчайшим путем до него будет менее шести километров.

- И что потом?

- После этого вы устанете и крепко заснёте.

- А сами вы уже следовали своему совету?

- Почему бы нет?

- Совсем одна?

- Ну и что?

Он готов был отхлестать её по щекам. Что за идея - проделать одной по солнцу двенадцать километров ради одного посещения Ботанического сада!..

- Ведь, вы же отказались бы меня сопровождать?

- Да, мне пришлось бы вам отказать.

- Оттого, что вам я наскучила?

- Ну, не совсем так.

- Вот так всегда! Оттого, что я иностранец, к вам будут относиться с подозрением. Кажется я начинаю вас понимать! Видел я всех этих женщин в баре, уходивших вслед за моряками. Но я знаю также, что все они из ГПУ, признайте и это!

- Почему бы нет? Иногда его сотрудникам приходится допрашивать их.

- И вас в том числе?

- Этого я вам не говорила.

— Но вы же не посмеете утверждать обратное! Этой ночью в пятидесяти метрах от меня убили человека.

Она посмотрела на него с любопытством.

- Тот, кто стрелял, был в зелёной форменной фуражке.

- А у вас что, полиция никогда не стреляет?

- Бывает и такое. Во всяком случае, есть разница в том, как реагируют свидетели, справляясь о том, что же произошло. Вчера же они и с места не сдвинулись.

- Все дело в том, что их это не интересовало.

Нечто похожее на извиняющуюся улыбку промелькнуло в её светлых глазах. По крайней мере, это несколько смягчило обезоруживающе прямолинейный ответ.

- Соня...

- Трижды вы сегодня произнесли моё имя, ничего к нему не прибавив.

- А вам хотелось бы, чтобы я что-нибудь к нему добавил?

- Нет.

Он тоже улыбнулся. Впервые напряженность отступила, и у него вдруг создалось впечатление, что не так уж они далеки друг от друга, как думалось ему раньше.

Раздался шум захлопнувшихся ставен: это в кооперативе кончились запасы продовольствия и человек сорок, как обычно, ушли восвояси с пустыми сетками-авоськами.

- Да, забыла сказать вам про бельё, - сказала девушка, вставая.

Окно напротив открылось. Колин первым вернулся с работы, и его зелёная фуражка виднелась на вешалке. Закурив сигарету, он вернулся в тень комнаты, разобрал пакеты с продуктами, которые разложил на столе, ни разу не взглянув на окно консульства.

- Вы видели его сегодня утром? - спросил он.

- Ну да.

- Неужели он ничего вам не сказал?

- А что он мог мне сказать? Что касается белья, то вам надо только мне его сдать, а я отправлю его в прачечную как раз сегодня вместе со своим. Где оно у вас?

Дверь оставалась открытой между комнатой и канцелярией. Постель была ещё разобрана, а пижама Адил-бея была разбросана на полу. Она подняла её.

- В этом шкафу?

- Да... Соня... Я хотел бы задать вам один вопрос.

- Опять по поводу той ночи? Я не понимаю вас. Вы придаете смехотворное значение вещам, которые не заслуживают такого внимания.

- Речь идёт не об этом человеке.

- Тогда о ком?

- Обо мне... А если бы я вас попросил...

Он говорил тихо, так как окна были открыты и ему казалось, что напротив могут услышать. В руке у Сони был ворох белья. Он стоял между ней и улицей и слышал возвращение жены Колина, стук тарелок.

- Поторопитесь, сейчас у вас сядут обедать.

Это был конец, она уходила. Ещё несколько секунд и будет поздно.

- А если однажды вечером я попрошу вас...

Она не дала ему закончить фразу.

- Это будет не так просто! - вздохнула она, направляясь к выходу.

Она не сказала «нет», не рассердилась и не рассмеялась. Часть стены между окнами комнаты и первым окном канцелярии была вне зоны видимости. Соня догадалась, почему он держался этого места, где они были незаметны с противоположной стороны улицы, но не отошла в сторону.

- Соня...

Он обнял её, от волнения даже не помышляя о поцелуе. Обнимая её худенькие плечи, он отметил про себя, что её телу не хватало упругости. Коснувшись её шеи, он коснулся щекой её щеки, слегка приподняв белокурые волосы и был удивлен её

безропотной покорностью.

- Соня...

Он коснулся её губ, прижался к ним губами и чуть не потерял равновесие, настолько она откинулась назад. Когда она выпрямилась, он стоял неподвижно, сбитый с толку. Она все так же не выпускала из рук свертка с бельём и как-то странно улыбалась, свободной рукой поправляя волосы.

- Зачем вы пользуетесь одеколоном? - спросила она.

- Вам не нравится?

- Трудно сказать. Я купила для вас копченую рыбу и овечий сыр.

Она не была защищена от взглядов с улицы оконным проёмом, через окно видны были её брат с невесткой, которые уже обедали.

- До скорого.

Адил-бей остался один, не чувствуя себя ни счастливым, ни хотя бы весёлым. Он открыл оставленные на столе бумажные пакеты, но вид еды не вызывал в нём никакого аппетита.

На улице послышались шаги Сони, но он даже не выглянул, чтобы снова её увидеть.

Колин шумно прихлебывал чай, намазывая масло на чёрный хлеб, пока жена скороговоркой передавала ему, по-видимому, в деталях впечатления своего первого рабочего дня.

Войдя в комнату, Соня бросила бельё в угол, чёрный берет - на постель и села на привычное место спиной к окну.

Должно быть, речь шла об Адил-бее, так как Колин несколько раз оборачивался в сторону консульства, но в лице его не сквозило ни малейшего интереса.

Чему смеялась жена Колина? Она не улыбалась, а именно смеялась. Над чем, интересно? Может быть, над тем, что произошло сегодня утром?

А что же записывал себе в книжку сам Колин?

Они сидели втроем у стола в прохладе комнаты, с аппетитом уплетая свой жалкий обед возле двух кроватей и умывальника по соседству с книжным шкафом. Колин имел привычку в перерыве между двумя бутербродами делать несколько затяжек, стряхивая

пепел на кусок картона, который ставил тут же на край подоконника.

Интересно, обернется ли Соня тоже? Адил-бей замер в ожидании, притаившись в глубине комнаты, и по ее дрогнувшему затылку он догадался, несмотря на расстояние, что сейчас она повернется.

Она и в самом деле обернулась с полным ртом, в первое мгновение не замечая его, а затем с удивлением уставилась на столик с едой, как бы говоря:

- Что же вы не едите?

Это длилось всего секунды две, затем уже её брат бросил взгляд в окно и снова раздался хохот невестки. Тогда уже Адил-бей, покинув, наконец, свое укрытие, пошел закрывать окно.

Он чувствовал себя униженным, почти до состояния полного ничтожества.

Посмотрев как бы со стороны на своё отражение в зеркале, он ещё раз убедился в том, что он действительно был болен.

Тут же он отправил письмо в Стамбул, чтобы заказать до смешного малое количество брома.

VI

Адил-бей часто вспоминал момент, когда Соня обернулась, ища его глазами, а затем продолжила трапезу. Теперь уже её брат с невесткой глядели на него - один невозмутимо-спокойно, другая, - прыснув от смеха.

В самом деле, это был переломный момент, оставивший целую эпоху в его жизни, но он ещё не вполне осознавал это и был недоволен только тем, что гроза никак не начиналась.

Работать ему не хотелось. Когда вернулась Соня, он по-прежнему пребывал в своей комнате, сидя на краю кровати в ожидании, что она пойдет к нему о чём-то справиться. Но этого не происходило, и часам к четырем, причесавшись, он вышел в канцелярию.

- Вы спали? - спросила она.

- Нет, не спал.

С первого же мгновения он почувствовал нечто неестественное, но не мог понять, что именно. Усевшись за письменный стол и глядя на работающую девушку, он упрекал себя в дурном нраве.

Ибо Соня была весела и даже очень, но это было не столь заметно. Она имела вид старательного ребёнка, как это было обыкновенно, если она писала. Но смеялись ее глаза, в которых плясали золотые искорки, как только она поднимала голову.

Эта весёлость была ему прежде неведома, она исходила из глубины её натуры. Соня никогда не смеялась над людьми и вещами: она улыбалась всем им, включая Адил-бея. Он вернулся в свою комнату, пытаясь сменить выражение лица.

Три-четыре раза он возвращался в свое бюро и снова выходил, глядя то на белую и тонкую Сонину шею, выступающую из выреза черного платья, то на её руки. Он надеялся снова увидеть искорки в глубине её глаз.

К пяти часам, когда она поднялась, чтобы привести в порядок свои бумаги, они не обменялись и парой фраз. В половине шестого она, как обычно, взяла свою беретку и, прежде чем выйти, откровенно и смело повернулась к Адил-бею.

Она не могла и представить того, что произойдет дальше. Подойдя к ней с пристыженно-несчастливым и одновременно решительным видом, он обнял её за плечи в желании привлечь к себе, совсем как в то утро.

- Послушайте меня, Соня...

Она стояла прямо, держась обеими руками за сумочку и казалась совсем тоненькой, почти ребенком.

- Вы действительно настаиваете на этом?

Затем, говоря прежним тоном, но протягивая правую руку к щеколде, она продолжила:

- Ждите меня этим вечером. Свет не включайте.

Затем наблюдал, как она вернулась домой с пляжа, а потом сидела за столом вместе с братом и невесткой. Наконец они

включили свет и закрыли ставни.

В консульстве Адил-бей ходил впотьмах, ненадолго присаживаясь, затем вновь возвращаясь на прежнее место.

И Соня пришла, он узнал ее шаги. Она открыла дверь и прежде чем её закрыть, нагнулась, осмотрев коридор. Светлели только пятна её лица, шеи, рук. Напротив по-прежнему горел свет. Застучали капли воды, наконец, сорвавшись с небесной выси.

Адил-бей ждал молча. Тогда Соня, положив сумочку на письменный стол и сняв берет, приблизилась к нему со словами:

-Ну вот, я и пришла!

* * *

Сколько раз приходила она к нему в эти две недели, раз десять?

Адил-бей обыкновенно подстерегал по вечерам момент её ухода. Она отвечала кивком головы, всегда с одинаковой улыбкой, или же говорила «нет».

А если уж она говорила «нет», умолять её было бессмысленно - нет и все тут.

Она приходила, когда едва темнело и уходила, когда её брат отходил от окна, где он любил покурить перед сном.

В первый же вечер раздался стук в дверь. Они лежали, не шевелясь, пока не затих шум удаляющихся шагов. Чуть позже прозвенел телефонный звонок, но Соня не дала на него ответить.

Окна напротив были открыты, несмотря на идущий дождь. Когда Колина была в постели, её муж еще долго оставался у окна один, дыша уличной свежестью.

Все они находились совсем недалеко друг от друга. А Соня при этом вела себя настолько невозмутимо, что Адил-бей задавался вопросом, что заставляет её приходиться к нему.

Его буквально трясло, когда он заключал её в свои объятия, когда её черное платье скользило вдоль юного, не вполне оформившегося тела, открытое ему бесстрастно и без тени кокетства.

- Что это вас так взволновало?

Он смотрел в её глаза: в них сквозило, скорее, любопытство и даже размышление.

- Какой вы все же странный человек!

Позже она повторила это, зашнуровывая туфельки, тогда как ему невыносимо хотелось припасть лбом к холодному стеклу.

Теперь, три недели спустя, знал ли он о ней побольше? Был он счастлив или скорее, несчастлив? Он часто смотрел на неё в течение дня, остававшуюся такой же спокойной и старательной; между ними по-прежнему не было и намека на духовную близость.

Чаще всего он наблюдал за ней за столом, по ту сторону улицы. Он наблюдал также за Колином и его женой и его всё более эта ситуация беспокоила. Разве они могли не знать всего? А если Колин знал, то почему он продолжал взирать с безразличием на консульство?

Он делал попытки перейти с Соней на «ты», но это было невозможно. Часто, когда он обнимал её, на его лице читалась тоска.

- Что это с вами? – спрашивала тогда она с улыбкой.

Что с ним происходило? Да просто он страдал оттого, что, находясь рядом с ней и, владея ею физически, он тщетно искал настоящей близости с ней.

- Вы не любите меня, Соня.

- А это уже зависит от того, что вы понимаете под любовью.

И все же она бывала нежной, иногда даже ласковой. Он теперь никуда не выходил. Вдруг, к нему часов в десять утра заявила Нежла Амар, воскликнув:

- Так-то вы меня навещаете?

В канцелярии было полно народу; Адил-бей в растерянности глянул на Соню. Та, направив острие карандаша в бумаги, указала взглядом на посетительницу, затем на дверь спальни.

- Знаете ли вы, что мой муж возвращается только через неделю?

- Так это вы пытались до меня дозвониться?

- Нет, но признайтесь, что я была вправе ожидать от вас хоть

каких-то вестей!

Кто же тогда звонил в первый их вечер? Кто приходил и настойчиво стучал в дверь?

- Не знаю, что с вами, Адил-бей, но я нахожу, что вы изменились.

Она сняла шляпку и перчатки, посмотрелась в зеркало.

- Чем занимались вы последнее время?

- Ничем особенным.

- Вы меня даже не обнимете?

По другую сторону двери Соня выслушивала посетителей. Персиянка ушла недовольной только часа через два; пара почти рассорилась.

- Признайтесь, что вам обо мне наговорили кучу историй! - закричала она в какой-то момент.

- Клянусь вам ...

- Кого вы повстречали?

- Никого.

- И всё же вас видели в баре!

- Я туда заходил всего однажды.

Когда Нежда прошла через канцелярию, Соня на неё даже не взглянула. Адил-бей сел за своё рабочее место. Секретарша указала ему на человека пиратской внешности в смешном и нелепом наряде.

- Он хочет поговорить с вами лично.

- Можете подойти! - сказал консул.

- Только когда вы закончите все дела с остальными.

Соня, как обычно, вела свои записи:

- Сейчас ведь твоя очередь!

Но мужчина многозначительно посмотрел на девушку и проворчал по-турецки:

- Вы уверены, что при ней можно говорить?

Соня всё поняла и ждала распоряжений, сделав вид, что собирается уйти.

- Оставайтесь. Можешь говорить при ней.

Человек протянул, наконец, какие-то грязные документы,

которые он носил под сорочкой на голом теле.

- Это что, твой паспорт?

- Нет, это паспорт человека, который мёртв. Он попросил меня, что если с ним случится беда, чтобы я принёс сюда эти бумаги, так как надо оповестить его сестру, живущую в Смирне.

Соня, понимая, что не было надобности вести протокольные записи, воспользовалась передышкой, чтобы разобрать бумаги.

- Объясни поподробнее.

Мужчина подошёл к двери, чтобы удостовериться, что их никто не подслушивает.

- Я перевел шестерых горными тропами в Анатолию. Когда переход близился к концу, вдруг началась перестрелка и один из нас погиб.

- И многих ты так переправил?

Тот не ответил, взяв свою меховую папаху, направился к выходу, проворчав:

- Так вы сделаете все необходимое?

Утренние часы истекли. Канцелярия была грязной и опустевшей. Соня натягивала свой беретик.

- Вы не сердитесь? - спросил Адил-бей.

- За что?

- Из-за той женщины.

- Всё и не могло быть иначе. Я прошу вашего согласия не приходить мне сегодня после обеда: ожидается визит эскадры.

- Хорошо.

Представлялось невозможным обнять её или сказать что-то ласковое: настолько официально и натянуто она держалась с ним. Кроме того, его никак не покидали мысли о человеке, вышедшем из консульства, да и о Нежле, парфюм которой он всё ещё не без раздражения ощущал.

- Тогда до завтра, Адил-бей.

- До завтра.

Всю вторую половину дня его буквально швыряли с одной улицы на другую, словно ненужный предмет. Он ничего не понимал в проходивших празднествах. На первом же перекрестке, когда он вышел из дома, он наткнулся на конную милицию, которая перегородила проход.

Тогда он пошёл другой дорогой. Вдоль тротуаров и главной улицы стояла двойная шеренга зевак, на всех окнах висели красные флаги. Транспаранты, украшенные надписями, были натянуты между домами. Кое-где, на уровне крыш, развевался многометровый ситец с чудовищно увеличенным портретом Сталина.

Когда показалась главная колонна демонстрантов, конная милиция с плетями в руках начала теснить народ безо всяких объяснений. Адил-бей вдруг оказался зажатым у входа в какой-то подъезд.

Ему мало что было видно. Люди шли рядами, держа флаги, транспаранты, знамена с изображением Ленина. Звучала музыка, потом прошествовали моряки в белом, синих матросках, с длинными лентами бескозырок.

Никто не говорил и не кричал, только звуки музыки оглашали всеобщую тишину.

Когда процессия демонстрантов миновала, начался людской водоворот. Все любопытствующие устремились в одном направлении. Вдалеке Адил-бей различил подмости, украшенные красным бархатом, но его снова потеснили, и он очутился близ берега моря.

Пять военных кораблей стояли на рейде среди иностранных сухогрузов. Катера с гулом пронеслись по сверкающей глади воды. На фасаде Дома Профсоюзов молодые люди заканчивали прикреплять электрические лампочки, изображавшие какие-то гигантские буквы.

Адил-бей вздрогнул, услышав сигнал клаксона в менее чем

метре от себя. Он даже отскочил в сторону, при этом Джон, сидевший за рулём только что притормозившей машины, глупо расхохотался, видя его испуг.

- Как дела?

Он был покрасневшимся и неряшливо одетым.

- Вы идете в ту сторону? Садитесь, подвезу ...

Он уже открыл дверцу и Адил-бей не решился отказать ему.

- Вы приглашены на банкет? Этим вечером они дают большой обед с танцами в честь офицеров флота.

Всегда трудно было понять, шутит Джон над ним и всем, что его окружало, или же говорит всерьёз.

- Для начала только что расстреляли одного из них!

- Кого же?

- Да одного типа! Это обычно происходит рядом с моим домом, во дворе казармы ГПУ. Этого человека привели к двум часам; у него был совсем забитый вид. Бедолагу приставили к стенке и вlepили в него несколько пуль. По-моему, это был горец, помогавший переходить границу контрабандистам.

Они подъехали к нефтеперерабатывающему заводу.

- Где вас высадить?

- Здесь.

Адил-бей был бледен. На мгновение он в раздумьи задержался на подножке автомобиля.

- У него были усы? - спросил он, от волнения едва сдерживая дыхание.

- Роскошные черные усы, как и у многих ваших крестьян.

- Благодарю вас.

- Ну и как у вас с Нежлой?

Но Адил-бей уже больше ничего не слышал. Он шёл быстро по яркому солнцу, в голове у него гудело так, словно он проходил сквозь рой мух. На его пути снова возникло ограждение, но обходной путь привёл его к строениям, где он привык посещать начальника службы по работе с иностранцами. Дверь была распахнута, все внутренние двери тоже. Однако он напрасно ходил, звал, заходил в десять или двенадцать кабинетов, - нигде никого не нашёл.

Когда он снова очутился на улице, церемония, должно быть, уже закончилась, так как нахлынула толпа, белеющая сотнями моряков. Розовощекие, упитанные молодые люди с бритыми затылками разгуливали по трое или четвером.

Все они были высоки, светловолосы, широкоплечи и немного, пожалуй, грузноваты. Всё это были парни с севера, с берегов Балтики, они улыбались городу, солнцу, красным флагам и транспарантам.

Вот теперь уже ощущался настоящий праздник! Некоторые из них шли рядом с девушками в белых платьях и парусиновой обуви на веревочной подошве, - теми, кто работает в порту и на нефтезаводе.

Адил-бей поискал глазами Соню. Он вернулся к себе в консульство, чтобы удостовериться, что её там не было; окна Колиных также были закрыты.

Наконец, он принял решение и уже спустя несколько минут звонил в консульство Италии.

- Будьте любезны, передайте, пожалуйста, мою визитную карточку сеньору Панделли.

На террасе было оживленно, слуга пригласил его подняться наверх. Приняла его сама сеньора Панделли, настолько мягкая и сердечная, словно между ними никогда и не было недоразумений. Даже Панделли в своем кремовом холщовом костюме, приветствуя, слегка приподнялся в кресле, в котором буквально утопал. Чей-то голос жеманно произнёс:

- А как же я? Со мною что, уже не надо здороваться?

Это была Нежда, похрустывавшая печеньем.

- Вы довольно долго на нас сердились, - тихо проговорила сеньора Панделли без тени иронии.

На террасе было солнечно. Был сервирован чай, как и в прошлый раз. Адил-бей заметил на балконе советский флаг по соседству с флагом Италии.

- Вы вывешиваете флаги? - удивился он.

- Это необходимо с тех пор, как наше правительство признало страну Советов! А вы сами?

- Я не знаю. Я пришел, чтобы вас кое о чем спросить...

- Чашку чая? Лимонад? - предложила сеньора Панделли, плеч которой уже коснулся солнечный загар.

- Благодарю вас,... похоже, что расстреляли одного человека, а он был одним из моих подопечных. Ещё этим утром я говорил с ним в своей канцелярии.

Панделли закурил тонкую сигарету и выпустил облачко дыма с видом полнейшего безразличия.

- Так что бы вы хотели узнать?

- Прежде всего, так ли это на самом деле. Затем ...

Панделли нажал на кнопку звонка. Вошёл служащий в черепаховых очках и консул переговорил с ним по-итальянски. Служащий, бегло взглянув на Адил-бея, утвердительно кивнул головой.

- Это так и есть, - сказал консул. - Его арестовали прямо на перроне вокзала, когда он поджидал поезд из Тифлиса.

- Присядьте, прошу вас, - настаивала сеньора Панделли.

Он сел машинально, но ему не сиделось на месте. Он чувствовал острую необходимость в моральной поддержке, и когда служащий вышел, он признался, тревожно оглядываясь:

- Этим утром он доверился мне, сообщив, что переводит через границу тех, кто хочет добраться до Турции.

- Ну и что же?

- Он сказал это только мне одному, в моём бюро.

- Вы находились там одни?

- Да, я был один. То есть там была ещё моя секретарша.

Нежла громко расхохоталась.

- Сестра шефа морского ГПУ! - бросила она.

Панделли пожал плечами.

- И что вы хотите, чтобы я вам на это сказал?

- За этим мужчиной, возможно, долго следили, не кажется ли вам?

- Однозначно нет.

- Почему?

- Да потому, что ему попросту не дали бы возможности до вас дойти.

- Не попробуете ли пирожных, Адил-бей?

- Нет, сеньора. Извините меня, но я впервые...

- Впервые услышали о расстреле?! - выдохнул Пандели.- Но ведь каждый месяц, мой бедный друг, по несколько человек исчезает на этих улицах. И вы думаете, кого-нибудь это волнует? Помилуйте, даже отец, на глазах у которого арестовывают собственного сына, не имеет права спросить, за что его?!

- Что бы вы сделали на моём месте?

- Абсолютно ничего. Ведь тот мужчина уже мёртв, не так ли? Будьте, возможно, более любезны с вашей секретаршей и не рассказывайте при ней эту историю.

Некоторое время Нежла внимательно изучала Адил-бея.

- Наш друг, возможно, не слишком был с ней любезен, - произнесла она со злой улыбкой.

- Что вы хотите этим сказать?

- А то, что она довольно мила, но я впервые вижу, чтобы русская машинистка вела хозяйство своего патрона.

Панделли расплылся в улыбке, зажав сигарету в зубах.

- Не поддразнивайте Адил-бея, - сказала его жена. Вам хорошо известно, что он не выносит насмешек.

- Во всяком случае, - заключила Нежла, - дело нешуточное, если он с этим все ещё не покончил!

- Знаете, что вам сейчас надо сделать прежде всего?

На этот раз в голосе Панделли не было и тени иронии, напротив, чувствовалось, что он говорил на полном серьёзе.

- Бегите домой и прикрепите красный флаг Советов.

- Благодарю вас. Прошу прощения за непрошенный визит.

- Да нет же! Что это с вами! Наш дом для вас всегда открыт!

Тем не менее, будучи уже на тротуаре, он услышал взрыв смеха Нежлы, а затем приглушённый голос консула:

- Тсс!.. Он может вас услышать.

- Ну и что с того? - возразила она.

Конная милиция возвращалась с демонстрации. Кони шли рысцей по узкой улочке, которая буквально содрогалась от цоканья копыт. Матросы с голубыми воротниками, девушки в белом - вся многоликая толпа хлынула по направлению к порту,

на солнце. Адил-бей был вынужден пойти толпе наперерез, чтобы успеть вернуться к себе и поднять советский флаг.

Окно напротив на этот раз было распахнуто. Соня стояла перед зеркалом в новом платье, которое дошивала её невестка, стоя на коленях с булавками в зубах. Платье было из черного сатина, отделанного еще топорщащимися воланами.

Соня повернула голову на звук устанавливаемого флага, улыбнулась, но слегка и очень незаметно, какой-то беглой улыбкой, тут же погасшей. Затем она сказала что-то своей невестке, которая тут же поднялась, чтобы закрыть окно.

На улицах всё ещё раздавался глас трубных фанфар да такой, что Адил-бей чуть было не пропустил телефонного звонка. Когда он снял трубку, на том конце провода уже никого не было.

VII

Он никак не среагировал и даже попытался любезно улыбнуться, когда сеньора Панделли, складывая карты в шкатулку, произнесла:

- А знаете, Адил-бей, вы уже становитесь опасным соперником в бридже!

Панделли передвинул своё кресло и, откинувшись на его спинку, закурил сигарету с розовым ободком. Это был час, когда он обычно прикрывал глаза, зевая и вздыхая до тех пор, пока кто-либо из гостей не изъявлял желание уйти. На этот раз, вопреки обыкновению, он сказал Джону, который сидел в сорочке с расстегнутым воротом:

- Долейте-ка мне ещё виски.

В огромной печи с фаянсовыми изразцами полыхал огонь. Слышался монотонный шум дождя, прерываемый короткими громыканиями водостока. Салон был освещён керосиновыми лампами, так как свет в это время отключали.

- А что, нашего персидского друга выпроводили утренним поездом? - спросил Джон, доливая себе виски.

- В сопровождении двух крепких парней в его купе, - благодушно ответил Панделли. - Знаете, сколько ценных ковров ему удалось переправить за границу менее, чем за год? Сто восемьдесят! Не говоря уже о самоварах, иконах и разного рода предметах искусства.

Он повернулся к Адил-бею.

- Ваш служащий Фирке попался именно на том, что помогал ему в этом деле. Они обсуждали все это здесь, в салоне у камина. Припоминаете? На другой же день Фирке бесшумно убрали и о нем больше никто не слышал. Что же касается Амара, то Советы попросили правительство Персии срочно отозвать его, и этим утром он уехал под конвоем.

- Это правда, что его жена осталась? - осведомилась сеньора Панделли.

- Она была вовсе не его женой, а каким-то созданием, подобранным в Москве, когда он был секретарём при дипмиссии. Она и не могла следовать за ним в Персию.

Атмосфера была тёплой, спокойной и навевала сонливость, даже абажуры имели кремовато-розовый цвет щербета. Панделли снова потянулся, выпрямил ноги.

- Ещё один день долой! - радостно произнес он.

- На Рождество вы будете уже в Италии?

- «Авентино» прибывает в Геную двадцать второго, а в Риме мы будем двадцать третьего.

Его улыбка адресовалась уже Генуе, Риму, своему дому. Он уезжал в отпуск на два месяца и этого было достаточно, чтобы лишить его обычной сонливости и добавить отстраненности ко всему происходящему в России. Он испытывал даже некую потребность поговорить об этом, дабы ещё лучше прочувствовать радость скорого отъезда.

- Джон, вы ведь вернулись из Новороссийска? Это правда, что там на прошлой неделе были случаи каннибализма собственных детей?

- Скажем так, в местную полицию поступило подобное

сообщение, - уточнил Джон. - Они отправились по указанному адресу и обнаружили в подвале мужчину, сидящего у баков для соления, в которых находились останки его жены и дочери. Его пришлось пристрелить, так как он яростно защищал то, что, как ему казалось, принадлежало по праву ему одному. Он совсем потерял рассудок от голода.

- Что скажете на это, Адил-бей?

- На это ничего не скажу.

- Наш друг Адил очень изменился за эти три месяца, - с восхищением сказала сеньора Панделли. - В первые дни мне казалось, что он не выдержит, но он все же сумел приспособиться. Мне кажется, что он даже поправился.

Он, действительно, поправился, но, скорее, это был не признак здоровья: на вид он обрюзг и состарился, а взгляд его стал более тяжелым и погрузневшим.

- Теперь вы остаетесь здесь единственным представителем дипломатического корпуса!

Он изобразил вежливую улыбку. С тех пор, как он стал еженедельно посещать вечера игры в бридж у итальянцев, сеньора Панделли вела себя с ним необыкновенно любезно. Казалось, что она взяла его под своё покровительство и явно не позволяла своему мужу подтрунивать над ним.

- Мы покидаем вас, - сказал Джон, опрокинув свой стакан с виски. - Полагаю, мы ещё увидимся с вами перед отъездом? Впрочем, я приду на судно. Вы будете, Адил?

Он был по обыкновению полупьян. Накинув непромокаемые плащи и натянув резиновые сапоги, они зашлепали по грязи с мокрыми от проливного дождя лицами. С начала осени безостановочно лили дожди, безо всякого просвета и лучика солнца, превращая некоторые улицы города в сплошные водные потоки.

- Послушайте, Адил!

Время от времени два сверкающих силуэта наталкивались друг на друга, пытаясь обойти лужу или вдруг один из них поскользнулся.

- Я весь внимание.

- Ведь вы пьете, не так ли?
- Нет, а почему вы об этом спрашиваете?
- Просто так. Зайдем на минутку в бар?

Адил-бей угадал ход мыслей Джона. Как заметила сеньора Панделли, он изменился и американец подумал, что это сделал с ним алкоголь.

Но алкоголь был тут ни при чем. Адил-бей и сам не мог объяснить, что с ним происходит. Это началось со дня смерти турка, переведившего людей через границу. Адил-бей вначале был обеспокоен, затем вдруг стих, как будто в нем разладился какой-то механизм.

На другой день он ничего не дал понять Соне. Он с ней даже не заговорил в течение всего дня. Две недели кряду он ни разу не просил её зайти к нему вечером.

Лицо его, учитывая полностью одинокое существование, понемногу приобрело тот одутловато-опухший вид, который Джон ошибочно приписывал злоупотреблению спиртным.

Однако это было нечто иное, происходившее с ним помимо его воли.

Едва приехав в Батум, он представился чете Панделли, готовый разделить частичку их жизни, однако натолкнулся лишь на враждебное отношение. Он бродил по улицам, смешавшись с толпой, но толпа расступалась перед ним, избегая всякого контакта. В безнадежной тоске и ярости он попытался обрести Соню. Но и она, став его любовницей, вела себя ещё более отстранённо по отношению к нему.

Может быть, всё это оттого, что он был турком, а они – русскими и итальянцами? Даже перс и тот относился к нему с подозрением!

Неужели всё это только за то, что он был просто самим собой?!

Во всяком случае, каждый раз, пытаясь наладить свою жизнь так, как он понимал это слово, он с болью наталкивался на стену непонимания.

Сам того не желая, он становился таким же, а может, и более вялым и инертным, чем окружавшие его люди. Происходило это словно само собой! Его одиночество следовало за ним по пятам

даже тогда, когда он ходил к другим людям: к Панделли, в канцелярию иностранного отдела...

Это было похоже на защитное облако, в оболочке которого люди передвигались с замкнутым выражением лица.

Как он не понял с первого дня, что здесь каждый живет, словно запертым на замок! Джон отключался от всего дозами алкоголя, а Панделли запирались от окружающего мира на ключ в два оборота; свой мещанский комфорт они могли бы перевезти за собой даже в пустыню.

А Соня! А сам Колин! Разве Колин, когда он возвращался к себе домой, имел какие-нибудь минуты душевной близости со своей женой?

В кооперативном ресторане каждый ел в своем уголке, со своими мыслями, надёжно упрятыми в черепную коробку. А сама толпа? Была ли она только толпой, описывающей полукруги у статуи темного человека, стоящего на глобусе?

Он стал теперь таким же, как и все остальные, всего-навсего! И у него теперь был свой уголок, откуда он смотрел на людей с настороженностью одинокого зверя.

Они с Джоном все еще шлепали по лужам в промозглой ночи. Когда они добрались до бара, то увидели на его пороге трех девиц, съжившихся от холода. Американец коснулся их привычным приветствием.

- Знаете вы их?

Ему оставалось только поддерживать беседу или играть в бридж, но также без особого взаимного доверия: каждый существовал сам по себе.

Обстановка была настолько мрачной, что это уже начинало вызывать у Адил-бея какое-то злобное удовлетворение. Сверкающая огнями реклама освещала часть грязной улицы, косые штрихи дождя и трех девиц в резиновых сапогах с размытой от дождя косметикой. Вдали виднелся чернеющий порт и огни нескольких пароходов.

Джон, остановившись на пороге, иронично посмотрел на Адил-бея: оба были одинаково хороши в этот поздний час, что

один, что другой. Промокшие, с осунувшимися лицами, больными от тоски телами, в глубине души они ощущали своё медленное и неизбежное падение и за это презирали друг друга. Джон взглянул на девиц, потом на Адил-бея.

- Я знаю их всех, - заявил он.

Он словно пронизывал взглядом стены города, указывая на множество невидимых комнат.

- Сотни, Адил-бей! Сосчитайте! По одной в день за четыре года...

Он толкнул входную дверь и дал швейцару снять с себя плащ. Адил-бей и не помышлял ни о чем подобном. Он просто наблюдал за своим спутником и пытался представить себе Джона, увлекающего за руку в эти улочки какую-нибудь девицу.

- Вы им платите рублями?

- Они предпочитают доллары, потому что с долларами они могут пойти в Торгсин, где не принимают русских денег, а там всегда есть хлеб и все такое.

- Сотни! - повторил Адил-бей, который видел лишь нескольких девушек в баре, да маленькую группку таких же на улице.

Они с Джоном стояли у красной драпировки, полные безразличия к залу, где сидело несколько моряков.

Почему Джон позволял себе говорить с Адил-беем с некоторым оттенком превосходства, как и Панделли?

- А ведь есть и сотни других, неизвестных мне, множество славных и простодушных женщин, таких же, как ваша секретарша, которые едва зарабатывают на еду, но пользуются губной помадой. В бытие вашего предшественника мы часто гуляли с ним вдвоём по ночам. Иногда мы с ним встречались в сопровождении дам на одной улице, в одном доме, в одном коридоре. Я был бы удивлен, если бы твоя малышка через такое не прошла!

Зал был освещен желтым диском от аккумуляторной батареи. В скудном освещении зала едва выделялись белые скатерти столов. Когда женщины проходили мимо «Ослиной шкуры» - вывески бара, синие и красные цвета их платьев обретали нереальность цветов витражей.

- Вам виски?

- Всё равно.

Джон посмотрел на него с ироничным удовлетворением, но Адил-бей, выпил, не поморщась, растворяясь в созерцании жёлтого диска света.

Разве он не мог бы, подобно американцу, гоняться за каждой юбкой в городе? Или обустроить себе комфортабельную квартиру, как Панделли? И то, и другое было бы несложно. Почему же тогда он не делает этого?

Знакомый голос где-то близко воскликнул:

- Здравствуй, милый Адил!

Это была Нежла, она засмеялась, видя его удивленное лицо и лодочкой протянула свою ладошку.

- Ведь я могу к вам присесть, правда? Какой вы, однако, нехороший, - устраиваете попойку? Гарсон, один бенедиктин! Знаете ли вы, Адил-бей, что очень скоро вы будете нужны мне в качестве официального представителя Турции?!

Джон расплылся в едва заметной хищной улыбке, видя, как Нежла берет его в свидетели с фамильярностью давней подруги или сообщницы.

- Вы уже рассказали ему?.. Так вот, Адил-бей, вы всегда думали обо мне, что я персиянка. Тогда как на самом деле я турчанка, хотя и родилась в России. Мой дед родом из Анкары и звали его Ахмедом. Надо, чтобы вы помогли собрать мне необходимые документы и раздобыли мне паспорт...

- Там увидим, - ответил он, опрокидывая стакан.

Он вяло смотрел то на нее, то на Джона и спрашивал себя, достанет ли ему смелости танцевать. Не прошло и года, как он танцевал ночи напролет в Вене под ту же музыку, с таким же блестящим джаз-оркестром.

Теперь ему этого не хотелось. Как не хотелось и Нежлы, которую он мог бы увести, если бы ему заблагорассудилось! Не желал он и других женщин, которые там были, две из которых, по крайней мере, были красивы.

В сущности, возможно, причиной тому было всего лишь переутомление!

- Когда я могу к вам зайти?

- Когда хотите.
- Вы по-прежнему встречаетесь с вашей белой мышкой?
Он не понял, удивленно посмотрев на нее.
- Вашей юной русской! - уточнила она, еще раз глянув на Джона.
- Ну да.
- Счастливы?
- С кем?
- С нею?!

Он пожал плечами так же флегматично, как это делает Джон: все это уже не имело никакого значения.

Она говорила, лишь бы не молчать, а у него пропало всякое желание продолжать беседу. Отяжелев от музыки и спиртного, он мог бы сидеть так часами, но официанты уже убирали зал.

Когда встали из-за столика, Нежда хотела взять консула под руку, но он осторожно отстранился.

- Разве вы не проводите меня?
- Нет.
- А вы, Джон? Вы ведь на машине?
- Нет.

Им оставалось только разойтись, _ каждому в свою сторону.

Женщин на пороге бара уже не было видно, свет рекламной вывески погас.

* * *

Дождь стекал по лицу Адил-бея. Он шел, не разбирая дороги, брюки его были мокрыми и грязными по колени. Справа шумело море, но ничего не было видно, даже отблеска на воде.

Ему теперь хорошо были известны все улицы города, и даже входы под портиками, где по ночам прямо на камне спали бездомные, прижавшись друг к другу.

Всех этих бродяг он тоже знал. Он знал всё! Он заходил также в кооперативы, лавки, конторы.

Его это не особенно касалось, он был всего лишь консулом Турции и должен был только как можно лучше заниматься делами своих подопечных.

И всё же это стало для него необходимостью, своего рода пристрастием. Город был для него каким-то живым, себялюбивым существом. Он отказывался принимать Адил-бея, скорее, старался вовсе не замечать его, позволяя лишь одиноко бродить, словно паршивому псу, по своим улицам.

Он ненавидел его так, как только ненавидят женщину, за напрасно сделанные авансы. Он упорствовал в поисках изъянов; это было занятием грустным и лишенным взаимных радостей.

- Все имеют возможность работать. Все могут есть досыта, - упорно повторяла Соня.

А ведь Соня как раз и была самым воплощением города! Она так же была холодна и таинственна, как он сам! Она принимала ласки Адил-бея подобно толпе, позволявшей прогуливаться вместе с собою от статуи Ленина до нефтезавода БНЗ.

Иногда Адил-бей недоверчиво бродил по рынку. Однажды ему встретилась пожилая женщина в лохмотьях, которая стоя часами под дождем, продавала прохожим несколько несвежих рыбешек. Она не отчаивалась, возможно, потому, что она никогда ни на что и не надеялась.

- Почём? - спросил он её.

Он раздобыл себе русскую грамматику и словарь и поставил их на свой рабочий стол с тайным вызовом.

Он успел уже выучить несколько слов по-русски.

- Пять рублей, товарищ.

Какой-то мужчина лет сорока продавал целый день до двадцати сигарет в розницу из одной пачки.

Адил-бей сардонически улыбался, вспоминая упитанных моряков Севера, Сонин клуб, её черное сатиновое платье для бала в честь Флота и её спокойные ответы, расстрелянного проводника через границу. Он поспешил вернуться, чтобы вполоборота небрежно бросить девушке слова-вызов:

- В Чёрном море много рыбы, не правда ли? В таком случае, полагаю, её можно недорого купить?

- Даже очень дёшево.

- Почём, к примеру?

- Рубль или два за кило.

- Любопытно. На рынке я только что видел, как продавали три жалких рыбёшки за пять рублей.

Он почувствовал, как она бросила на него встревоженный взгляд. Было слышно, как она нервно сминала бумаги.

- От того, что это происходит на частном рынке, а мы хотим отменить такую форму торговли, - сказала она. - Но вот в кооперативе...

- В кооперативе нет рыбы, я только что оттуда.

- Там часто бывает.

- Реже раза в неделю.

- Это зависит от улова.

Впервые он надеялся застать её плачущей, сам не зная почему, но это принесло бы ему облегчение. Он предпринял даже попытку просить её прийти тем же вечером. И она пришла, тихая и покорная.

Зачем она пришла? Чтобы легче было выявить других людей для расстрела? Возможно, даже для того, чтобы найти причину расстрелять его самого?

Какое имело для неё значение находиться в объятиях одного или другого? Она не любила никого! Она шла по жизни прямо и горделиво, ровным шагом. Её светлые глаза - или по-детски невинные, или до крайности порочные, глядели на всё - людей и предметы с одинаковым выражением холодного любопытства.

За эти бесконечные дни своих блужданий по городу он сделал для себя массу открытий. Это было тем более утомительно, что, выйдя из дома, он не мог найти в целом городе ни одного кафе или дома, готовых его принять. Вместо ответа на все его вопросы, люди в страхе удалялись. Другие быстро отвечали и тут же уходили. Мальчишка, которому он дал рубль, тут же поодаль получил затрещину от прохожего, наблюдавшего сцену и он кинул его рубль в канаву.

Иногда, как и в том случае, Адил-бею становилось не по себе.

Он все чаще казался самому себе человеком, пытающимся утолить свою постыдную страсть.

Отчего все ему лгали?

Он возвращался озлобленным и с новым «трофеем»:

- Вот уже три недели, как никто в Батуме не ел ни одной картофелины. – И в то же время в гостинице «Ленинград», где останавливаются высокопоставленные чиновники, подают свежую чёрную икру, французское шампанское, шашлыки.

- Это всё для иностранцев.

- За весь год не приезжает и двух иностранцев!

- А разве ваши собственные министры не питаются лучше разносчиков воды?

Напрасно он пытался вспомнить, с чего всё началось. Во всяком случае, посетитель, расстрелянный ГПУ, стал точкой отсчета. Драма произошла почти в консульстве. А ведь мужчина не хотел говорить при Соне! Это он, Адил-бей, помешал русской выйти! Возможно, надо было после всего этого выставить её за дверь. Но что бы это дало?

С тех пор он кружил вокруг неё, мучимый, злой, отчаявшийся, иногда охваченный какой-то болезненной паникой. Ибо, в конце концов, она должна была его возненавидеть! Но напрасно он искал в её глазах ненависть, даже невольно пытаясь её вызвать.

И при всём при этом Джон думал, что он выпивает! А сеньора Панделли уверяла его, что он хорошо выглядит и делает успехи в бридже!

Адил-бей открыл дверь в свою комнату, зажег свечу, проделав затем ряд привычных движений в заученной последовательности. Не заменил ли ему уют этот завораживающе-обыденный ритуал?

Вначале он сел в кресло и снял с себя резиновые галоши и обувь. Некоторое время он так и сидел в носках, глядя на движущиеся по комнате тени, на пламя свечи, фасад дома напротив.

Соня спала. Её брат и золовка тоже.

Завтра же он расскажет ей о человеке из Новороссийска, а его секретарша с вытянутым лицом будет опровергать очевидное.

Что сказала сеньора Панделли этим вечером, незадолго до прихода Джона? Ах, да. Она говорила о своем отпуске в Италии, заметив при этом:

- Вот уже четыре года, как Джон находится здесь, а ведь он ни разу не выезжал к себе на родину. Вы не находите это странным?

Затем, глядя в сторону, она добавила:

- Он лучше всех нас осведомлен обо всём, что здесь происходит. И потом, ГПУ никогда его не беспокоило.

Был ли Джон тоже одним из них? А почему бы и нет? Вот и Нежла была не женой Амара, а какой-то девицей из Москвы!

Но что из того, в конце концов? Достаточно было жить, как и все остальные, - люди на улицах, в конторах и даже Колин и его жена: побольше молчать, создать свою конуру, обзавестись привычками. Даже думать придется только обрывками, смутно, словно в полудрёме.

Странно, но две недели тому назад, когда Адил-бей ходил по делам в службу для иностранцев, ему неожиданно объявили:

- Мы нашли для вас горничную!

Он понял прежде, чем Соня перевела, и сдержанно поблагодарил.

Что касается горничной, то он пока не обмолвился с ней ни единым словом. Она приходила утром, делала вид, что убирает канцелярию и наполняла кувшин водой. До самого обеда она пребывала в спальне или на кухне, которые, тем не менее, оставались такими же грязными, как и до её прихода.

Неожиданно возвращаясь к себе после обеда, он почти всегда заставал её с другими женщинами или с каким-то мужчиной, однако он делал вид, что ему было всё равно.

А может быть, они сочли, что одной Сони было недостаточно для наблюдения за ним?

Не вставая с кресла, он снял галстук и пристежной воротничок, прикинув, что скоро будет ровно три недели, как он не просил Соню прийти к нему вечером.

Это обстоятельство его очень устраивало! Ведь в первый раз он продержался только две недели. Когда она пришла к нему в последний раз, с надеждой в улыбке, он не смягчился. После первого же

объятия он заявил:

- Мне пора идти.

И каждую неделю он упорно ходил к сеньоре Панделли учиться игре в бридж. Сеньора Панделли привязалась к нему и не без удовольствия повторяла:

- Вы, турки, не такие как все, вы люди загадочные.

Ах, если бы только у него был бром, он спал бы все ночи напролёт! Когда ему выслали порцию из Стамбула, его вызвали в спецслужбу, показав там стограммовый пакетик. На нем стояла печать большой аптеки, рядом с которой он прожил два года.

- Что вы намереваетесь делать с этим?

- Меня мучает бессонница и ваш доктор порекомендовал мне употреблять препарат брома.

- А что если вам просто заняться физическими упражнениями, совершать длительные прогулки перед сном?

- Я повторяю вам, что это был рецепт врача.

- Но он не предписывал вам принимать сто грамм.

- Действительно, но я выписал бром прозапас.

- В таком случае мы отдадим пакетик врачу, который будет выдавать вам бром в малых дозах и по мере надобности.

Он не протестовал. Однако когда доктор принес ему пакетики, содержащие немного белого порошка, он выбросил их в печь: поступить так показалось ему более благоразумно!

Избавившись от них, ему теперь оставалось сидеть в кресле до двух или трёх ночи. Он давал догореть свече ровно наполовину, затем ложился спать и гасил её. Утром он выливал в раковину чай, налитый горничной и открывал себе, как и вначале, банку концентрированного молока.

Целыми часами он бродил по городу наугад. Иногда он ходил смотреть, как разгружали сухогрузы. Когда за ним не наблюдали, он задавал по-русски вопросы одной из женщин, занятых этой нехитрой работой.

- Сколько зарабатывают ваши грузчики? - спросил он у Сони по возвращении.

- По крайней мере, десять рублей в день.

- На это можно прожить?
- Ну да. Особенно если не тратиться на наряды.
- А на три рубля?

Она не решалась ответить.

- Это уже посложнее, не так ли? Даже если носить одно платье из хлопка и плавки, как эти девушки! Ведь они зарабатывают всего по три рубля!

- Кто вам это сказал?

Он умолкал, вышагивая кругами по канцелярии. Иногда он украдкой поглядывал на нее, отмечая про себя ее бледность и узкие плечи.

Разве он не понимал, что её тело не было упругим оттого, что она питалась так же плохо, как и он сам?

Однажды она ему сказала с неуверенностью в голосе:

- Адил-бей, позвольте мне дать вам один совет. Ежедневно вы открываете консервные банки. Вы едите сардины, немного тунца, или же вовсе к ним не прикасаетесь. Это производит на некоторых плохое впечатление.

- А если я не голоден?

- Спрячьте их или выбросите куда-нибудь сами.

На этот раз она отвернулась, и он чуть было не смягчился.

- Наверное, все дело в том, что когда меня нет, они приходят и делятся между собой? - пробормотал он всё же.

- Кто это «они»?

- Люди, которых я застаю в своей комнате, когда возвращаюсь домой внезапно без предупреждения.

- Что вы! Это, наверное, родственники горничной. Я знаю, что у неё есть взрослый сын.

- Взрослый сын, который роется в моих досье?!

- С чего вы это взяли?

- Я сам это видел.

У неё был только один выход из положения, аналогичный прежним.

- А разве ваши слуги не столь же любопытны?

Она была бледна, как обычно, но он был уверен, что она ещё более побледнела. В последний раз, покрутившись вокруг неё с час, пытаясь преодолеть искушение, он все же попросил её вечером зайти к нему.

Она пробормотала:

- Разве это так необходимо?

Он ответил:

- Не знаю.

С тех пор прошло уже три недели.

Когда свеча догорела наполовину, Адил-бей поднялся и прошёл к себе в спальню, начав раздеваться. Он не хотел вешать штор. Мутные капли катились по тёмному стеклу. Посреди улицы бурлил настоящий ручей, поющий, словно лесной. Окно напротив было приоткрыто.

Он лёг, погасил свечу и долго лежал с открытыми глазами, как и каждый вечер. Перед ним снова и снова предстал Панделли, лопающийся от счастья до такой степени, что позабыл своим зевком дать гостям сигнал к уходу. Радость переполняла его при мысли об отъезде на другой день на борту «Авентино».

Но рядом с лицом Панделли ему виделось и другое. Это было безумное лицо человека из Новороссийска, сидящего у баков для соления, которые он свирепо защищал от вторжения посторонних.

Он должен не забыть рассказать об этом Соне на другой же день. Однако он знал наперёд, что она найдет, что ему ответить. Но что именно? Что кругом все тоже голодают? В таком случае, он покажет ей фотографии базаров Стамбула с тысячью лавок, ломящихся от изобилия продуктов. Видела ли она когда-нибудь целых ягнят на вертеле, вращающемся посреди улицы? За несколько пиастров там можно купить целую тарелку мяса!

А сколько раз в месяц ей самой доводится есть мясное?

Ведь она находится в том возрасте, когда женщина формируется. Её маленькая грудь уже начала обвисать, а тело имело нездоровую белизну.

К чему ей столь упорствовать в своей категоричности?

Почему она ему не доверяла? Ведь так просто стать добрыми друзьями, разговаривать откровенно, с открытым сердцем! И почему она глядела на него с холодным любопытством, даже, как ему иногда казалось, с едва скрываемой жалостью, когда он сжимал её в своих объятиях?

Слезы наворачивались ему на глаза только от одного воспоминания того, когда они лежали тесно прижавшись друг к другу, она вдруг холодно спрашивала:

- Что это с вами, Адил-бей?

Что же, тем хуже для неё! Потому что так долго продолжаться не может!

Она уже не была прежней Соней. У неё появились круги под глазами. Теперь ей приходилось вздрагивать, когда она внезапно слышала за спиной его голос. Зимой она носила то же черное платье, что и летом, свой вечный берет и тонкое прошлогоднее шевитовое пальтецо. Дважды или трижды он заставлял её в консульстве за вязанием шерстяных перчаток.

Женщины из бара питались гораздо лучше неё. Но разве Джон не рассказывал ему, что спустя два-три месяца «службы», их отправляли в Москву, чтобы не дать обзавестись друзьями.

По словам того же Джона, одна из них даже получила пулю в лоб за то, что была чересчур откровенна с одним бельгийским морским офицером. Адил-бей позабыл рассказать об этом Соне, хотя она должна была знать - она знала обо всём. Но ему хотелось, чтобы она услышала все эти вещи именно от него!

Моментами дождь усиливался и низвергался водопадами. Ему вторил усиливающийся шум ручья в канавах. Так продолжалось максимум от нескольких минут до четверти часа, потом снова лил монотонный дождь.

Адил-бею с постели был виден белевший дом с чёрной дырой полуоткрытого окна.

За этой черной дырой находилась его Соня. Это о ней говорил Джон, Нежла и многие другие, словно в целом городе не было никого, кроме этой бледной девушки.

В то время как таких, как она, были сотни! Об этом он теперь

тоже знал.

Что касается Сони, она тоже выматывалась, это уж точно! Похоже даже, что она ослабнет прежде него.

Он повернулся на другой бок, засыпая с ощущением скольжения по крутой наклонной плоскости. Но шум дождя преследовал его, перерастая в стук пишущей машинки. Секретарша с темными кругами под глазами, окончив печатать фразу, повернулась вполоборота в ожидании продолжения.

Надо не забыть рассказать ей о том мужчине из Новороссийска!

VIII

На другой день он ничего не рассказал Соне из того, что пообещал себе, и не говорил ей о человеке из Новороссийска.

Ночью он весь покрывался потом, хотя едва был накрыт одеялом, и так с ним происходило всё чаще. Иногда он спрашивал себя, бывало ли так прежде. Он перебирал в памяти, но не мог припомнить, чтобы пробуждался ото сна весь мокрый и во влажных простынях.

Особенно непривычным было для него просыпаться по утрам более уставшим, чем накануне вечером. А теперь так случалось с ним ежедневно. Долгое время он лежал, глядя в потолок, пока не чувствовал прилив силу. Он стал некрасив до уродливости и ощущал неведомую прежде горечь во рту.

Этим утром у него выступил пот на лбу и висках только оттого, что он поднялся и прошел к туалетному столику. По-прежнему шёл дождь. Воздух, проникавший сквозь оконные щели, отдавал сыростью. Напротив за занавесками, угадывался силуэт

переодевавшейся Колиной.

Адил-бей посмотрелся в зеркало, прежде чем взять кувшин и плеснуть из него в тазик. Снова он отметил про себя, что щетина его стала более густой, и тут вдруг он вспомнил, что борода у покойников растёт с невероятно быстротой.

Он высморкался и откашлялся в платок. Именно тогда все для него внезапно переменялось, ужас объял его до мозга костей, сжал все внутренности, к горлу подступил комок.

У него не хватило мужества еще раз увидеть свой платок в кровавых разводах. Он снова глянул со страхом в зеркало. Было слышно, как уборщица прибирала в канцелярии.

Вскоре вошла Соня, и обе заговорили по-русски, но слишком быстро, чтобы можно было что-либо разобрать. Соня, должно быть, поставила свою сумочку на камин, берет положила на вешалку и теперь снимала калоши.

Когда он вошёл в смятой пижаме, в тапках на босу ногу, Соня вздрогнула. Ему доставило странное удовольствие то, что его вид ужаснул её.

- Сейчас же пошлите за доктором.
- Вы больны, Адил-бей?
- Пока не знаю.

Он не побрился, не переоделся, даже не вытер лица. Всякий раз, проходя перед туалетным столиком, он украдкой рассматривал свое отражение. Какое-то время он ещё пытался сохранять спокойствие. Он сделал десяток шагов, покачивая головой, как вдруг почувствовал ту же панику, что охватила его при взгляде на платок. Челюсти его сжались от нетерпения, он упорно смотрел на дверь, как будто был в силах одним взглядом вызвать появление врача.

- Но это же будет тоже русский врач! - пробормотал он про себя.

Чуть позже он громко сказал самому себе:

- Ну что же, посмотрим!

С этих пор начались его «диалоги» с самим собой.

- Надо, чтобы он сам поставил мне диагноз.

Доктор прибыл вместе с Соней, которая привела его из

больницы. Адил-бей дал ему пройти в свою комнату, запер дверь на ключ и заявил:

- Осмотрите меня.

Говоря это, он горько улыбался, будто разыгрывал своего собеседника.

- Вы плохо себя чувствуете?

- Очень плохо.

- На что жалуетесь?

- Практически на всё.

- Покажите язык... Гм!.. Разденьтесь по пояс.

Доктор щекой приклеился к груди Адил-бея и тому казалось, что он вот-вот начнёт на него кричать в раздражении...

- Дышите... Кашляните... Сильнее...

У врача было мужественное, открытое лицо, однако гораздо менее решительное, чем обычно.

- Вы уверены, что не злоупотребляете бромом?

Адил-бей усмехнулся, однако не признался в том, что так никогда его и не принимал.

- Ваш организм ослаблен, как если бы вы длительное время чем-то злоупотребляли, - наркотиками или даже алкоголем. Употребляете?

- Иногда. Что бы это еще могло быть?

- Трудно сказать. У вас болит где-нибудь?

Адил-бей показал ему с презрением свой платок.

Вопреки его ожиданиям, врач осмотрел платок безо всякого интереса.

- С вами это случилось впервые? Любопытно, что это не указывает на то, что вы больны туберкулезом. При прослушивании я ничего не обнаружил в легких, но если вы хотите быть полностью уверенным, вам всего лишь придется зайти в больницу, чтобы пройти рентген.

Почему врач вдруг схватил стакан с водой, стоявший на прикроватной тумбочке? Он его осмотрел, понюхал и обернувшись ко все ещё неодоетому Адил-бею, пожал плечами.

- Что вы мне пропишете?

- Прежде всего я отменю препарат брома. Вы питаетесь дома?

Женщина, которую я встретил, ваша горничная?

Он сердито и заинтриговано посмотрел направо и налево.

Адил-бей не сводил с него глаз, он читал ход его мыслей и ждал слов, которые еще не были произнесены.

- Думаете, причиной тому еда?

- Этого я не говорил. Нет причины грешить на пищу.

- Тогда что же?

- Приходите ко мне в больницу. Там я смогу вас осмотреть более основательно.

- Вы не хотите сказать мне, что думаете обо всем этом?

- Пока я ничего не думаю.

Он лгал. И доказательством тому была та поспешность, с которой его рука шарила и никак не находила дверную ручку. В канцелярии он все же приостановился, чтобы посмотреть на Соню и горничную.

- До встречи в больнице!..- повторил он Адил-бею, который шёл следом за ним.

Его ожидали посетители. Подняв голову, Соня спросила:

- Сегодня вы будете принимать?

- Да.

Свое «да» он произнес тоном угрозы. Он одевался намеренно точными жестами, не переставая следить за собой в зеркало.

Чуть позже, сев за свой письменный стол, он произнес:

- Кто первый, подойдите!

Никогда ещё он не был столь категоричен.

- Вы говорите, что ваша дочь пропала и думаете, что её похитил турок? Ничем не могу вам помочь. Я здесь не для того, чтобы разыскивать сбежавших замуж девушек. Следующий!

Одновременно он прислушивался к шороху в своей комнате, где убирала горничная. Он не спускал глаз и с Сони, ничего от него не ускользало.

В нём как будто появились какие-то улавливающие устройства. Он присматривался к коже секретарши, бывшей такой же бледной, как и его. Но это была иная бледность! К тому же её кожа была сухой, в то время как у Адил-бея она становилась влажной при

малейшем движении, даже если не было жарко.

Соня писала. Два или три раза она поднимала голову и он четко ощущал, что выглядело это как-то неестественно, что каждый раз этому движению предшествовало сделанное над собой усилие.

Как удавалось ему одновременно думать, наблюдать и слушать всё то, что рассказывали эти люди? Чересчур пространные объяснения он резко обрывал.

- Прошу вас, в нескольких словах!

Таким образом, канцелярия опустела уже к одиннадцати утра.

- Что делали вы вчера вечером? - резко спросил он Соню.

Она заколебалась, как бы удивляясь тону поставленного вопроса.

- Я ходила в клуб.

- Ну, а после?

- Что вы хотите этим сказать?

- Где вы ночевали? У себя или у одного товарища, как вы выжились?

- У одного товарища.

Она твердо смотрела на него, готовая выдержать его взгляд. Но взгляд её вдруг скользнул, как вода по стеклу и затерялся где-то в сером пейзаже, виднеющемся из окна.

- Можете быть свободны.

- Время ещё не пришло.

- Говорю вам, что больше вас не задерживаю, - закричал он.

- Не понадобитесь вы и во второй половине дня!

Войдя к себе, он через минуту вернулся, когда она надевала берет.

- Вы всё ещё здесь?

Она не ответила. Он смотрел, когда она уходила, на её узенькие плечи, на весь её силуэт, обезображенный резиновыми сапогами.

- Если я вам понадоблюсь.., - начала она у самой двери, но тут же умолкла, увидев, что продолжать не стоило.

Адил-бей искал слово «яд» в словаре, затем слово «отравление», затем «интоксикация» и каждый раз он в бешенстве повторял:

- «Глупец»!

«Глупцом» был сам словарь или тот, кто его составил, потому что словарные статьи «яд» и «отравление» не давали никаких объяснений. Он поискал стрихнин, мышьяк и с этих пор пытался определить привкус, почти постоянно ощущаемый им во рту.

Была ли это та самая горечь, о которой в них говорилось?

В том, что его медленно отравляли, не было ни тени сомнения, возможно, с самого его приезда, но об этом он не мог знать! Не так ли был отравлен и его предшественник?

В памяти всплывали разные детали.

Он припомнил приступы тошноты, которые он относил за счет консервов. Но разве во время войны он не пользовался консервами, иногда даже просроченными, безо всякого ущерба для здоровья?

Он не был даже болен! Все было гораздо хуже! Он постепенно терял силы, становился вялым и безвольным. По утрам он не мог смотреть на себя без отвращения в зеркало.

То был мышьяк! Или нечто иное, но определенно сильнодействующий яд! Врач это слишком хорошо понимал, если сразу заговорил о броне и понюхал стакан.

Адил-бей тоже проделал это, не заметив ничего подозрительного, скорее, затрудняясь точно определить запах: ему теперь удавалось различать гораздо больше запахов, чем обычно. Он принюхивался к своей коже и находил, что и кожа отдавала затхлой горечью.

Но теперь хотя бы он знал об этом! И намерен не опускать руки! Он ходил по квартире, произнося обрывки фраз. Время от времени он с вызовом смотрел на окно напротив. Взгляд его упал на телефон.

Кому можно позвонить? Панделли упаковывали свои вещи, и через час их дом опустеет.

А что, если Джону? Американец выслушает его, глядя своими мутными глазами, потягивая виски. Почему же, по словам сеньоры Панделли, за все четыре года его жизни в Батуме он ни разу не был в отпуске, не говоря уже о побывке домой? Отчего Советы не трогают его, в то время как за всеми иностранцами велось поминутное наблюдение?

- Алло! Дайте мне больницу!

Он звонил врачу просто так, чтобы посмотреть, что из этого выйдет.

- Доктор, это вы? С вами говорит Адил-бей. Нет, мне не стало хуже. Скажите, говорил ли я вам этим утром о частых испаринах? Я как-то сразу не подумал о них. Это состояние продолжается вот уже несколько недель. Ко всему добавилось постоянное стеснение в груди, как будто сердце может остановиться с минуты на минуту. Дайте же мне договорить! Я знаю, что говорю. Мой предшественник умер от остановки сердца, не так ли? Осмелитесь ли вы утверждать, что это не было вследствие медленного отравления мышьяком?

Он ничего не разобрал в ответе. По-видимому, доктор занервничал на том конце провода. На фоне его голоса стали слышаться какие-то другие, отдаленные голоса. Конечно же, он посоветовал Адил-бею не беспокоиться, подождать результатов рентгенограммы, что-то в этом роде, но всё это было сказано не так, как обычно.

Адил-бей с удовлетворением положил трубку, чувствуя, что он его достал. Ибо теперь надо было достать их! Кого? Да всех их!

Прежде всего, ему необходимо было сохранять спокойствие! Он даже пошел полюбоваться в зеркало своим спокойным видом, затем медленно открыл банку концентрированного молока, которая составляла весь его завтрак.

- «Теперь остается только вывести этот яд».

Каким образом, он ещё в точности не знал. Свежий воздух и ходьба должны были ему помочь. Надев свой непромокаемый плащ и калоши, он прошелся медленным шагом три часа. Ходил он старательно, размеренно, несмотря на усталость. Он по-прежнему потел, пульс его был учащен. Время от времени он останавливался в любом месте, даже посреди улицы, чтобы перевести дыхание и тогда люди разглядывали его с любопытством.

Но ему было все равно. На него могли смотреть сколь

угодно: он знал, что делал.

Как всегда, лил дождь. Черноватая вода стекала вдоль немощенных улиц, изрытых ямами, в гудах земли и камней. На пути ему попадались то позабытые тачки или пустые бочки, то какие-то старые доски.

Ему пришлось обойти даже останки лошади, мокрая блестящая кожа которой подчёркивала каждую кость скелета.

На набережной ещё было несколько прохожих, но погрузочные работы уже закончились. Корабли, в обволакивающей их водной дымке, казались навсегда покинутыми командой.

Ещё издали он узнал семейство Панделли, поднимающееся по трапу небольшого чёрно-белого судна «Авентино». Капитан нес малышку Панделли, а консул, с трудом передвигаясь, шёл последним, цепляясь жирной рукой за мокрую поверхность поручней.

Что до моря, то оно было похоже на всё, что угодно, только не на море. Это было бесконечное серое марево, некая пустота, от которой исходило влажное дыхание. Не было видно ни волн на берегу, ни зыби на его поверхности. Оно было ровным, словно луна, с миллиардами маленьких пузырьков, образованных миллиардами миллиардов дождинок, вплоть до самого горизонта, до Турции, а может, и далее.

В плаще ему стало жарко, калоши казались неподъемными, к тому же при переходе через лужу намок носок.

Бар был уже закрыт, как всегда в это время. Окна Клуба Профсоюзов были распахнуты, два-три силуэта бродили по опустевшим залам. Иногда проходила одна из женщин, работающих на разгрузке судов, в обуви на босу ногу, с сумкой на голове вместо зонта.

Улицы были по-прежнему пустынные. Наверное, их было около пятидесяти, этих безымянных переплетённых улочек, узких, немощенных, большей частью без тротуаров. По их обеим сторонам высились большие дома. Эти дома казались заброшенными, ибо их никогда не перекрашивали, в окнах не хватало стекол, карнизы обвисли, вода хлестала из разбитых водосточных труб.

Каждый дом зиял мокрым подъездом без дверей.

В комнатах шла жизнь людей, но разве это была жизнь?

Действительно, как умудрялись они жить во всех этих спальнях, среди кроватей и матрасов, расстеленных прямо на полу? Женщины почти не готовили оттого, что им не из чего было стирать. Они больше не шили себе нарядов, так как всегда ходили в одном и том же.

Все они пребывали в покорном ожидании. Но чего? Когда пройдут часы за часами, как это делал и сам Адил-бей в полном одиночестве своей комнатухи?

- «Не следует больше пить эту воду».

Он произнёс это вслух, затем пожал плечами, так как читал, что мышьяк имеет горький привкус даже в малых дозах. Не мог он не заметить этого! К тому же он не пил чая, приготовленного горничной и никогда не пил кофе.

К своему удивлению он обнаружил, что снова стоит перед останками лошади, сам того не понимая, как он мог опять очутиться на прежнем месте.

Может, на сегодня достаточно? Ему надо бы поберечь силы, особенно не терять самообладания, от которого зависело всё! А самообладания ему не занимать! За всю прогулку он едва ли раза три испытал приступ панического страха. Это происходило помимо его воли, по чисто физическим причинам, когда он думал о совсем другом, словно боль. Но это не была боль! Это чувство рождалось в самой глубине его существа, в какой-то его непонятной точке. Мышцы тут же сокращались, отвечая какому-то таинственному импульсу, включая руки, ноздри, пальцы ног.

- Идём-ка дальше... - приказывал он себе.

Боль постепенно отпускала. Иногда он говорил сам с собой: «Соня, должно быть, волнуется»...

Он отпустил её до конца рабочего дня, безо всяких на то оснований. После визита врача он ей ничего не объяснил, ни слова не сказав о своем состоянии. Не она ли отравила предыдущего консула?

- Хорошо бы узнать, была ли у нас одна и та же горничная?

Вот о чем он спокойно размышлял, размеренно шагая. Видимо, сеньора Панделли была права, когда говорила, что вскоре он станет сильным игроком в бридж.

И всё-таки он был совсем один! Один у себя дома! Один в городе! Повсюду один! Консульство Италии опустело, консульство Персии тоже!

Он, Адил-бей, был столь одинок среди этого насквозь промокшего города, полного людей, притаившихся за окнами с картоном, вставленным вместо стекол.

- Следует прежде всего начать с тщательного осмотра помещения и пометить точное место каждого предмета, при необходимости даже сделать отметины...

У него не было болезни сердца, как считал он некоторое время, это мышьяк выводил из строя весь его организм. Пока он жив, он будет выводить из себя этот мышьяк! Речь идет всего лишь о том, чтобы не давать принимать его!

Он поднялся к себе по лестнице, едва отдышавшись и тут увидел в коридоре у крана свою горничную в компании двух кумушек. Все трое, когда он проходил, молча смотрели на него, не здороваясь и даже не выказывая каким-то образом, что это были соседи, как если бы это происходило между животными! Но животные, проходя, хотя бы обнюхивают друг друга!

И так было повсюду. Горничная по утрам с ним не здоровалась, а вечером он даже не знал часа её ухода. Она работала на него, он ей платил, но это не имело ровно никакого значения! Она являлась, делала в квартире всё, что ей заблагорассудится и уходила восвояси.

Соседи, которых он встречал на лестничной площадке, сотни раз вяло проходили мимо него друг за другом, задевая и толкаясь безо всякого хотя бы внешнего признака окультуренности.

Каждый, как и он сидел, в своем углу, только он был ещё более изолирован ото всех. Он наблюдал за жизнью, идущей в другом углу - жизнью Колиных, - словно за рыбками в аквариуме только с той разницей, что в его собственном углу кто-то коварно подсыпал ему яд. Этот человек жил где-то рядом, в

этом городе, он ходил, дышал, входил в его дом и предрешил, в какое время ему умереть.

В самом деле, какой срок ему был отпущен? Ведь это дозировалось? Человек с мышьяком знал о нём больше, чем он сам о себе. Он знал самую загадочную вещь на свете - время его ухода из жизни!

И этот человек видел, наблюдал, как постепенно он опухал, обрастал нездоровой дряблой плотью. Впрочем, у сеньоры Панделли он тоже раз в неделю пил кофе по-турецки; его варили для него специально.

Он никак не мог заподозрить сеньору Панделли, но по логике вещей ничто не мешало думать, что это могла быть и она.

... И она прекрасно успела бы съездить в Италию, отсутствуя в момент его смерти!

Впрочем, почему они накинулись только на турецкого консула? Почему не отравляли Панделли тоже? И почему не отравили Амара, который к тому же обворовывал русских?

Адил-бей вошёл в свою канцелярию и вдруг увидел находившуюся там Сою. В её больших глазах читалось столько мыслей и таких мыслей, что он тут же подумал: в этом было что-то неестественное.

Чёрт возьми! Да прежде всего то, что она там находилась, а ведь он велел ей не возвращаться в течение всего дня!

Она чувствовала себя неловко и с тревогой за ним наблюдала.

- Вы совсем промокли, - сказала она, наконец.

На ней было накинуто пальто, блестели резиновые сапожки, берет она ещё не успела снять.

- Что вы здесь делаете в этот час?

Она ответила неуверенно, не отводя от него светлых глаз.

- Мне хотелось узнать, не стало ли вам хуже.

- Так оно и есть.

В её взгляде сквозила какая-то беспокоящая его напряженность: так она никогда на него не смотрела. В какой-то момент ему казалось,

что она вот-вот рухнет ему на руки, настолько вся она была натянута, как струна.

- Что же, теперь вы можете уйти.

Какое-то время она стояла неподвижно, держа обеими руками застёжку сумочки. Её тонкая шея резко выделялась на фоне чёрной одежды.

Он собирался уже пройти в свою комнату. Соня несколько успокоилась и готова была направиться к двери, сделав несколько шагов. По логике вещей ничто не должно было её остановить. Но вдруг Адил-бей сделал настолько резкое и внезапное движение, что оба они замерли в оцепенении.

Адил-бей смотрел на сумочку в своих грязных руках, только что грубо вырванную у Сони.

Она также выжидающе смотрела на него. И хотя он не открывал взгляда от сумочки, он видел, как часто поднималась её грудь под тканью платья. Это напомнило ему трепетание в руках фазана, подбитого камнем в Албании: тот же бешеный стук часов в оперении.

Он неловко открыл женскую сумочку.

IX

Среди потёртой шёлковой подкладки сумочки лежали дешёвая ручка, носовой платок, пуховка для пудры, два ключа, несколько бумажных рублей.

Соня стояла около стула и пока Адил-бей перебирал эти предметы, она села, но так незаметно, как бы соскользнув на стул. Сейчас он рассматривал обнаруженное у неё фото, о котором он давно забыл. Это было в Вене, около теннисного клуба. В сером

фланелевом костюме, с ракеткой в руках, он опирался локтем на маленький спортивный автомобиль. За рулем его сидела дочь одного чиновника ведомства иностранных дел. Оба они были веселы и с лёгкой улыбкой выжидали щелчка объектива. На клумбе из тюльпанов лежала тень снимавшего брата девушки. Сценка выглядела настолько живо, что по этой тени, улыбкам, легко угадывались слова:

«Внимание, снимаю!».

Потом за щелчком последовали смех, поездка на автомобиле, партия в теннис на красном гаревом покрытии.

Соня выжидала. Адил-бей, ни слова не говоря, поставил фото на письменный стол, затем извлек из сумки стеклянный флакончик, отложив его в сторону в качестве доказательства.

Почему он машинально захлопнул сумку и протянул её затем девушке? Дышал он шумно и с трудом, дважды подойдя к окну, прежде чем с вызовом стать перед по-прежнему покорно сидевшей Соней.

- Ну что?

Она следила за ним взглядом, зрачки её сузились, лицо побелело, черты лица заострились.

Он не знал, как теперь быть: сказав: «Ну что?», он и не надеялся получить ответ. Он взял флакон со стола. Чтобы понять, что это было, не требовалось проверять его содержимое на запах.

Любой бы на его месте впал в неистовство, крича, возмущаясь и угрожая!

Ведь способен же он на гнев, крики, угрозы? Но она даже не шевельнулась, не заплакала. Она оставалась покорной, почти безразличной, с двумя маленькими тёмными точками зрачков на белой физиономии.

Раз десять он пытался заговорить и столько же раз передумал, ибо подходящих этой ситуации слов просто не существовало в человеческом языке. Ему требовалось как-то снять напряжение, хоть что-то сделать. Неосознанно пытаясь найти выход из положения, он бросил взгляд на чернильницу и с силой швырнул её об пол.

- Сколько времени мне оставалось жить? - только и удалось ему проговорить.

В этих словах выразилось все его волнение. Они напоминали, что он едва не умер, и в его взгляде на Соню было больше отчаяния, чем ненависти, как у человека больного или тяжелораненого.

- Отвечайте же!

Взгляд девушки неотрывно следил за Адил-беем, тогда как сама она была совершенно неподвижна.

- Признайтесь, ведь это вы отравили моего предшественника! На днях и я бы умер, как он.

Задыхаясь, он сжал кулаки, придя в бешенство от её невозмутимости.

- Ну, говорите же, скажите хоть что-нибудь! Вы меня слышите? Я приказываю вам говорить!

Он готов был её тряхнуть и даже ударить.

Дверь открылась. Через канцелярию на кухню прошла горничная.

- Прикажите ей уйти. Я не хочу её сегодня видеть.

И тут Соня заговорила. Повернувшись к горничной, она отдала ей распоряжение своим обычным тоном.

Им пришлось дожидаться ухода домработницы. Адил-бей смотрел, как стекал дождь по стеклу и чувствовал себя совсем обессиленным.

- Соня...

Она обернулась к нему; взгляд её был поразительно странен. Она не отвечала ему ни дрожью губ, ни просто трепетом живого человека, доказывающими, что она находилась с ним рядом, что она его слышала и думала над тем, что он говорил. Она смотрела на него так, словно он перешёл в другое измерение или вдруг стал или очень большим, или очень маленьким, во всяком случае, непропорциональным по сравнению с ней.

- До такой степени вы меня ненавидите?

Эти слова вырвались у него сами собой. Ему хотелось заплакать, он отвернул лицо и отодвинул кипу дел, которая закачалась и рассыпалась листами по комнате.

- Послушайте, Соня! Нам необходимо принять решение.

Он резко повернулся с недоверчивым видом: ему показалось, что она вздрогнула. Но нет! Она даже не шелохнулась...

- Я мог бы отдать вас в руки милиции.

Он умолк. Дойдя до окна, в доме напротив он заметил Колина, который только что вернулся со службы и чинил карандаш. По улице плёлся старик, разносивший на продажу швабры, «джохеби», да так медленно, что невозможно было представить, что он когда-либо куда-нибудь вообще добредёт.

Разве Адил-бей не говорил о милиции? Что он мог бы сказать там, что его решили отравить? Он отошёл от окна, и направление его мыслей снова изменилось. Стоя перед Соней, положив руку ей на плечо, - и это прикосновение ему было приятно, - он с грустью смотрел ей в глаза.

- Что же вы наделали, моя Сонечка? Не верьте тому, что я только что вам говорил. Ведь вы знаете, что я просто не способен вас выдать. Но надо, чтобы вы сами рассказали, чтобы вы объяснили то, как...

Губы её были настолько плотно сжаты, что кожа вокруг них побелела, иногда даже казалось, что она сознательно подавляла улыбку или готовый вырваться смех.

- Вы не хотите мне отвечать? Вы продолжаете молчать?

Он сдавался, голос его поднялся на тон или два выше.

- Ну, конечно же! Что вы можете мне на это сказать! Когда я думаю о том, что вы приходили ко мне по вечерам, что я вас сжимал в своих объятиях, называя своей милой Сонечкой... Ведь я вас любил, теперь я могу вам это сказать! Мне нужны были не столько ваши объятия... Увы! Все остальное от меня ускользало и напрасно я себя спрашивал, отчего. И всё это время вы, неделя за неделей, день за днем, приближали мою смерть...

Он задыхался от всего происходящего, нуждался в движении, в каком-то взрыве эмоций. Проходя у стены, он с силой ударил по ней кулаком.

- Вот чем вы занимались, пока вся моя жизнь вращалась вокруг вашей персоны!

Он ощущал это так остро, как никогда, ранее он даже не

отдавал себе в этом отчета. Однако это была правда, ослепляющая истина!

Чем он занимался со дня своего приезда в Россию, если не вращался вокруг Сони, пытаясь понять Соню, приблизиться к Соне? А также иногда ненавидел её! Пытался заставить её страдать! И всё это от любви к ней! Из-за неё он на это и решался! Когда он, выискивая пороки, бродил по улицам, то это только лишь для того, чтобы потом прийти к ней и сказать: «Я снова видел людей, которые ели отбросы прямо из сточных канав».

Разве не она заставляла его страдать, когда проводила целые вечера в Клубе Профсоюзов? Он знал, что там все парни и девушки были близко знакомы и воодушевляли друг друга речами. Он приходил в бешенство даже тогда, когда она возвращалась оттуда домой. И ещё когда она ходила купаться нагой, как и её подруги!

Он горько усмехнулся:

- Часами наблюдал я за вами, пытаюсь понять. Делал вещи и похуже: словно подростку, мне приходилось смотреть на вас сквозь замочную скважину своей комнаты, чтобы увидеть вас такой, какая вы есть, без прикрас! В самом деле, во что вы подсыпали мышьяк? Ведь это был мышьяк, я полагаю?!

Он взял стеклянный флакон, открыл его, закрыл, чуть было не бросив в печь. Соня следила взглядом за его малейшим движением.

- Вы делали это по приказу? Отвечайте! Вы ничего не хотите сказать? Вы боитесь своих сотрудников из ГПУ? А ведь я знал, что это вы выдали проводника через границу! В сущности, это был ваш долг, поэтому я вам об этом ничего не сказал до сих пор.

Приступы усталости приходили на смену приливам энергии, но все же усталость возобладала да так, что порой ему хотелось рухнуть на пол. Не теряя надежды, он пытался её как-то разжалобить, твердя себе: «Она сникнет. Сейчас она заговорит...».

Потом, разуверившись в этом, он начал кричать, метаться, пинком ноги разбросал бумаги, усеявшие паркет.

- Я строил планы... Часто говорил себе, что увезу вас в Турцию

и мы вместе отправимся путешествовать по Босфору...

У него защипало в глазах, но слезы не шли.

- Полагаю, что готов был даже на худшее... Я готов был остаться здесь при необходимости... Я бы... не знаю, что я ещё готов был сделать...

Занеся кулак перед носом у Сони, он выкрикнул:

- Мразь!

Так как она едва заметно отпрянула, он продолжил:

- Смотри-ка, ты, оказывается, боишься ударов?

Затем, схватив обеими руками, словно лапами, плечи девушки, он тряс её, повторяя:

- Гнусная тварь!

Она упорно молчала. Голова ее безвольно качалась из стороны в сторону, вперед и назад, повинаясь силе грубых толчков. При этом глаза её оставались неподвижными, губы плотно сжатыми.

- Соня... Скажи хотя бы что-нибудь!.. Иначе, мне кажется, это кончится тем, что это я убью тебя... Слышишь меня? Я способен на это... Я на пределе...

Говоря это, он рыдал. Были ли это слёзы? Грудь его теснило, к горлу подступил комок, губы исказились в гримасе отвращения.

У него не было больше сил трясти её. Отпустив её, он отступил всего на шаг. Но вот глаза его расширились, заметив на щеке Сони блестящий след. Он ещё не верил в это, желая убедиться.

И уверился, когда веко её снова медленно набухло, из него нерешительно выкатилась капля, направившаяся по руслу первой.

- Соня!

Он был потрясён. Он снова хотел взять её за плечи. Так как он приблизился, она поднялась, в ужасе глядя на него.

- Оставьте меня!

Она искала выход, устремившись к двери, которую ей удалось открыть еще до того, как он её настиг.

- Соня!

Она бежала по коридору. Он бежал быстрее и схватил её уже на лестнице.

- Оставьте меня! - повторяла она.

- Идите со мной... я вас не отпущу...

Кто-то заметил их наверху лестницы, но ему уже было всё равно. Затолкав девушку в канцелярию, он закрыл за нею дверь на ключ.

- Почему вы плачете?

- Я не плачу.

Это была почти правда. Она вновь обрела прежнее спокойствие, даже не стерев блестящий след со щеки.

- Нет, вы плакали. Вы не утратили ещё этой способности. Я хочу, чтобы вы сказали мне...

- Мне нечего вам сказать...

- Ещё бы! Вы отравили моего предшественника. Вы старались убить меня тем же способом и при этом еще были моей любовницей. А когда я прошу у вас объяснений, то вам нечего сказать! Великолепно! Настоящий памятник неосознанному цинизму! Это... это...

Наверное, со стороны он выглядел смешным, бегая по комнате и выкрикивая подряд всё, что придёт в голову. Она улыбнулась, уголки её губ приподнялись на какую-то долю секунды, потом она бросилась в кресло, обхватив голову руками, плечи её дрожали.

Смеялась она или плакала? Адил-бей недоверчиво смотрел, не желая приблизиться.

- Соня, встаньте же! Я хочу видеть ваше лицо...

Приближающаяся ночь напоила воздух свежестью.

- Я знаю, что выгляжу полным идиотом! И всегда был им, не так ли? Когда вас любил! Когда, как идиот, сжимал вас в своих объятиях и умилялся вам до слёз! Ревновал, как безумный и таким же безумцем смотрелся в зеркало, беспокоясь из-за своей непонятной слабости...

- Замолчите же! - умоляла она сквозь стиснутые руки.

- Это потому, что я говорю правду? Я чуть не умолк навсегда, и я себе очень хорошо представляю вас, сидящей в этой же канцелярии с моим преемником, а потом и в бывшей моей спальне.

Она подняла своё лицо так внезапно, что он, казалось, этим был сбит с толку.

- Говорю вам, замолчите!

Он никогда не думал, что можно быть бледным до такой степени, и особенно трудно было поверить в то, как за несколько секунд настолько может перемениться лицо.

Перед ним была уже не прежняя Соня. Глаза её стали большими, веки - мокрыми. Нос потерял прежние очертания, крылья его распухли, а губы, такие только что вытянутые и непреклонно-твёрдые, превратились в два кроваво-красных комка.

В таком виде она была на редкость некрасива и он пристыжено простонал:

- Соня...

- Нет. Лучше дайте мне уйти.

Она хотела скрыться бегством не из кокетства, дыхание её прерывалось.

Машинальным жестом она искала свою сумочку, чтобы взять там носовой платок и так же машинально Адил-бей предложил ей свой.

- Спасибо.

- Сейчас мы с вами поговорим, Соня. Но вначале вам надо успокоиться.

Но она не успокаивалась, напротив! С ней случился новый припадок. Она плакала, словно ребёнок, черты её лица исказились, время от времени она ловила ртом недостающий воздух. Она задыхалась, и ему было больно видеть это. Адил-бей попытался взять её за руку, затем за другую, погладить по голове.

Отталкивая его, она бормотала:

- Оставьте меня.

В какой-то момент она стиснула руки, да так сильно, что пальцы её побелели.

- Умоляю вас, Соня!

Он боялся, как бы она не заболела. Её слезы не походили ни на его, ни на те, что он видел до сих пор. Это выглядело трагичней, всё её тело сотрясало, то распрямляясь, то складываясь вдвое.

Не давая ему себя утешать, она отталкивала его; в глазах её порой сквозила ненависть.

- Остановитесь, Соня! Вам нужно успокоиться и станет легче, если вы всё расскажете.

Его трясла нервная дрожь. В доме напротив жена Колина задергивала занавеси, собираясь, по-видимому, зажечь лампу.

- Я наговорил вам много злых и несправедливых вещей. Вы не пытались меня отравить, я должен был это знать и не сомневаться в вас...

И снова подобие улыбки мелькнуло в глубине её глаз, скрытых слезами. Соня понемногу успокаивалась, глядя на него каким-то странным взглядом, в котором более всего сквозила жалость.

- Ведь так же? Я ошибался? Скажите и я вам поверю. Я клянусь вам поверить во все, что вы мне скажете. Я слишком люблю вас! Вам трудно меня понять... У меня было такое ощущение, будто я одиноко бреду в пустыне. И вы так думали... На самом деле, это я ходил вокруг вас. Вы стали центром моего мироздания.

- Замолчите, - сказала она изменившимся голосом.

Ей становилось лучше, но она была явно подавлена. Голос её звучал спокойно, но тихо, как у больной.

- Почему вы хотите, чтобы я молчал? Или я не прав?

- Это так.

- Ошибся в том, что полюбил вас?

- Да.

Веки её были красными и опухшими, скулы красными, почти лиловыми.

Чтобы быть поближе к ней, он опустился на колени и обхватил руками её голени. Так она глядела на него откуда-то издалека и свысока, можно сказать, с другой сферы.

- Вы не могли делать этого, Соня!

- Я сделала это, - ответила она совсем тихо.

- Но почему же?

- Вы не можете меня понять.

- Уверяю вас, что пойму, не надо больше молчать. Позвольте мне спросить вас, мой предшественник?..

Она утвердительно моргнула веками, с тенью улыбки, в которой чувствовалась доля усмешки.

- А со мной как? Вы начали сразу же? Нет? Когда вы стали моей любовницей? Зачем вы пошли на это, если не любили меня?

Она качнула головой, глубоко вздохнув, подняла в отчаянии руки.

- Это бесполезно, - выдохнула она.

- Что же?

- Нам не понять друг друга. Дайте мне лучше уйти. Можете думать обо мне все что угодно и возвращайтесь на свою родину.

Она заметила, что взгляд Адил-бея стал каким-то злым и застывшим.

Почувствовав, что он сейчас снова начнет метаться, кричать и разбивать предметы, она произнесла умоляюще, поднеся руку ко лбу:

- Нет, погодите.

- Я слушаю вас.

— Сядьте напротив. Постарайтесь ко мне не прикасаться.

Они едва различали друг друга, так как наступила почти полная темнота и комната освещалась лишь отражением света из окон напротив. Слышно было, как потоки воды стекали по водосточным трубам. Им вторили другие, падающие с одинаковым интервалом на цинковый навес.

- Ну же, Соня!

- Вы так ничего и не поняли?

Ему казалось, что она находилась на грани новой истерики, но сделав над собой усилие, она попыталась улыбнуться.

- Вы ходили гулять с Джоном, я думаю?

- Не вижу с этим никакой связи.

- Ваш предшественник проводил ночи примерно так же, как и он. Выпив в баре, потом на улице или еще где-нибудь, он выбирал себе женщину, все равно какую - рабочую, служащую, девчонку или же мать семейства.

Он глядел на неё подавленно и удивленно.

- Для нас ведь это много, - один доллар или несколько лир, или несколько франков! На них можно купить продукты в

Торгсине, где есть всё, даже когда пусто в кооперативе!

Каждое её слово прерывалось частым дыханием.

- Как-то вы сказали мне и потом часто это повторяли: здесь есть люди, умирающие с голоду! Но, видите ли, есть и другие, которым хочется во что-то верить.

Она заговорила тоном выше. Вытянув шею, она наклонилась к Адил-бею, её душили рыдания. Она продолжила с горечью в голосе:

- Вы ещё ничего не поняли? Да знаете ли вы, сколько часов работы требуется в России, чтобы заплатить за банку сардин, вроде той, что вы открываете каждое утро, оставляя затем гнить в шкафу? Целый рабочий день! У вашего предшественника, как вы выражаетесь, были полные карманы консервных банок сардин, сахара, печенья и он их раздавал. Взамен женщины принимали его у себя, иногда с согласия мужей. Он и меня возжелал. Усаживаясь за стол, он говорил: «Положи это себе в сумку, малышка! Тебе это будет полезно. В твоём возрасте нужно быть сильной!»

Адил-бей смотрел то на неё, - белое пятно в тени, - то на два освещенных окна той стороны улицы.

- Да, он говорил мне, чтобы я ела. При этом он не уставал повторять, что для него это сущие пустяки. В его стране... В его стране... Все время о своей стране... Вы тоже мне о ней без конца твердили... На вашей родине люди не умирают от голода, хлеба есть вдоволь. На вашей родине... Так вот, а я не хочу!.. Я не желаю!.. Мне уже больше двадцати, и я отказываюсь понимать, что моя жизнь не удалась. Моя мать умерла в нищете... Да, как вы и сами видели, люди здесь умирают прямо на улицах. Вы достаточно наговорили о нашей нищете.

- Я был ревнив, - послышался в темноте голос Адил-бея.

Она снова засмеялась в ответ, но на этот раз как-то агрессивно:

- Тогда это уже было ни к чему, слишком поздно!

- Слишком поздно для кого?

- Для меня! Вы сами захотели все узнать! Того другого я убила из убеждений, если можно так выразиться. Каждую

секунду, на каждом дыхании, он ранил меня в самое сердце, когда однажды он впервые попросил меня прийти к нему вечером...

Она услышала, как Адил-бей нервно заерзал на стуле.

- Да, это было таким же вечером, - сказала она с безразличием в голосе. - Нет иного способа встречаться. Он собственноручно приготовил обед и гордился накрытым столом. Указывая на блюда, он приговаривал:

- Держу пари, вы даже не знаете, что это такое!

Он был удивлен, что я сразу же не набросилась на все эти яства. Представьте, что именно на них он делал ставку. Не заставляйте меня снова думать обо всех этих вещах! Ведь я никогда раньше не видела иностранца так близко. Я никогда не читала других газет, кроме русских! Я была близка к мысли, что устраняя этого человека, я почти спасаю Россию...

- Ну а как же со мной? - мрачно прозвучал голос напротив.

- Но вы!..

Дождевые капли размеренно застучали по цинку. Окно напротив внезапно распахнулось, и Колин, удивленный, что его сестра до сих пор не вернулась, осмотрел обе стороны улицы. Затем послышался стук захлопнувшихся ставен.

- Вы и меня ненавидите?

Она умолкла.

- За что же?

- Смешно, что вы не в состоянии всего этого понять. Вы словно неразумное дитя. Может быть, именно из-за этого...

- Из-за этого что?

- Да нет, ничего. Позвольте мне лучше уйти. Есть некоторые вещи, которые вы поймёте потом. Вы желаете знать причину моей ненависти, моей попытки отравить вас и почему я не решилась довести это до конца? Тот, другой, он ещё мог бы жить! Только сейчас я начинаю это понимать. Я ненавидела его, не хотела верить всему, что им говорилось. А вы, вы сами все разрушили, всю веру, что во мне ещё жила... А теперь...

- И что теперь?

Он боялся шевельнуться, словно из опасения прервать натянутую до предела нить разговора.

- Давайте не будем больше об этом. Мне пора идти. Вы же видели, что мой брат беспокоится.

- Вы и меня убили бы?

- Не знаю. В первый раз я подсыпала мышьяк в масло рыбных консервов...

- Когда же это было?

- Когда пришла она.

- Не жла?

Она не могла видеть в темноте его счастливой улыбки.

- Я не испытывала ревности, - холодно сказала она. - Я чуть не прекратила это делать. Но вы прошли по набережной, когда я сидела на окне клуба.

- И что тогда?

- К чему вам настаивать на деталях? Были бы вы на месте женщины, а тем более, русской, вы все поняли бы! Я уже не верила ни в клуб, ни в наши пустословные дискуссии, ни в наши радости, всякие политчтения. Вы рассказали мне как-то о рынке, где продают тухлую рыбу. Я же видела, как постепенно на моих глазах вы становились все более бледным и опухшим от мышьяка, таким же вялым, как и те голодающие люди...

Она поднялась, когда напряжение спало и хрипло закричала:

- Дайте же мне уйти! Вы трус, трус, трус! Вы заставили меня говорить и теперь вы в полном восторге! Вам же доставляет радость слышать всё, что я вам говорю?! Вы сломили несчастную девушку, которая хотела жить и ...

Она резким движением схватила свою сумочку, и он догадался, что она, должно быть, вытирала лицо.

Он поднялся тихо и бесшумно. Ощущая его присутствие позади себя, она сделала несколько быстрых шагов. Но действительно ли она так хотела и надеялась скрыться?

В тот момент, когда она коснулась дверной ручки, он вдруг обнял её, прикинув к ней всем телом.

Не целуя и ничего не говоря, он стоял неподвижно, обхватив

её, в то время как её пальцы медленно отпускали дверную ручку.

Напротив Колин ещё раз выглянул из окна, наклонившись над пустынной и блестящей, словно канал, улицей.

Х

- Даже если министр потребует моей отставки, я всегда найду для себя место с окладом сто турецких лир в месяц.

- А в рублях сколько это?

Он улыбнулся. Она спрашивала об этом так серьёзно не потому, что была в этом заинтересована, а оттого, что впервые заговорила на эту тему.

И Адил-бей, воспитанный братьями-христианами, повторял себе, что усвоил, наконец, смысл слов, долгое время непостижимых для него, мусульманина по духу: состояние всепрощения.

Он пребывал в состоянии всепрощения! Ему было бы трудно объяснить, как и почему, но он был в этом искренне убежден.

Все становилось легким и простым, чистым и ясным.

- Не сегодня! - прошептала она с виноватой улыбкой, когда он увлекал её в комнату.

- Тсс...

Он тоже улыбнулся, уложив её, как сестру, рядом с собой. Он догадался намочить краешек полотенца и вытер ей глаза.

- На лоб... Так лучше...

Затем он взглядом отыскал окна напротив, и на его лице читалась тревога. И только лишь тогда Адил-бей взял в бюро большие листы серой бумаги и приклеил их к стеклу.

- Вот так! Вот теперь мы как у себя дома.

Оба чувствовали себя выбившимися из сил, но в глазах ещё горел лихорадочный блеск. Они улыбались, охваченные нервной

дрождью, подобно людям, которым удалось счастливо избежать катастрофы.

Это было состояние благодати! Адил-бей больше не следил недоверчивым взглядом за Соней, стараясь понять ход её мыслей. Он больше не спрашивал себя ни о чём: она улыбалась, и этого было достаточно, чтобы чувствовать себя счастливым.

Ей хотелось спать, глаза закрывались сами собой, но когда он умолкал, она делала знак, чтобы он продолжал говорить.

- Переводом в рубли ничего не объяснить. На сто лир мы сможем снять хорошенькую квартирку в одном из современных кварталов Стамбула, питаться вдоволь, ходить каждую неделю в театр, и еще у тебя будут красивые платья.

- Это правда, что вечером улицы настолько освещены, что можно даже читать?

- Не только вечером, но и всю ночь. Вдоль всего Босфора стоят ресторанчики, где играет турецкая музыка, пьют «раки» и едят «мюзет».

- Что такое «мюзет»?

- Это всего понемножку: мелкая рыбешка, оливки, огурцы, копчености, похрустывая которые можно слушать музыку и любоваться видом скользящих по воде лодок-каяков.

О чём только они не говорили той ночью! Соня уснула. Впервые он видел её спящей и наклонился, чтобы лучше её рассмотреть. Когда она спала, то вновь становилась бледной и чистой. Как случилось, что это маленькое личико так волновало его? И к чему они терзали друг друга на протяжении стольких месяцев, когда всё могло быть так просто? У самой двери он сказал ей:

- Мы уедем с тобой, Соня!

Она ответила ему кратким объятием.

Теперь весь этот шум воды на мрачных и сырых улицах стал ему безразличен. Скоро он никогда больше не увидит этой улицы! Время от времени распахивалось окно напротив. Колин не мог уснуть и по несколько минут кряду оставался у окна, глядя на улицу, прежде чем лечь рядом с уснувшей женой.

Открыв глаза, Соня несколько мгновений собиралась с мысля-

ми, внимательно глядя в лицо Адил-бея.

- Вы не спите? - прошептала она.

- Пытаюсь заснуть.

- Это правда, что вы меня так ревновали?

- Ревновал, и до такой степени, что ненавидел всё, что окружало вас, даже вашего брата с его невозмутимым спокойствием и его привычку сидеть у окна по вечерам.

- Ему приходится много работать.

- И он верит во все, чем занимается?

- Ему хотелось бы в это верить. Об этих вещах ведь никогда не говорится между братом и сестрой, мужем и женой, в этом трудно признаться... даже самому себе.

Сменив ход мыслей, она вдруг спросила:

- А в Стамбуле много трамваев?

- На центральных улицах они проходят, по крайней мере, каждые полминуты.

Она недоверчиво улыбнулась. Потом снова спросила:

- У вас есть друзья?

- Были, но теперь я не слишком хочу их видеть.

- Почему же?

- Вы станете меня ревновать к ним, как в вое время я ревновал вас к Клубу и даже портрету Сталина на стене.

Он теперь чувствовал себя уверенно, ушли куда-то все задние мысли.

По-прежнему моросил мелкий дождик, и было чудесно чувствовать себя в укрытии, вдали от вся и всех, зная, что на улице холодно и небезопасно.

Все жё, когда они оба забылись сном, вдруг раздался громкий стук в дверь, да такой, что они одновременно подняли головы. Отвечать было никак нельзя, а особенно шуметь. Незнакомец снова постучал, затем безуспешно пытался взломать дверь.

Не собирался ли он сломать замок? Адил-бей прижал Соню к себе, и только заслышав шум удалявшихся шагов, он облегченно вздохнул и глянул на неё.

- Мне вдруг стало страшно, - призналась она.

От испуга её тело покрылось испариной, и Адил-бей ласково коснулся его. Впервые он по-настоящему держал её в своих объятиях. Все остальные были не в счёт, и он успел о них забыть.

- Давай поспим немного!

У неё была забавная манера спать, согнувшись, втянув голову в плечи.

Потом забрезжил серый утренний рассвет, едва уловимый из-за приклеенной к стеклу бумаги. Дом ожил. В коридоре стояли люди в очереди к умывальнику.

Проснувшись несколькими секундами позже, Адил-бей заметил, что Соня лежит с широко раскрытыми глазами. Её лицо и поза выдавали усталость.

- Как было бы хорошо! - вздохнула она.

- Что хорошо?

- Жить где-то в другом месте, например, в Стамбуле или всё равно где, - главное, такой жизнью, как на фотографии!

Он не сразу об этом догадался, скорее подумал, что она завидует, поэтому он с твердостью добавил:

- Как *будет* хорошо!

- Как будет, конечно! Но как вам это удастся?

- Ещё не знаю, но постараюсь найти способ.

Он чуть не сказал ей простодушно: «Жаль, что расстреляли проводника через границу». Лучше было об этом не вспоминать. Как бы то ни было, он не держал за это зла на Соню, считая, что она вела себя естественно и логично.

- Можно, я оденусь?

До сих пор она делала это прямо перед ним, но сегодня попросила его подождать в канцелярии. Он прошёл туда в пижаме. Увидев разбитую чернильницу, разбросанные по полу дела, он с удовольствием потянулся и улыбнулся, глядя, как за прозрачной занавеской жена Колина расчёсывала свои длинные волосы.

Ему было слышно, как Соня сновала взад и вперёд по комнате. Он угадывал каждый её жест и был счастлив, как никогда, когда она предстала перед ним в обрамлении двери в своём чёрном платье и уже в беретике.

- Как не хочется уходить! - сказала она с озабоченным видом.
- Тогда почему же вы уходите?
- Так надо.
- А если начнем с того, что поженимся в России?

Эта мысль ему только что пришла в голову, и он тут же ею поделился.

- Это не упростит вещи. Я по-прежнему останусь русской, и мне долго будут отказывать в выдаче паспорта.

- Что вы станете делать теперь?

- Постараюсь незаметно выйти. Потом вернусь к себе, позавтракаю. К девяти часам я вернусь.

Совсем забыв о консульстве, он снова взглянул на разбросанные бумаги и подумал, что теперь это уже не имеет никакого значения.

- Я займусь отъездом. Вы правы, наверное, будет лучше, если канцелярия будет открыта.

Он вполне отдавал себе отчёт в том, что ничего ещё не было улажено, и что они ещё даже не обдумали материальной стороны дела.

- До скорой встречи, Адил-бей!

Она уходила, как обычно, но охваченный безотчетным страхом, он пробормотал, как всегда в тех случаях, когда бывал слишком взволнован:

- Соня...

- Ну что? Я ведь вернусь в девять часов.

- Да... я знаю...

Он не выпускал руки, не решаясь её отпустить.

- А что, если вы останетесь?

- Это невозможно, - и она указала на дом напротив.

На пороге она обернулась, быстро улыбнувшись на прощание.

- Я буду в девять!

Адил-бей не спеша побрился, затем он услышал шаги горничной, о существование которой он позабыл.

Когда, наконец, уже одетый, он вошёл в приёмную консульства, то увидел домработницу с сумочкой Сони в руках. Ничуть не

смутившись, она сказала:

- Ваша секретарша это забыла.

- Спасибо, она скоро придет.

Что до него, то он предпочёл бы уйти ещё до прихода посетитель. У него не было определенного плана или, скорее, он знал, куда пойдет прежде всего.

Воздух был свеж. Дождь сменился туманом и с набережной едва различалась водная гладь. Какой-то пароход давал гудки при заходе в порт. Торопливо шагали люди.

Адил-бей вошёл в красные кирпичные строения, где размещались служебные кабинеты Дома стандартов; там работали русские в команде с американцами.

- Могу ли я видеть мистера Джона?

Ему указали наверх, и он отправился на второй этаж. Там было несколько дверей, в одну из которых он постучал. В ответ что-то невнятно прокричали и он вошёл.

Джон ещё был в постели при задернутых занавесях в комнате. В неясном свете он узнал посетителя, протёр глаза и взъерошил волосы.

- Я пришёл просить вас об одной услуге. Это для меня жизненно важно и очень срочно, - произнес Адил-бей на одном дыхании.

Американец неспеша выпил большой стакан минеральной воды.

- Мне необходимо вывезти одну девушку из России. Разумеется, у нее нет паспорта.

- Вашу малышку? - спросил Джон невозмутимо.

- Какую малышку?

- Вашу секретаршу-мышку?

- Да. И прошу вас хранить это в строжайшей тайне. Вам, как и мне, хорошо известно, чем она рискует.

- Получить пулю в лоб! Послушайте, надо, чтобы я поговорил об этом со знакомым бельгийским капитаном. Не могли бы вы зайти ко мне этим вечером?

Джон говорил вяло, спустив ноги с кровати и недовольно поглядывая вокруг себя.

- Нет ли способа пораньше увидеть вашего капитана?

- Скажите, Адил-бей, а вы вполне уверены, что это дитя действительно хочет уехать? Потому как, сами понимаете, если мне нет дела до неё, то я не могу этого сказать про бельгийца, который рискует очень влипнуть!

- За Соню я отвечаю.

- Это понятно!

- Почему это понятно?

- На вашем пиджаке еще остались её светлые волосы. Где же мои тапки?

Он откинул занавески, принял душ, оделся, и всё это с одинаково недовольным и невозмутимым видом.

- Я вас давно предупреждал.

- О чём?

- Ведь говорил же я вам, что вы здесь ненадолго. То, что вы совершаете - глупость, касается вас одного. Лучше было бы уехать вам одному, ведь вы хотите удрать, не так ли?..

Вместо завтрака он прополоскал горло виски, не глядя на своего раскрасневшегося собеседника.

- Вы вполне созрели, чтобы натворить глупостей. Если вас оставить в городе, я убежден, что вы найдёте причину, за что себя арестовать. Где мой пиджак? Кстати, Панделли просили передать вам привет. Сейчас они двигаются по направлению вашей страны, к Самсуну. Идёмте!

После того, как Джон окинул мрачным взглядом свою контору, они исчезли в густом тумане. Этот уголок порта насквозь пропах нефтью. Каждые пятьдесят метров встречался часовой в зелёной фуражке, приветствовавший Джона как своего.

- Это тот корабль?

- Нет, тот, что позади. Он будет загружен этим вечером и отбывает, вне сомнения, ночью. Там есть каюта и для пассажиров. У вас имеется пропуск?

- Какой пропуск?

- Чтобы ходить по территории порта и подниматься на борт кораблей.

- Нет.

- Погодите.

Джон отошёл в караульное помещение, чтобы переговорить с людьми в униформе. Адил-бею показалось, что он раздавал им сигары.

- Пойдёмте! - сказал он по возвращении. - Здесь нельзя оставаться более получаса из-за смены караула.

Капитана застали в его каюте на вершине верхней палубы, сидящим без кителя, за составлением писем.

Джон сел и представил его:

- Консул Турции! Ответьте ему напрямик, можно ли чем-то помочь его счастью или несчастью.

Судно стояло в оправе тумана, его металлические переборки были покрыты мелкими капельками воды. Капитан слушал, поглаживая затылок, моментами наблюдая за консулом.

- Он влюбился в одну русскую малышку и хочет вывезти её из страны.

- Насколько это возможно? - спросил Адил-бей.

- Все возможно, - тяжело вздохнул капитан. - Но это доставит массу неприятностей!

- Почему?

- Вы думаете, это так просто, - взять кого-то незаконно на борт и спрятать во время досмотра?

- Вы такое уже проделывали?

- Ещё бы!

Он поднялся, открыл шкаф, в котором на плечиках висело несколько униформ, шинелей, непромокаемых плащей.

- Вон там! Надо только, чтобы внизу не было видно ног.

- Как вы это делаете?

- Человек висит на руках и старается поджать ноги, насколько это возможно. Как правило, русские не касаются одежды, довольствуясь осмотром снизу.

- А если они станут обыскивать шкаф?

Капитан пожал плечами.

- Сколько времени это продлится?

- Ожидание внутри? Это может длиться час, а может продол-

жаться и целый день. В последний раз они оставались на борту с полудня до девяти вечера.

- Там хватит воздуха?

Адил-бей знал, что он докучал своими вопросами будущим попутчикам, но разве мог он их не задать?

- Девушка, о которой идет речь, способна за это время, по крайней мере, не упасть в обморок?

- За неё я отвечаю.

Джон, достав бутылку из шкафа, налил себе пива и, посмотрев на консула с тихим сожалением, произнёс:

- Всегда так говорят.

- Клянусь вам, эта девушка не такая, как все.

- Ну еще бы! Стаканчик пива? Это настоящий «Пилзен».

Ему было всё равно. Он уже взял разгон и теперь он должен был срочно всё решить.

- Полагаю, вы заходите в гавань Стамбула?

- Мы проходим Босфор, как обычно. Остаемся с час на рейде, но не можем никого высадить, так как идём транзитом.

- Где можно будет сойти на берег?

- В Анвере. Мы прибудем туда через двадцать дней.

Это было уже хуже! Но Адил-бей согласен был хоть до Сан-Франциско.

- Вас так устраивает? Если ваши документы в порядке, вы займете каюту для пассажиров. Это рядом.

- А как взять на борт девушку?

- Это уже другая история и касается она только девушки. Она умеет плавать?

Адил-бей был не вполне в этом уверен, но знал, что она часто ходила на пляж.

- Да, - ответил он с готовностью.

- В таком случае, ей лучше всего войти в воду подальше отсюда и как только совсем стемнеет, пусть бесшумно подплывет. Мы прикрепим трос к левому борту и когда она на нем повиснет, его подтянут наверх. Но учтите, что если её заметят с берега или что-то расслышат, то её расстреляют без предупреждения.

- Договорились на сегодняшний вечер, - сказал, поднимаясь, Адил-бей.

Капитан с Джоном переглянулись. Адил-бею даже в голову не пришло поблагодарить капитана, - настолько он спешил сообщить новость Соне. Джон проводил его до набережной.

- Вы полагаете, это опасно?

- Довольно опасно.

- Один шанс из скольких?

Он нуждался в пояснениях такого рода, но Джон всего лишь посмотрел куда-то в сторону.

- Сами вы будете на борту?

- Пока не знаю.

Почему все вокруг вели себя столь равнодушно? Ему хотелось встряхнуть их и прокричать:

- Вы что, не понимаете, насколько это важно, ведь речь идёт о жизни двух человек: той женщины и моей!?

Они даже не отдавали себе в этом отчета! Каждый думал только о своих делах и с ним обращались, словно с больным в состоянии перевозбуждения...

- Не показывайтесь часто на людях в таком состоянии, - посоветовал ему Джон при расставании у входа на нефтезавод, - могут о чем-то догадаться. Если, начиная с сегодняшнего вечера, произойдет нечто скверное, - я почти всегда в своём бюро. В противном случае, с десяти я в баре.

Адил-бей спешил, задыхаясь в густом тумане, оставившем на его пальто белые жемчужины влаги. Казалось, что эта набережная бесконечна, что он никогда не доберется к себе домой, а этот день был длиннейшим в его жизни. Что ему оставалось делать? Потребовать свою визу, которую ему обязаны выдать незамедлительно? - Предлогом может служить, скажем, необходимость его срочной операции в Турции.

Что же касается Сони, то ей ничего не нужно будет брать с собой. Не надо усложнять дело. Быстро все сделать и покончить разом с этим! А вот когда он услышит скрежет якорной цепи...

Он взбежал по лестнице, остановившись на мгновение, не решаясь переступить порог.

- Соня!

Её рабочее место пустовало. Люди сидели на стульях в ожидании; первый из пришедших поднялся с документами в руках.

Он прошел в свою комнату, где горничная убирала постель.

- Где мой секретарь?

- Она ещё не приходила.

Было одиннадцать часов, а она обещала прийти к девяти!

Он замер посреди комнаты и взгляд его медленно обратился к окнам напротив, которые были закрыты. На чёрном фоне их стекла филигранью вырисовывались кремовые цветы занавесок.

XI

Проходили часы, а в «небесной канцелярии» ничто не менялось. До самого полудня небо заливала заря цвета морской волны, наводящая на мысль о некой катастрофе: о поезде, потерпевшем крушение на гравий полотна или обнаруженном поутру преступлении в квартале бедноты.

Адил-бей, выйдя из дома напротив, не узнал ничего нового. Он стучал в дверь второго этажа опасаясь в равной мере как того, что ему отворят, так и того, что никого не застанет. Никто не отозвался и он в волнении и догадках принялся шагать по улицам, стараясь, иногда удостовериться в том, что за ним не следят.

- Будет лучше, если я вначале спрошу у них свою визу, а затем попытаюсь ловко разузнать хоть что-нибудь.

Большой дом, куда он обыкновенно ходил с Соней, был переполнен промокшими людьми в ожидании своей очереди. Адил-бей на правах иностранца прошёл прямо к двери приёмной. Чиновник с гладко выбритой головой был на месте. Напротив

него сидел какой-то посетитель. Зайти ему или выйти?! Подали знак немного подождать.

Такого с ним ещё не бывало! Никогда до сих пор не приходилось ему ожидать в приёмной в роли назойливого просителя! И он должен оставаться на лестничной площадке, считая минуты, среди всех этих людей, сидящих прямо на полу! Четверть часа спустя он всё ещё ожидал, чувствуя себя на грани нервного срыва и подавленным, собираясь уже открыть дверь, как она перед ним вдруг распахнулась и оттуда вышел посетитель. Чиновник посмотрел на Адил-бея со своей обычной, едва заметной улыбкой и указал ему на свободный стул.

Нужна была Соня в качестве переводчицы. Консул положил свой паспорт на стол, объяснив на ломаном русском, что ему нужна виза.

Он был готов к расспросам, удивлению. Но его собеседник довольствовался лишь тем, что прихлебывая чай, читал, переворачивая странички паспорта. Затем он протянул руку к печати и приложил её к последнему листу.

Это значило гарантированный отъезд, и Адил-бей быстро отправил паспорт в карман. Говорить о Соне оказалось делом куда более трудным и настолько сложным, что он, краснея, путаясь в словах, так и не мог ничего объяснить. Он извинялся, просил прощения за свою неловкость, но желал бы знать... Он не вполне уверен... Возможно, что...

- Sprechen Sie Deutsch? - спросил чиновник, разглядывая его с любопытством.

- Jawohl!

И почему этот мужчина не сказал раньше, что понимает по-немецки? На протяжении целых месяцев Соня должна была слово в слово переводить их беседы, в то время как они владели общим языком.

Адил-бей говорил, увлекшись от избытка чувств, объясняя, что его секретарь не явилась утром на работу, а ему абсолютно необходимо её видеть и что...

- Так вы едете или не едете?

- Я уезжаю... То есть...

- Ставлю вопрос иначе. Желаете ли вы, чтобы начиная с завтрашнего утра, я прислал вам другую секретаршу?

- Мне необходимо знать, что стало с моим секретарем, ведь я консул. А согласно международным правилам...

Он не знал, стоило ли продолжать. На губах начальника заиграла улыбка и, разведя руками, он изобразил жест бессилия.

- И что вы хотите, чтобы я вам сказал? У вас пропали документы? Может, у вашего секретаря были свои причины покинуть рабочее место? Но я занимаюсь только иностранцами...

- В таком случае, направьте меня к человеку, у которого я мог бы навести справки.

Его собеседник встал, исчез за дверью более пятнадцати минут, пока Адил-бей нервно грыз ногти в мучительном ожидании, нащупывая время от времени свой паспорт в кармане.

А если Соня всё-таки вернулась за это время? Может, он напрасно занял воинственную позицию? Служащая за его спиной щёлкала деревянными счетами.

Наконец, появился начальник отдела, с виду непроницаемый, как всегда.

- Товарищ Рабинович примет вас через несколько минут. Вы позволите?

Устроившись за столом, он принялся просматривать досье, прикладывая печать то тут, то там. Ему принесли новый стакан чая, предложили Адил-бею, но он отказался. Наконец, он поднялся, чтобы посмотреть на мгновение в окно и закурил сигарету.

- Не желаете войти?

Почему именно сейчас? Ведь не раздался звонок, и он не посмотрел на часы. Значит, он заставил консула ждать только для того, чтобы тот истомился в ожидании!

В соседнем кабинете в одиночестве восседал невысокий еврей в очках стальной оправы, при бородке, с грязными ногтями.

- Вы предпочитаете говорить по-французски? - спросил он.

А ведь до сих пор Адил-бей уверяли, что в городе нет человека, который бы говорил по-французски! Это был настоящий день откровений. Но у него не было времени об этом размышлять, и он произнёс заранее заготовленную фразу:

- Я желал бы знать, что стало с моей секретаршей, исчезнувшей этим утром.

- Зачем вам надо это знать?

Очки необычайно увеличивали глаза собеседника, придавая ему выражение какой-то завораживающей искренности.

- Потому что... это мой секретарь... и...

- Мне сказали, что вы уезжаете сегодня или завтра вечером.

- Я хотел бы, в самом деле...

- Вы что, не едете?

Адил-бей почувствовал страх, на него по-прежнему были устремлены огромные глаза.

- Напротив, конечно же, уезжаю!

- В таком случае, вы больше не нуждаетесь в секретаре. Конечно, если только вы не намерены увезти её с собой, но нас надо было известить об этом заранее.

- Уверяю вас... Нет и речи о том, чтобы её увезти.

- Значит, все прекрасно, не так ли? Это всё, что я могу для вас сделать?

Они явно были проинформированы! Вдобавок начальник отдела по работе с иностранцами всё время стоял у двери, следя за ходом беседы, хотя она продолжалась по-французски.

- Кстати, каким кораблем вы отбываете?

- Ещё не знаю.

- Надеюсь, что мы будем иметь удовольствие снова видеть вас в Батуме?

Чудовищная наивность его глаз производило пугающее впечатление: они напоминали ему скорее глаза какого-то животного.

Итак, Рабинович находился по одну сторону от него, а бритоголовый - по другую. Но обернувшись, Адил-бей вдруг обнару-

жил третье лицо, присутствовавшее во время беседы. На мгновение у него промелькнула безумная мысль, что его взяли в кольцо и они втроём не дадут ему сейчас уйти.

- До свидания, господа.

- Счастливого пути.

Они позволили ему выйти, но не проводили, оставшись в кабинете втроём, чтобы о нём потолковать!

На лестнице Адил-бею пришлось растолкать людей, которые на это никак не реагировали. Он торопливо шёл по улице и вернулся к себе, чтобы удостовериться, что Сони там не было. Окна напротив были плотно закрыты. Он ощутил мучительное чувство, похожее на сон, в котором бежишь за поездом и никак не можешь его догнать или ещё когда спускаешься по лестнице, не касаясь её ступеней.

Если он встретит Соню, хватит ли у него времени подготовиться отъезду? Ему надо срочно уезжать! Теперь невозможно оставаться в Батуме, особенно после его визита к Рабиновичу. Безусловно, он не сделал ничего такого и всё же вел себя, словно обвиняемый. Необходимо было принять какое-то решение. Оставались ещё целые часы в ожидании отъезда, и он не мог потерять их, ничего и не предприняв.

Он снова шёл вдоль набережной, лужи под ним разлетались брызгами.

Задыхаясь, но не сбавляя темпа, он подошёл к службе Дома стандартов.

- Мистер Джон у себя?

- Он обедает у себя наверху.

Ещё никогда не приходилось ему видеть столовой Джона. Он был приятно удивлен, застав его в уютной комнате, в присутствии слуги в белой куртке официанта и накрахмаленной манишке.

- Как дела?

- Соня исчезла.

- Ещё один прибор, - сказал Джон слуге.

- Я не голоден и к тому же тороплюсь.

- И что с того.

- Мне непременно надо знать, что с ней случилось. Буду с

вами откровенен. Эту ночь она была со мной. Уходя утром, она обещала мне вернуться к девяти часам. В кабинетах компетентных органов мне оказали более, чем странный приём - насмешливый и угрожающий одновременно.

Он говорил быстро, прерывисто дыша, в то время как Джон продолжал трапезу. Затем, поднявшись с полным ртом, он подвел Адил-бея к окну, чтобы показать ему немощёный двор с чёрной поверхностью земли, расположенный за стеной с колючей проволокой в три ряда.

- Что это такое?

Во дворе, окруженном зданиями из красного кирпича, никого не было. Поначалу ничего не поняв, Адил-бей вдруг вспомнил того проводника через границу.

- Там всё и происходит?!

Он был потрясен, но всё же не настолько, как он от себя ожидал. В конечном итоге, Соня была средоточием всех его хождений с самого утра. Из-за неё ему пришлось столько побегать! И всё-таки, глядя на этот злоеющий двор, он пытался вспомнить её лицо, но почувствовал, что неспособен воскресить его в своей памяти. Её черты представлялись расплывчатыми и невыразительными, словно эта девушка была далека слишком от него.

- Её могли расстрелять?

- Этим утром я не слышал выстрелов. Видите вон то строение, поменьше, чем остальные, по левую сторону двора? Именно там всё и происходит.

Это была неприкрытая правда в жестоком свете дня, в декоре, сотни раз виденном на газетных фотоснимках. Адил-бею вспомнился один такой снимок, сделанный им во время войны на рассвете: воронки от снарядов и крупным планом сапоги убитого.

- Что будем делать?

- Продолжайте есть.

Затем Джон, жуя тонкий ломтик холодного жаркого, взятый со стола, направился к телефону. Назвав незнакомый Адил-бею номер, он вёл долгие переговоры на чистом русском языке.

А ведь он никогда не упоминал, что отлично владеет русским.

Он улыбался, стараясь выказать учтивость. Держа телефонную трубку, должно быть, он справлялся о здоровье своего собеседника. Выслушивая ответ, он налил себе до краев стакан виски и становясь всё более и более серьёзным, иногда кивал головой, повторяя:

- Да!.. Да!..

Повесив трубку, он непривычно медленно осушил свой стакан.

- Кому вы звонили?

- Начальнику ГПУ, главному шефу.

- И что он сказал?

- А почему вы не едите? Он посоветовал мне не лезть в эти дела. Я настаивал и просил его сообщить мне об истинном положении дел.

- И что тогда?

- Да ничего. Он полагает, что лучшее, что вам остается сделать - это сесть на корабль тем же вечером.

- Значит, они её убили!

- Не думаю. Этим утром во дворе не было заметно никакого подозрительного движения.

- Скажите, Джон, как вы думаете, могу ли я ещё хотя бы что-нибудь сделать для неё? Отвечайте откровенно, я ко всему готов...

Он весь взмок, тогда как его собеседник вместо ответа налил ему стакан доверху.

- Выпейте это.

- Ведь не могу же я её так оставить. Надо вам сказать, что несколько месяцев мы были с ней в близких отношениях...

- Да пейте же!

Джон доедал мармелад, положив локти на стол, уставившись взглядом на рисунок скатерти.

- Было бы подлю уехать без неё. Вы должны меня понять. Или же мне необходимо быть уверенным...

Десять раз он повторял одно и то же, меняя слова и постепенно, не отдавая себе в этом отчета, начал есть. Слушал ли его Джон? Адил-бей все говорил и говорил, чего ему не удавалось в кабинете у русских. Иногда он поглядывал на стрелки часов - на них было так далеко до двенадцати.

- Прежде надо бы узнать, к кому я должен обратиться.

Джон зажёл сигарету, снова до краев наполнил стакан своего собеседника и откинулся на спинку стула.

Когда Адил-бей, наконец, выговорился, умоляюще, с испариной на лбу глядя на собеседника, тот произнес:

- Вот что вам сейчас нужно будет сделать: возвращайтесь домой и пакуйте чемоданы. Пусть вам их отнесут на борт, а вы займитесь таможей. Судно отходит только за полночь. К десяти часам я буду сидеть в баре вместе с капитаном, и вы к нам присоединитесь. Если будут какие-то новости, я вам их сообщу.

- Вы полагаете, что сможете что-то ещё разузнать?

- Я ничего не предполагаю. Я сделаю то, что могу.

- Но что? К кому вы сможете обратиться?

- Это вас не должно беспокоить.

И Джон придвинул к нему коробку с сигарами.

XII

Когда Адил-бей различал в тумане огни бара и доносившуюся из него музыку, он замедлил шаг и почувствовал облегчение, словно пловец, замедляющий свои движения при подходе к буйку.

Нервы его были на пределе. На протяжении многих часов он лихорадочно и нетерпеливо суетился и бегал по городу, в котором он не чувствовал себя в безопасности. Это было уже фактом, сам Джон признал это: Адил-бею грозила опасность.

Не только одна Соня не вернулась, - ушла и горничная безо всяких объяснений. Окна в доме напротив были закрыты весь день.

Вокруг него умышленно замыкали «круг» пустоты и молчания. К примеру, ему долго пришлось ходить по улицам в поисках носильщика под мелким морозящим дождем: никто ему даже не отвечал!

Ему пришлось самому перенести свой багаж и чемоданы и хотя кто-нибудь из жильцов мог бы ему помочь, никто даже не показался.

Что он мог поделаться, ожидая на краю тротуара со своим багажом? Не было ни такси, ни повозок. Его окружили пустотой, взяли в кольцо, вознамерились задушить его в этом вакууме равнодушия!

На стройке нашлась тачка и Адил-бей с мертвенно-бледным, синеватым лицом толкал её вдоль всей набережной!

Он не мог опоздать с таможенной. Любой ценой нельзя было допустить, чтобы завтра он ещё оставался в этом городе.

Со своей тачкой он проследовал мимо памятника Ленину, затем перед Клубом профсоюзов, где никого не было видно. Он попытался представить себе Соню в своем окне, такой, какой он её увидел. Но её облик снова ускользал от него. Ему предстояло слишком многое сделать и продумать. Его отсылали от таможенника к таможеннику. Никто ему не помогал. Для него лучше было оставаться в порту, совсем рядом с кораблем, нежели снова вернуться на эти промозглые улочки с их мрачными домами, в которых шевелились подобия теней, или же в кабинеты, где ему угрожающе скалили зубы чиновники.

Теперь было покончено со скитаниями и суетой; он снова погрузился в мир музыки. У него приняли пальто и шляпу у сияющей рампы оркестра. За столиком его ждали трое. С одной стороны сидел Джон, с другой - бельгийский капитан, а в центре, повернувшись к нему спиной, - какая-то женщина. Это была Нежла!

- Виски? - спросил Джон. И тут же добавил, чтобы разом покончить с надоевшими расспросами:

- Представьте себе, я так и не узнал ничего нового!

Стенные часы, висевшие над музыкантами, показывали ровно десять. Нежла пребывала в нервном возбуждении.

- Похоже, что вы уезжаете, Адил-бей, - сказала она, развернувшись к нему.

- Ещё не знаю.

- Помилуйте! Ведь ваш багаж уже на борту!

Она бросила многозначительный взгляд на капитана, потом на Джона. Тот поднялся и пошёл в сторону умывальной комнаты, подавая турку знак следовать за ним.

- Вы думаете, не стоит и пытаться? - произнёс тот, оставшись наедине.

- Не стоит.

- А позже? Завтра, послезавтра?

- Безнадёжно.

- Откуда вы это знаете?

- Пополудни пришёл крытый грузовичок.

- О каком грузовике вы говорите?

Он не осознавал, но догадывался, что это было зловещим предзнаменованием.

- Такой небольшой, крытый жестью с дырами для проветривания...

Он видел его всего два или три раза. Как только он появлялся на улицах города, все уже знали, что где-то надо подобрать труп.

- Когда этот грузовичок подъезжает к казарме и въезжает во двор,... да расслабься, старина!

Джон ласково потрепал его по плечу. Адил-бей стоял неподвижно, с сухими глазами, ощущая только холодок между лопатками.

- Вы уверены, что он ездил именно за ней?

Он говорил обычным голосом, но взгляд его стал жёстче, чем днём.

- Пойдемте. Наверное, все уже задаются вопросом, чем мы тут с вами занимаемся.

Джон вернулся на своё место и внимательно посмотрел на Адил-бея, прервавшего оживлённую беседу капитана с Нежлой.

- Когда мы уезжаем?

- Ближе к часу ночи. Нам надо быть на борту до полуночи.

Это означало, что ждать оставалось более часа, и Джон видел, как взгляд Адил-бея скользил от одного человека к другому, настороженно следя даже за занавесью, отделявшей часть зала.

- Пейте! Сейчас вам это только на пользу!

- Вы думаете?

Нежла также беспокойно смотрела на Адил-бея и, коснувшись ногою ноги капитана, шепнула ему на ухо:

- Вы уже сказали ему?

- Пока нет.

Этот час длился бесконечно! Если всё же расстреляли Соню, брат которой работал в ГПУ, то не было основания, чтобы...

- Кстати, - прошептал капитан совсем тихо, наклонившись к нему с некоторым смущением.

Он был изрядно во хмелю, щёки его побагровели. Адил-бей заметил, что он держал Нежлу за руку.

- Поскольку известный вам человек не может прийти, а всё уже подготовлено...

Он убедился в том, что соседи его не слушают. Джон, прищёлкивая пальцами, вторил ритму джаза.

- ...То я решил взять вместо неё эту мадемуазель... Нам стоит уже подняться на борт... Через полчаса она присоединится к нам... Гарсон!..

Он хотел заплатить, но Джон остановил его за руку и сказал официанту по-русски:

- За мой счёт.

Дождь уже перестал. Женщины стояли на пороге в ожидании, как и всегда по вечерам, но ни одна из них не одарила своей улыбкой никого из троих. Джон шёл, опираясь на плечо Адил-бея. Они топали по вязкой грязи портового дока, втягивая носом воздух, пропахший нефтью.

Служба пограничного надзора ещё не прибыла. Адил-бей слышал, как кто-то это сказал. Он шёл следом и, наконец, оказался в каюте капитана наедине с Джоном.

- Вам здесь спокойнее, не так ли?

Он покорно кивнул и выпил предложенное ему пиво. Потом задался вопросом о том, где мог быть капитан, но почти сразу же стал думать о другом.

Чуть позже на сходнях послышались шаги. Дверь открылась, вошла насквозь промокшая Нежла в прилипшем к телу платье и

офицер закрыл за нею дверь.

- Не угодно ли вам будет переодеться в душевой?

Действие разворачивалось, словно в немом кино, без сопровождения музыки и слов; при этом Адил-бей был полностью вне игры. Чувствуя на себе пристальный взгляд Джона, он пытался ему улыбнуться, как бы желая успокоить его. Всё было кончено, не успев начаться. Или, скорее всего, имело вид плачевного финала, хотя ничего ещё не было окончательно решено, ибо пограничная служба ещё не поднималась на борт.

Капитан вошёл вместе с Нежлой в соседнюю каюту. Она вышла из неё в одном пеньюаре, и её разместили в шкаф для одежды.

Вошёл второй офицер.

- Они уже внизу!

Почему ему не удавалось вспомнить ни одного выражения лица Сони? Перед ним вновь предстала её чёрный силуэт, тонкая белая шея, берет и даже молочно-белое пятно лица. И это было всё! Почему?!

В кают-компания офицеров за столом сидели три человека в зелёных форменных фуражках. Им тоже предложили выпить пива. На столе лежала груда паспортов, и тридцать два члена экипажа выстроились в шеренгу вдоль стенки.

Шла перекичка, как в казарме. Колин листал паспорт, смотрел на фотографию, затем на подошедшего к нему человека.

- Петерс...

- Я!

Колин проделывал все медленно и добросовестно. Адил-бей, стоя в конце вереницы, заметил у него в петлице чёрную ленту шириной в два пальца, похожую на орденскую ленточку.

- Ван Ромпен...

- Я!

Затем он возвращал каждому свой паспорт.

- Нильсен...

- Я!

- Адил Зеки бей.

Ответ прозвучал не сразу и Колин поднял голову, глядя на одутловатое лицо турка, который безотрывно смотрел на траур в

его петлице, стоя неподвижно и чуть дыша.

- Капитан Ковелаэрт...

- Здесь!

Это был конец. Ему вернули его паспорт. Он чуть задел пальцами руку Колина, не испытав при этом никакого волнения! Теперь начинался таможенный досмотр, пока экипаж оставался в офицерской кают-компании. Колин вышел вместе со своими людьми в сопровождении капитана. Матросы уселись, один из них допил начатую бутылку пива.

- Ну как, старина?

Джон тяжело посмотрел на Адил-бея.

- Да как, никак, - он горько улыбнулся. - Вы заметили чёрную ленточку?

- Да! И его глаза тоже. На его месте я бы вас убил...

Как Джон мог обо всем догадываться? Об окне напротив, о Колине, выкуривающем по ночам свои папиросы. О серых листах бумаги, которые Адил-бей приклеил к стеклам... И о том, что этот русский десятки раз высовывался из окна, осматривая улицу в ожидании...

- Мне пора сходить вниз. В добрый час!

- Вы ещё долго будете в Батуме?

Джон так посмотрел на него, как только он один мог это делать, с какой-то странной зоркостью во взгляде при всей его внешней апатичности.

- Вне сомнения, навсегда.

- Почему?

Через распахнутую дверь виднелась промокшая от дождя набережная, свет бара вдалеке и угадывался лабиринт грязных улочек.

Джон просто сказал:

- Привычка... Прощайте!..

Колин и его люди спускались по трапу. Колин нёс подмышкой портфель. Капитан бросил многозначительный взгляд на Адил-бея, проходя перед ним.

Затем последовали суетливая беготня, разные манёвры с оснащением, крик и гам приказов, шум воды, струящейся с якорной

цепи.

Будет ли Колин, возвращаясь к себе домой, облакачиваться на подоконник и смотреть, как раньше, в опустевшие теперь глазницы окон напротив!?

Адил-бей стоял где-то на мостике, опираясь на планшир. Мир качнулся, свет огней сменил направление. Мимо него пробежали матросы. Время от времени раздавался звон радиотелеграфа, передававшего судам приказы.

Шёл дождь или стоял густой туман? Кожа была влажной, мостик - мокрым. Усиливалось прерывистое дыхание мотора. Судно пересёк зелёный, а затем и красный свет бортовых огней. Корабль дал три мощных гудка, прежде чем начал набирать скорость.

Вскоре Батум уже скрылся из виду. Миновали мыс и самую тёмную часть неба и вот на горизонте показались горы Малой Азии.

- Капитан приглашает вас пройти в его каюту.

Стюард ушёл. Поднявшись по трапу, Адил-бей услышал шум голосов.

- Войдите!

Ярко горел свет. Нежда в розовой пижаме вызывающе громко смеялась, меняя иглу на патефоне. Капитан расстегнул китель, бортпроводник принёс шампанского.

- Думаю, вы не откажетесь выпить с нами один бокал...

Игла патефона выводила танго, которое каждый вечер играли в баре. Нежда подпевала отдельные слова и изображала танцевальные па, глядя на мужчин блестящими глазами.

Затем она под села к капитану на ручку кресла. Затем...Снова просили принести шампанское. Нежда много смеялась и танцевала, обнимая капитана, принуждая танцевать и Адил-бея.

Время от времени она ему подмигивала, особенно тогда, когда ласкалась к бельгийцу. Иногда её декольте становилось чересчур откровенным, но она делала вид, что замечала это не сразу.

Судно равномерно вибрировало, ощущалось лишь слабое покачивание, но Адил-бею было не по себе.

Как мог он думать о Соне? Ему удавалось припомнить лишь

её черное платье, резиновые ботики, берет...

Капитан был счастлив. Было уже очень поздно, когда он поднялся:

- Пойдёмте спать!

Он пожал влажную руку Адил-бея. Нежла не выходила из своей каюты и за закрытой дверцей еще долго звучал её смех.

Позже опустили крышку иллюминатора и Адил-бей, которого тошнило, вышел к бортовым реям. Его буквально выворачивало наизнанку, да так, что пришлось обхватить себя руками.

Надстройка над верхней палубой была бела, как молоко, несмотря на морозящий дождь, всё остальное же казалось чёрным.

Что сможет сказать ему министр? Ведь любой врач без труда обнаружит в нём следы мышьяка! И потом, Джон, знавший хорошо этот край, однозначно советовал оставить его.

Впрочем, ведь сражался же он на Дарданеллах, а затем за Мустафу Кемаля! К тому же он, не колеблясь, поставил Панделли на место!

В капитанской каюте всё ещё раздавался смех; тем временем как Адил-бей у себя повернул выключатель, машинально глядя в иллюминатор, словно желая убедиться, что никогда не увидит окна напротив.

